

ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА ФОРКОСИГАНА

ЛОИС МАКМАСТЕР
Буджолд

КОМАРА

Мастера фантазии

Лоис Макмастер Буджолд

Комарра

«Издательство АСТ»

1998, 1999, 2002, 2004

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Буджолд Л.

Комарра / Л. Буджолд — «Издательство АСТ», 1998, 1999, 2002, 2004 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-121704-4

Лоис Макмастер Буджолд – ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственников, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла». В сборник вошли «Комарра», «Гражданская кампания», «Подарки к Зимнепразднику» и «Дипломатическая неприкосновенность».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121704-4

© Буджолд Л., 1998, 1999, 2002, 2004
© Издательство АСТ, 1998, 1999, 2002, 2004

Содержание

Комарра	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	60
Глава 7	77
Глава 8	84
Глава 9	91
Глава 10	96
Глава 11	104
Глава 12	117
Глава 13	130
Глава 14	137
Глава 15	147
Глава 16	157
Глава 17	171
Глава 18	180
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Лоис Макмастер Буджолд

Комарра

Lois McMaster Bujold

Volume 4: Komarr. A Civil Campaign. Winterfair Gifts. Diplomatic Immunity

© Lois McMaster Bujold, 1998, 1999, 2002, 2004

© Перевод. Т. Черезова, 2020

© Перевод. О. Косова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Комарра

Глава 1

Последние серебристые лучи комаррского солнца исчезли за небольшими холмами на западе, и яркий свет, отбрасываемый висящим в небе солнечным отражателем, казался еще ярче на фоне пурпурно-синего неба. Когда Катриона впервые увидела на Комарре искусственное солнце, ей показалось, что в небе распустился огромный, сотканный из звезд фейерверк, какой обычно бывает на Зимнепраздник, успокаивающий и красивый. И вот теперь, облокотившись о перила балкона, выходящего на центральный городской парк, она сосредоточенно изучала преломленные лучи, бьющие сквозь прозрачный купол. Слишком яркие на фоне темного неба. Три из шести дисков отражателя не работали вовсе, а седьмой, центральный, сделался тусклым и матовым.

В свое время ей довелось прочесть, что древние земляне, наблюдая кометы, взрывы сверхновых, падающие звезды, считали это знамениями, предвещавшими различные катастрофы. Само слово «катастрофа» уже содержит в себе астрологическую суть. И произошедшее две недели назад столкновение грузового внутрисистемного корабля-рудовоза с солнечным отражателем уж точно было катастрофой в самом буквальном смысле слова. Оно принесло мгновенную смерть полудюжине комаррцев из обслуживающего персонала станции. Но на большинство жителей Комарры, укрытых в своих куполах, это событие практически не повлияло. Внизу, в парке, команда рабочих налаживала дополнительное освещение. На пищевых фермах уже приняли меры, чтобы уберечь зеленые насаждения и оборудование. Здесь, на Комарре, любая зелень под куполами служила не просто украшением. Каждое растение вносило свою лепту в биологический резервуар, необходимый для поддержания жизни. Сады под куполами должны жить, несмотря ни на что, и их симбионты, люди, тщательно о них заботятся.

Но за пределами куполов, там, где хрупкие растения трудятся для терраформирования планеты, все обстоит иначе. Катрионе были известны данные о потерях, столь жарко обсуждавшиеся вот уже две недели за ее обеденным столом. Особенно силен был урон, нанесенный растениям на экваторе. Зимний холод сковал всю планету. Сколько времени пройдет, пока здесь все починят? И когда, собственно говоря, начнут чинить? Для диверсии – если это, конечно, диверсия – такие последствия кажутся бессмысленными. А если это неудавшаяся диверсия, тогда все непонятно вдвойне. Попытаются ли они снова – если эти «они» вообще существуют? Если это вообще злой умысел, а не глупейший несчастный случай.

Вздохнув, Катриона отвернулась и включила дополнительное освещение своего крошечного садика на балконе. Кое-какие барраярские растения были особенно чувствительны к недостатку солнечных лучей. Проверив уровень освещенности, она придвинула два плющоленемора ближе к источнику света и установила таймер. Определив опытными пальцами температуру и влажность почвы, Катриона кое-где подлила воды. Она ненадолго задумалась, не внести ли в помещение старый бонсай, но в результате отказалась от этой мысли. В конце концов, здесь, на Комарре, даже на балконе все равно что в помещении. Уже почти год, как Катриона не чувствовала на своих волосах дуновения ветра. Внезапно она ощутила родство с высаженными за пределами купола растениями, которые медленно гибнут без света и тепла, задыхаясь в ядовитой атмосфере... Дура! Прекрати немедленно! Нам повезло, что мы здесь.

– Катриона! – раздался из глубины квартиры требовательный рев мужа.

– Я на балконе, – ответила она, всунув голову на кухню.

– Ну так иди сюда!

Уложив садовые принадлежности в ящик, Катриона плотно прикрыла за собой дверь на балкон и поспешила на зов. Она пересекла комнату и быстро спустилась по винтовой лестнице. Тьен, с коммом на запястье, нетерпеливо поджидал ее возле входной двери.

– Только что звонил твой дядя. Он приземлился в пассажирском порту. Я еду за ним.

– Я заберу Николаса и поеду с тобой.

– Не стоит. Я встречу его у выхода на Западной станции. Он велел передать тебе, что с ним гость. Еще один Аудитор, похоже, что-то вроде помощника. Но просил не суетиться, сказал, что они оба непритязательны. Кажется, он вообразил, что мы собираемся кормить их на кухне. Ха! Целых два Имперских Аудитора! И вообще, зачем тебе понадобилось его приглашать?

Она изумленно уставилась на мужа.

– Как может дядя Фортиц побывать на Комарре и не заглянуть к нам? И потом, разве его расследование не касается твоего департамента? Конечно, он хочет нас видеть. Я думала, он тебе нравится.

– Нравился, когда был старым добрым профессором, – похлопывая себя по бедру, ответил Тьен. – Эксцентричный дядя Фортиц, фор-технар. Назначение его Имперским Аудитором застало всю семью врасплох. Не представляю, на какие рычаги он нажал, чтобы добиться такой должности!

А ты считаешь, что люди делают карьеру только таким способом? Но вслух она этого не сказала.

– Из всех политических постов наименее вероятно получить таким образом должность Имперского Аудитора, – пробормотала Катриона.

– Наивная Кэт. – Тьен коротко улыбнулся и обнял ее за плечи. – В Форбарр-Султане никто ничего не получает просто так. За исключением, пожалуй, помощника твоего дяди, который, как я слышал, близкий родственник самого Форкосигана. Он, судя по всему, получил свой пост на халяву. Невероятно молод для такой должности, если это именно тот, кто приносил присягу во время Зимнепраздника. Легковесный тип, надо полагать, хотя все, что сказал о нем твой дядя Фортиц, это что он весьма болезненно воспринимает свой рост и не стоит заострять на этом внимание.

Тьен сунул комм в карман куртки. Его рука слегка тряслась. Катриона схватила его за запястье и повернула ладонь вверх. Дрожь усилилась. Она с тревогой посмотрела на мужа.

– Нет, черт подери! – Он вырвал руку. – Ничего не происходит! Я просто немного нервничаю. И устал. И к тому же голоден, так что позаботься приготовить что-нибудь путное к нашему приезду. У твоего дяди вкусы, возможно, и непритязательные, но я сильно сомневаюсь, что их разделяет выросший в Форбарр-Султане лорд.

Сунув руки в карманы, Тьен отвернулся, чтобы не видеть несчастное выражение ее лица.

– Ты сейчас старше, чем был тогда твой брат.

– А про вариабельность ты помнишь? Мы скоро поедem. Обещаю.

– Тьен... Я хочу, чтобы ты бросил этот план насчет галактического лечения. Здесь, на Комарре, медицина ничуть не хуже, чем на Колонии Бета или где-нибудь еще. Когда ты получил назначение сюда, я думала, ты приступишь к лечению. Забудь о секретности, попроси о помощи открыто. Или лечись анонимно, если тебе так хочется. Но только не надо больше тянуть!

– Они здесь не умеют держать язык за зубами. Наконец-то я начал делать карьеру, и мне сейчас абсолютно ни к чему слухи о мутации.

Если мне все равно, мутант ты или нет, то какое тебе дело до мнения других?

Поколебавшись, она все же продолжила:

– Ты поэтому не хочешь видеть дядю Фортица? Тьен, поверь, из всех моих родственников – да и твоих, если на то пошло, – его меньше всего будет волновать, генетическое твое заболевание или нет. Он позаботится о тебе и о Никки.

– Я все держу под контролем, – настойчиво возразил он. – И не вздумай выдать меня дяде, когда я уже так близок к цели. Все под контролем. Вот увидишь.

– Просто не... следуй примеру твоего брата. Обещай мне! – То, что случилось с флайером, не было несчастным случаем. Это был итог многолетнего кошмарного ожидания и наблюдения за симптомами...

– Я вовсе не намерен творить ничего подобного. Все идет по плану. Когда истечет срок моего комаррского контракта, мы все втроем – ты, я и Николас – отправимся в длительный отпуск, будем путешествовать по галактике. За это время мы все приведем в норму, и никто ничего не узнает. Если, конечно, ты не потеряешь голову и не устроишь панику в самый ответственный момент! – Схватив ее за руку, он вымученно улыбнулся и выскочил за дверь.

«Подожди, и я все приведу в норму. Верь мне». Последнее время ты мне это постоянно твердишь. И до этого твердил, и еще раньше... Так кто кого предает? Тьен, у тебя уже выходит время, разве ты не видишь?

Катриона побрела на кухню, соображая, что подать на ужин, дабы удовлетворить столичного фор-лорда. Белое вино? Ее небогатый опыт общения с аристократами подсказывал, что если их как следует «накачать», то совершенно не имеет значения, чем их кормить. Она положила одну бутылку из драгоценных, привезенных из дома запасов в морозильник. Нет, пожалуй, стоит добавить еще пару.

Катриона поставила еще один стул к стоящему на балконе столу, где они обычно ужинали. Жаль, что она не наняла ради такого случая на вечер слугу. Но слуги-люди обходятся на Комарре так дорого! К тому же ей хотелось спокойно, по-домашнему поболтать с дядей Фортицем. Все официальные средства информации только и толкуют о том, что произошло, и прибытие на орбиту Комарры не одного, а аж целых двух Имперских Аудиторов нисколько не уменьшило количество слухов. Во время недолгого разговора Катрионы с только что прибывшим на орбиту дядей (временная задержка, вызванная расстоянием, не способствовала длительной беседе) обычно спокойный и меланхоличный дядя Фортиц достаточно раздраженно отзывался о поднятой вокруг него шумихе. И намекнул, что с удовольствием скрылся бы от назойливого внимания. Поскольку за долгие годы преподавательской деятельности дядя, несомненно, привык к глупым вопросам, Катриона сильно подозревала, что на самом деле его раздражение вызвано тем, что сейчас он просто не знает, как отвечать.

Но больше всего, признавалась она себе, ей хочется снова окунуться в атмосферу счастливого прошлого. После смерти матери она два года жила с тетей и дядей Фортицами, под их ненавязчивым присмотром посещая Имперский университет. Жизнь с профессором и его женой была более спокойной и не такой регламентированной, как в доме ее отца в пограничном городке Южного континента, где царила консервативная форская атмосфера. Возможно, так было потому, что тетя с дядей относились к ней как к взрослой, а не как к ребенку, каковым она на самом деле тогда являлась. И ей это очень льстило. Катриона с легким чувством вины признавала, что дядя с тетей были ей ближе, чем отец. В то время, очень недолго, ей казалось, что перед ней открыты все пути.

А потом она выбрала Этъена Форсуассона, или он – ее. *Тогда ты была этим вполне довольна.* Она сказала «да» на предложение свахи, причем совершенно добровольно. *Но ты же не знала. И Тьен не знал. Дистрофия Форзонна. Никто в этом не виноват.*

В кухню ворвался девятилетний Николас.

– Мам, я есть хочу! Можно мне кусочек пирога?

Она перехватила торопливую ручонку.

– Ты можешь пока что выпить стаканчик сока.

– У-у! – протянул сын, но согласился на предложенную замену, выданную ему в высоком бокале для вина. Он мигом проглотил сок, ни на секунду не переставая болтать. Просто перевозбужден или унаследовал нервную систему отца? Прекрати выдвигать предположения! – приказала она себе. Мальчик целых два часа сидел у себя в комнате, занимаясь своими моделями. Ему надо выпустить накопившуюся энергию.

– Ты помнишь дядю Фортица? – спросила Катриона. – Три года назад мы были у него в гостях.

– Ага! – Сын прикончил сок. – Он водил меня в свою лабораторию. Я думал, там будут всякие колбы и булькающие жидкости, а там оказались только огромные машины и бетон. И пахло так смешно.

– Да, правильно, пахло озоном, – кивнула она, обрадованная, что сынишка так хорошо все помнит. Катриона забрала у сына бокал. – Давай руки. Я хочу посмотреть, насколько большим ты вырастешь. Из щенков с большими лапами, как правило, вырастают крупные собаки. – Никки протянул ладошки, и она приложила к ним свои. Его пальчики были на пару сантиметров короче ее. – Ух ты!

Никки сверкнул самодовольной улыбкой и быстро глянул себе на ноги. Большой палец торжественно высовывался из свежей дырки в новом носке.

Его детские светлые волосы уже начали темнеть. Должно быть, в конце концов они станут такими же темно-каштановыми, как у нее. Ростом ей по грудь, хотя она готова была поклясться, что еще пятнадцать минут назад он был ей по пояс. А глаза карие, как у его па. Чумакая ладошка – и где он ухитрится под куполом найти столько грязи? – совсем не дрожала, а глаза оставались чистыми и ясными. Не трясутся.

Ранние проявления дистрофии Форзонна были схожи по симптомам с доброй дюжиной других заболеваний и могли проявиться в любой момент, начиная с подросткового возраста. Но не сегодня, не у Николаса.

Пока нет.

От входной двери донеслись мужские голоса. Никки помчался вниз. Когда Катриона подросла следом за ним, он уже висел на плотном седовласом мужчине, который, казалось, заполнил собой все помещение.

– Уф! – выдохнул дядя Фортиц, обхватив повисшего на нем Николаса. – Как ты вырос, Никки!

Несмотря на свой громкий новый титул, дядя Фортиц совсем не изменился: тот же внушительный нос и большие уши, привычная мятая, висящая мешком одежда, вечно выглядевшая так, будто он в ней спал. Тот же басистый смех. Поставив внучатого племянника на пол, он крепко обнял племянницу, ответившую ему тем же, и наклонился к своему чемодану.

– Кажется, Никки, для тебя здесь что-то есть...

Николас нетерпеливо выплясывал вокруг деда, а Катриона отошла в сторонку, дожидаясь своего часа.

Нагруженный багажом Тьен протиснулся в дверь. И только тогда она заметила стоящего в стороне мужчину, с отстраненной улыбкой наблюдавшего за семейной сценкой.

Она с трудом удержала изумленный взглас. Мужчина оказался ростом с девятилетнего Никки, может, чуть выше, но за ребенка его принять было никак нельзя. Большая голова на короткой шее, слегка сгорбленная спина. Худощавый, но крепкий. В сером костюме, белой рубашке и начищенных до блеска ботинках. Одежда лишена любых украшений, так любимых высшими форами, но сидит великолепно – должно быть, сшита по индивидуальному заказу, фигура у него, мягко говоря, нестандартная. Катриона даже не осмелилась прикинуть, сколько может стоять такой костюм.

Определить возраст мужчины было трудновато. Возможно, чуть старше нее? Седины в темных волосах нет, но морщинки у глаз и вокруг рта резко выделяются на бледной коже.

Повернувшись полюбоваться, как Никки атаковал деда, он несколько неловко опустил на пол свой чемодан, но калекой не выглядел. Неприметным назвать его было нельзя, но, во всяком случае, он явно старался быть ненавязчивым. Неловко себя чувствует в обществе? Катриона внезапно вспомнила свои обязанности дочери фора и подошла к гостю.

– Добро пожаловать в мой дом... – Ой, Тьен ведь не назвал его имени! – милорд Аудитор! Протянув руку, он вежливо сжал ей ладонь.

– Майлз Форкосиган. – Рука у него оказалась сухой и теплой, меньше, чем ее, но рукопожатие мужественное. Ногти – чистые и аккуратные. – А вы, сударыня?..

– Ой! Катриона Форсуассон...

Он выпустил ее руку, не поцеловав – к ее величайшему облегчению. Катриона быстро глянула на его макушку, находящуюся на уровне ее ключиц, сообразила, что его лицо находится прямо напротив ее бюста, и чуть отошла. Он посмотрел на нее, едва заметно улыбнувшись.

Никки, гордо демонстрируя свою силу, уже волок самый большой чемодан дяди Фортица в гостевую комнату. Тьен вежливо проследовал за своим старшим гостем. Катриона быстро произвела перерасчет. Совершенно очевидно, что она не может устроить этого Форкосигана в комнате Никки. Детская кровать ему, безусловно, подойдет идеально, но это так неловко! Уложить Имперского Аудитора на кушетке в гостиной? Вряд ли можно назвать эту мысль блестящей. Жестом она предложила гостю проследовать за ней в ее кабинет-оранжерею. Возле одной стены стояли рабочий стол и полки со всякой всячиной, нежные зеленые земные и коричневые барраярские растения вились по другой. Свободное пространство оставалось лишь возле широкого окна.

– У нас не очень много места, – извинилась она. – Увы, даже барраярским администраторам приходится довольствоваться тем, что им предлагают. Я закажу для вас гравитационную койку, ее доставят еще до конца ужина. Но по крайней мере эта комната изолированная. Мой дядя так роскошно храпит... Ванная комната чуть дальше направо по коридору.

– Все нормально, – заверил он ее.

Подойдя к окну, Майлз посмотрел на простиравшийся внизу парк. Огни ближайших домов мягко светились в сумеречном освещении полупогасшего солнечного отражателя.

– Я понимаю, что это не совсем то, к чему вы привыкли...

Форкосиган улыбнулся уголком рта:

– Однажды я целых шесть недель спал на грязной земле. Вместе с десятью тысячами чумазных мэрилакцев, многие из которых храпели весьма прилично. Так что уверяю вас, все нормально.

Катриона улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать на шутку. Если это вообще шутка. Оставив гостя устраиваться, она поспешила на кухню, чтобы заказать гравикойку и завершить приготовления к ужину.

В конце концов все всё равно собрались на кухне, и коротышка Аудитор снова нарушил планы Катрионы, позволив ему налить лишь полбокала вина.

– Я провел семь часов в скафандре. Если выпью больше, то еще до десерта усну лицом в тарелке, – сверкнул он глазами.

Катриона рассадил всех вокруг стола на балконе и подала пряное жаркое на основе искусственных протеинов, которое, как она и предполагала, пришлось дяде по вкусу. Пустив по кругу хлеб и вино, она наконец выбрала время для разговора с дядей.

– Как продвигается ваше расследование? Сколько вы здесь пробудете?

– Боюсь, не дальше, чем ты слышала в новостях, – хмыкнул Фортиц. – Возможно, мы будем здесь до тех пор, пока аварийная команда не закончит собирать обломки. Нам недостает пока кое-каких очень важных кусков. Грузовик был загружен под завязку и обладал колоссальной массой. Когда двигатель взорвался, обломки разлетелись во все стороны. Нам просто

необходимы все части системы управления, которые только удастся отыскать. Если повезет, большую часть аварийщики выловят дня за три.

– Значит, это диверсия? – поинтересовался Тьен.

Дядя Фортиц пожал плечами:

– Поскольку пилот погиб, доказать это будет крайне сложно. Во всяком случае, аварийщики пока что не обнаружили никаких следов взрывчатки.

– Взрывчатка в данном случае была бы лишней, – пробормотал Форкосиган.

– Вращающийся грузовик влетел в отражатель под самым скверным углом, – продолжил дядя Фортиц. – Половина урона нанесена обломками самого отражателя. При такой силе удара и инерции он просто сам себя разнес на части.

– Если именно этого они и добивались, то математический расчет должен быть просто сногшибательно точен, – сухо заметил Форкосиган. – Одно лишь это склоняет меня к мысли, что произошел действительно несчастный случай.

Катриона наблюдала за мужем, который исподволь не сводил глаз с коротышки Аудитора, и читала в его взгляде молчаливый приговор: «Мутант!» Что может думать Тьен о человеке, в котором столь явно видны признаки отклонения от нормы, но который воспринимает это без всякого чувства вины или стеснительности?

Тьен с любопытством повернулся к Форкосигану:

– Я понимаю, почему император Грегор направил сюда профессора, поскольку лорд Фортиц – самый признанный имперский авторитет в области анализа инженерных неполадок. А каково... хм... ваше участие в этом деле, лорд Аудитор Форкосиган?

Губы Форкосигана искривились в ухмылке.

– У меня есть кое-какой опыт по работе с космическими конструкциями. – Наклонившись вперед, он поднял голову. В его глазах мелькнула на мгновение ирония и тут же исчезла. – Вообще-то, пока идет расследование причин катастрофы, я всего лишь пристяжной. Это первая по-настоящему интересная задача, с которой мы столкнулись с тех пор, как я принес присягу Аудитора три месяца назад. И мне захотелось посмотреть, как ведется следствие. Поскольку император Грегор собирается жениться на комаррианке, он кровно заинтересован в том, чтобы эта авария имела как можно меньше политических последствий. Сейчас очень неподходящее время для осложнений в барраяро-комаррских отношениях. Но будь то диверсия или просто несчастный случай, повреждение отражателя так или иначе скажется на Проекте Терраформирования. Кстати, насколько мне известно, ваш сектор «Серифоза» весьма показателен в плане осуществления этого проекта?

– Да. Завтра я проведу для вас экскурсию, – пообещал Тьен. – У меня есть полный отчет, специально подготовленный моими комаррскими помощниками. Но самые важные выкладки по-прежнему чисто умозрительные. Как скоро починят отражатель?

Форкосиган, поморщившись, поднял маленькую ладонь.

– Зависит от того, сколько денег выделит Империя. И вот тут все действительно принимает очень серьезную политическую окраску. Ведь на самом Барраяре тоже активно ведется терраформирование, а эмигранты с обеих планет заполнили практически все рейсы на Зергияр, и поэтому кое-кто из членов правительства открыто удивляется, зачем мы тратим столько средств из имперской казны на Комарру.

По его ровному тону Катриона так и не поняла, разделяет он сам это удивление или нет.

– Терраформирование на Комарре началось за три века до того, как мы ее завоевали, – недоуменно сказала она. – Вряд ли мы можем сейчас остановить этот процесс.

Форкосиган пожал плечами:

– Есть еще одна позиция, чисто военная. Сокращение численности населения под куполами делает Комарру более уязвимой с военной точки зрения. Зачем давать жителям покоренного мира больше жизненного пространства, где они смогут перегруппироваться и набраться

сил? Эта позиция базируется на очень любопытном предположении, что через триста лет, когда терраформирование уже завершится, население Барраяра на Комарре еще не ассимилируется. Потому что если народ ассимилируется, то купола станут нашими, и нам уж точно не захочется, чтобы они были узвимы, а?

Он помолчал, пережевывая жаркое, выпил глоток вина и продолжил:

– Поскольку ассимиляция – основная цель политики Грегора, а там, где дело касается проводимой им политики, он давит всем весом своей императорской власти... то проблема возможного мотива диверсии становится – хм – более запутанной. Возможно, диверсанты – барраярские изоляционисты? Или комаррские экстремисты? И намерены публично возложить вину на противника? Насколько эмоционально привязаны живущие под куполами комаррцы к цели, осуществление которой не увидит никто из ныне живущих? Может, они в данный момент предпочтут сэкономить деньги? Диверсия или простая авария – с технической точки зрения разницы никакой, но с политической – огромная.

Они с Фортицем обменялись быстрыми взглядами.

– Так что я наблюдаю, слушаю и жду, – закончил Форкосиган и обратился к Тьену: – А как вам нравится Комарра, администратор Форсуассон?

Тьен, усмехнувшись, пожал плечами:

– Все прекрасно, кроме самих комаррцев. Оказывается, они чертовски обидчивы.

Брови Форкосигана поползли вверх.

– У них нет чувства юмора?

Катриона удивленно поглядела на него, невольно вздрогнув от сухости его тона, но явно ничего не заметивший Тьен лишь хмыкнул.

– Они делятся примерно поровну на жадных и сварливых. Осуждение барраярцев считается здесь патриотическим долгом.

– А вы как считаете, госпожа Форсуассон? – Форкосиган протянул Катрионе опустевший бокал.

Наполнив бокал до краев, прежде чем гость успел ее остановить, она задумалась над ответом. Если дядя – технический эксперт в этом Аудиторском дуэте, то, значит, на долю Форкосигана остается... политическая оценка? Так кто же действительно главный в этой команде? Уловил ли Тьен скрытый смысл речи маленького лорда?

– Мне не так просто обзавестись друзьями среди комаррцев. Николас ходит в барраярскую школу. А я не работаю.

– Фор-леди не обязаны работать, – улыбнулся Тьен.

– Как и фор-лорды, – очень тихо добавил Форкосиган, – и тем не менее...

– Это зависит от способности правильно выбрать родителей, – немного желчно заметил Тьен и искоса глянул на Форкосигана. – Удовлетворите мое любопытство. Вы родственник бывшего лорда-регента?

– Он мой отец, – коротко ответил Форкосиган. Он больше не улыбался.

– Значит, вы – тот самый лорд Форкосиган, наследник графа.

– Да. Само собой разумеется.

Теперь Форкосиган говорил неприятно сухо.

– Должно быть, ваше детство было очень трудным, – выдохнула Катриона.

– Он справился.

– Я имею в виду – для вас!

– А! – Быстрая улыбка вернулась и тут же снова исчезла.

Катриона чувствовала, что разговор свернул совершенно не в то русло. Она не осмеливалась открыть рот, чтобы попытаться сменить тему. Тьен тем временем продолжал:

– Ваш отец, великий адмирал, был очень огорчен, что вы не можете сделать военной карьеры?

– Гораздо больше расстраивался мой дед, великий генерал.

– Я сам отслужил десять лет, как положено. В управлении. Скучотища! Так что уж поверьте мне, вы не много потеряли, – благосклонно отмахнулся Тьен. – Но ведь сегодня каждый фор не обязан быть военным, а, дядя Фортиц? И вы – тому живое подтверждение!

– Если не ошибаюсь, капитан Форкосиган прослужил... э-э-э... тринадцать лет, кажется, да, Майлз? В Имперской безопасности. Галактические операции. Тебе было скучно?

Форкосиган на мгновение радостно и искренне улыбнулся профессору.

– Вот уж нет! – Он вскинул голову в явно привычном нервном тике. И Катриона впервые заметила тонкие шрамы на его короткой шее.

Она выпорхнула на кухню, чтобы принести десерт и дать разговору поутихнуть. Когда она вернулась, все более или менее успокоилось, во всяком случае, Николас перестал вести себя неестественно прилично, то есть тихо, и всюду приставал к деду, чтобы тот поиграл с ним после ужина в его последнюю любимую игру. Это позволило всем мирно дотянуть до того момента, когда доставили заказанную кровать и великий инженер отбыл со всем мужским населением проследить за ее установкой. А Катриона с благодарностью вернулась к привычным делам – мытьем посуды и уборке.

Тьен заглянул, чтобы сообщить ей об успешной установке гравикойки и заверить, что фор-лорд устроен вполне прилично.

– Тьен, ты хорошо рассмотрел этого парня? – спросила Катриона. – Мутант, фор-мутант, а ведет себя так, будто ничего необычного в его внешности нет. Если уж он может... – Она замолчала, не договорив «то наверняка сможешь и ты», предоставив это Тьену.

– Не начинай заново, – нахмурился Тьен. – Ведь совершенно очевидно, что он думает, будто на него правила не распространяются. Он – сын Эйрела Форкосигана, черт подери! Фактически сводный брат императора! Ничего удивительного, что он заполучил это роскошное императорское назначение.

– Я так не считаю, Тьен. Ты что, совсем его не слушал? – Весь этот скрытый смысл... – Я думаю... Мне кажется, он – доверенное лицо императора, посланный, чтобы оценить весь Проект Терраформирования. Он очень могущественный... Возможно, опасный...

– Это его отец был могущественным и опасным, – покачал головой Тьен. – А он всего лишь пользуется привилегиями. Чертов высший фор! Не беспокойся за него. Твой дядя довольно скоро нас от него избавит.

– Я беспокоюсь вовсе не за него!

Лицо Тьена потемнело.

– Мне это начинает надоедать! Ты оспариваешь практически все, что я говорю, унижаешь мой интеллект перед твоим столь высокопоставленным родственником...

– Ничего подобного!

Или так оно и есть? Она в растерянности стала мысленно перебирать свои высказывания за ужином. Что же она такого сказала, что его так взбесило...

– То, что ты племянница великого Аудитора, не делает тебя кем-то значительным, девочка! Это измена, вот что это такое!

– Нет-нет, извини меня...

Но он уже вышел вон. Значит, ночью между ними повиснет ледяное молчание. Катриона чуть было не бросилась за мужем, чтобы вымолить прощение. Ему так тяжело на работе, и сейчас действительно не самое подходящее время, чтобы давить на него с лечением... Но ей внезапно до смерти все это надоело. Убрав остатки еды, она взяла полбутылки вина и бокал и вышла на балкон. Она долго сидела, в молчании глядя на огни комаррского города. Покоренный отражатель почти скрылся за горизонтом следом за солнцем.

На кухне мелькнула белая фигура, на мгновение испугав ее. Но это оказался всего лишь лорд-мутантик, скинувший свой элегантный пиджак и ботинки. Он сунул голову в дверной проем.

– Привет!

– Приветствую, лорд Форкосиган. Я тут сижу и люблюсь на заход отражателя. Не хотите ли... хм... немного вина? Сейчас я принесу вам бокал...

– Нет, не вставайте, госпожа Форсуассон. Я сам все сделаю. – Он едва заметно улыбнулся в ответ на ее слабую улыбку. С кухни раздался приглушенный звон, и через мгновение гость снова появился на балконе. Как вежливая хозяйка, Катриона наполнила его бокал, который он поставил подле ее рюмки. Форкосиган взял бокал и подошел к перилам, глядя на то, что можно было рассмотреть на небе через купол.

– Это самое большое преимущество нашего жилища, – заметила она. – Кусочек вида на запад. – Солнечный отражатель великолепно смотрелся на линии горизонта, но его обычный блеск сильно померк из-за последствий аварии. – Обычно заход отражателя гораздо более эффектен, чем сейчас.

Потягивая прохладное вино, она наконец почувствовала, что мозги несколько затуманиваются. Это было приятно. Легкое опьянение успокаивало.

– Вижу, что это должно быть очень красиво, – согласился он, глядя в небо, и сделал большой глоток. Может, решил выпить побольше, чтобы уснуть?

– По сравнению с домом местный горизонт кажется слишком загруженным и замкнутым. На мой взгляд, эти купола вызывают клаустрофобию.

– А где для вас дом? – повернулся он к ней.

– На Южном континенте. В ВанDEVилле.

– Значит, вы росли среди терраформирования.

– Комаррцы бы сказали, что это не терраформирование, а всего лишь «благоустройство почвы». – Он рассмеялся вместе с ней над столь метко переданным ею комаррским технократическим снобизмом. – И они правы, конечно, – продолжила она. – Нам не пришлось тратить полтысячелетия на преобразование атмосферы целой планеты. Единственная трудность была в Период Изоляции, когда мы были лишены передовых технологий. И все же... дома я любила открытые пространства. И скучаю по огромному небу от края до края.

– Ваши слова относятся к любому городу, не важно, под куполом он или нет. Так, значит, вы сельская девочка?

– Отчасти. Хотя, когда я училась в университете, мне нравился Форбарр-Султан. Там открывались другие горизонты.

– Вы изучали ботанику? Я обратил внимание на вашу библиотеку и на стенку с растениями у вас в кабинете. Весьма впечатляет.

– Нет. Это скорее хобби.

– Вот как? А я бы принял это за страсть. Или профессию.

– Нет. Тогда я еще не знала, чего хочу.

– А теперь знаете?

Катриона рассмеялась, испытывая некоторую неловкость. Она не ответила. Форкосиган, чуть заметно улыбаясь, прошелся по балкону, изучая высаженные ею растения, и остановился перед бонсаи, сидевшем, как Будда, в своем крошечном горшке. Ветки алого растеньица торчали в позе молчаливой мольбы.

– Позвольте поинтересоваться, а это что такое? – жалобно произнес он.

– Это бонсаи дерева скеллитум.

– Правда?! Да это же... Я и не знал, что со скеллитумом можно такое сотворить! Обычно они пятиметровой высоты. И очень мерзкого коричневого цвета.

– У меня была двоюродная бабушка со стороны отца, которая увлекалась садоводством. Ребенком я обычно ей помогала. Она была очень жесткой женщиной пограничья, ярко выраженной фор-леди. Бабушка приехала на Южный континент сразу после окончания цетагандийского вторжения. Пережила нескольких мужей, пережила... ну, все пережила. Я унаследовала бонсаи от нее. Это единственное растение, которое я привезла с Барраяра на Комарру. Ему больше семидесяти лет.

– Бог мой!

– Это зрелое дерево, полностью сформировавшееся.

– И... э-э-э... низенькое!

Катриона на мгновение испугалась, что невольно оскорбила его, но судя по всему, все обошлось. Форкосиган покончил с осмотром и вернулся к перилам и вину. Нахмурившись, он вновь посмотрел на уходящий за горизонт отражатель.

Его внешность, хоть сам он и не обращал внимания на свои явные физические недостатки, просто провоцировала людей на комментарии по ее поводу. Но коротышка-фор всю жизнь с этим жил, и у него было время привыкнуть. Для него мутация не оказалась ужасным сюрпризом, как для Тьена, узнавшего правду из бумаг покойного брата и выявившего потом при помощи тайно проведенных тестов дистрофию Форзонна у себя и у Николаса. «Ты же смог анонимно пройти тестирование!» – спорила она. «Да, но лечиться анонимно невозможно!» – возражал он.

За время пребывания на Комарре она уже практически созрела, чтобы нарушить обычаи, закон и приказы своего супруга и повелителя и отвести сына к врачу. Знают ли комаррские доктора, что, согласно барраярским законам, фор-леди не является законным опекуном собственного сына? Может, ей лучше сказать, что генетический дефект унаследован от нее, а не от Тьена? Вряд ли. Любой мало-мальски грамотный генетик быстро установит истину.

Немного помолчав, она задумчиво произнесла:

– Мужчина-фор в первую очередь верен своему сюзерену, императору, а фор-леди – своему мужу.

– Исторически и по закону это так. – В голосе Форкосигана прозвучало то ли удивление, то ли смущение, когда он повернулся к ней. – И это было фор-леди не всегда во вред. Когда мужа казнили за измену, подразумевалось, что жена лишь следовала его приказам, и потому она оставалась жива и невредима. Вообще-то я всегда подозревал, что за этим кроется более прозаическая вещь. Просто планета с малым количеством населения не могла позволить себе роскошь терять производительниц.

– А вам это не казалось несколько странным и неправильным?

– Но для женщины так гораздо проще. У большинства барраярских женщин бывает в жизни всего один муж, а императоров форам приходилось выбирать слишком часто. И что тогда? Кому бы женщины отдали предпочтение? Скверный выбор мог оказаться смертельно опасным. Впрочем, когда мой дед, генерал Петер, вместе со своей армией покинул безумного императора Ури, для Ури это оказалось смертельным. Но полезно для Барраяра.

Катриона отпила глоток вина. Со своего стула она видела искореженный силуэт Майлза на фоне темнеющего купола.

– Верно. А ваша страсть – политика, не так ли?

– Господи, нет! Я так не считаю!

– История?

– Только в прошлом. – Он поколебался. – Когда-то это была воинская служба.

– Когда-то была?

– Когда-то была, – решительно повторил он.

– А теперь?

На сей раз пришла его очередь промолчать. Он поглядел на свой бокал и покачал его, взболтнув остатки вина на дне.

– В барраярской политической структуре все взаимосвязано. Простолюдины хранят верность своим графам, графы – императору, а император, предположительно, верен Империи в целом, Империи как... э-э-э... живой плоти. Этот пункт я считаю несколько абстрактным. Как он может отвечать перед всеми, не отвечая перед каждым в отдельности? И таким образом мы возвращаемся к пункту «А». – Форкосиган опустошил бокал. – Так насколько же мы ответственны за других?

Я уже теперь и не знаю...

Повисло молчание. Оба наблюдали за последними исчезающими бликами скрывшегося за холмами отражателя. Бледные отсветы еще несколько минут светились в небе.

– Что ж, кажется, я немного перебрал. – Ей он вовсе не показался пьяным, но лорд Форкосиган, покатав бокал в ладонях, оттолкнулся от перил. – Спокойной ночи, госпожа Форсуасон.

– Спокойной ночи, лорд Форкосиган. Приятных снов.

Прихватив свой бокал, он исчез во тьме.

Глава 2

Майлз выплыл из сна. Ему снились волосы хозяйки дома. Не сказать, что сон был эротическим, но до неловкости чувственным. Распушенные, а не затянутые в скромную прическу, как вчера, темно-каштановые с янтарным отливом волосы струились сквозь его пальцы... Майлз надеялся, что пальцы были именно его, ведь сон-то видел он, а не кто-то другой. Я слишком рано проснулся. Тьфу! Во всяком случае, нынешнее видение не имело ничего общего с его обычными гротескными кошмарами, после которых он просыпался в холодном поту с бешено колотившемся сердцем. А сейчас ему было тепло и уютно лежать на дурацкой гравикойке, которую она зачем-то для него заказала.

Госпожа Форсуассон не виновата, что относится к определенному типу женщин, вызывающему в голове Майлза старые видения. Некоторые мужчины одержимы весьма странными вещами... Сам же он был заиклен, как уже давно выяснил, на высоких хладнокровных брюнетках со спокойными сдержанными лицами и теплым альтом. Вообще-то в мире, где люди меняют лица и тела с той же легкостью, как обновляют гардероб, в ее красоте нет ничего необычного. Пока не вспомнишь, что она не местная, и не сообразишь, что ее кожа цвета слоновой кости не знакома с косметической хирургией... Интересно, определила ли она за его идиотской болтовней на балконе скрытую сексуальную панику? Это странное замечание об обязанностях фор-леди не являлось ли предупреждением, чтобы он не раскатывал губу? Но он ведь, кажется, ничем не проявил своей заинтересованности. Или он настолько прозрачен?

Буквально через пять минут после приезда в этот дом Майлз понял, что ему не следовало позволять гениальному и эксцентричному Фортицу тащить его на планету, но этот человек явно не мог не поделиться тем, что имеет. То, что эта семейная встреча может оказаться далеко не столь радостным событием для постороннего человека, – совершенно очевидно не приходило профессору в голову.

Майлз вздохнул от зависти к хозяину дома. Администратор Форсуассон, судя по всему, сумел создать совершенный маленький форский клан. Конечно, ему хватило мозгов начать его создавать лет десять назад. Появление галактических медицинских технологий на Баррааре привело к сокращению численности младенцев-девочек. Самый пик этого кризиса пришелся на поколение Майлза, хотя сейчас, кажется, к родителям начал возвращаться здравый смысл. Однако это не меняло того факта, что все знакомые Майлзу женщины, подходящие ему по возрасту, были уже замужем, и давно. Может, ему придется дожидаться своей невесты еще лет двадцать?

Не бегай за замужними, парень! Ты теперь Имперский Аудитор. Предполагалось, что девять Имперских Аудиторов должны являть собой образец респектабельности и сдержанности. Майлз не мог припомнить ни одной сплетни о скандальных похождениях кого-нибудь из этих высокопоставленных агентов-наблюдателей императора Грегора. *Конечно, откуда бы? Остальным Аудиторам по восемьдесят лет, и пятьдесят из них они женаты!* Майлз зарычал. К тому же она скорее всего полагает, что он мутант, хотя, к счастью, достаточно хорошо воспитана, чтобы не говорить об этом. Ему в лицо.

Так узнай, нет ли у нее сестры, а?

Откинув боковины гравикойки, он сел и постарался прочистить себе мозги. По самым скромным предположениям, сотни две тысяч слов в новых отчетах об аварии с отражателем и ее последствиях помогут ему справиться с неожиданно возникшей личной проблемой. Майлз решил, что, пожалуй, начнет с холодного душа.

* * *

Облачиться в удобный комбинезон сегодня не получится. Выбрав один из трех новых официальных костюмов (разных оттенков серого, серого и серого), Майлз причесал влажные волосы и отправился на кухню госпожи Форсуассон, откуда доносились голоса и аромат свежего кофе. Там он увидел Николаса, жующего хлопья с молоком по-барраярски, полностью одетого администратора Форсуассона, готового, судя по всему, отбыть на службу, и профессора Фортица в пижаме, хмуро перебирающего новые диски с данными по аварии. У его локтя стоял не тронутый стакан розового фруктового сока. Глянув на вошедшего, профессор сказал:

– А, Майлз! Доброе утро! Рад, что ты уже встал.

– Доброе утро, лорд Форкосиган, – вежливо приветствовал Форсуассон. – Надеюсь, вы хорошо спали?

– Спасибо, отлично. Что нового, профессор?

– Из местного отделения СБ прибыл твой комм. – Фортиц указал на лежащий возле его тарелки приборчик. – Как я заметил, мне они такого не прислали.

– Ваш отец не так прославился во время захвата Комарры, – скривился Майлз.

– Верно, – согласился Фортиц.

– Старый джентльмен был как раз из того странного поколения, которое оказалось слишком юным во время цетагандийского вторжения и слишком старым во время вторжения на несчастную Комарру. Что постоянно служило для него источником великого огорчения.

Майлз прикрепил комм к левому запястью. Прибор служил компромиссом между ним и отделением Имперской службы безопасности Серифозы, которое отвечало здесь за его здоровье. СБ хотела было окружить его ненавязчивой толпой телохранителей, но Майлз попробовал прибегнуть к своему авторитету Имперского Аудитора. К его великому удовольствию, это сработало. Комм обеспечивал прямую связь с СБ и позволял определить его, Майлза, местонахождение. Майлз постарался подавить чувство, будто он – некое выпущенное на свободу подопытное животное.

– А это что? – кивнул он на диски.

Фортиц швырнул диск на стол, как бросают карты при плохом раскладе.

– С утренним курьером прибыли записи с последними сведениями о ночной охоте за обломками. И кое-что специально для тебя, раз уж ты любезно согласился следить за медицинской стороной дела. Результаты предварительной аутопсии.

– Они наконец-то нашли пилота? – Майлз забрал дискеты.

– Ее куски, – скривился Фортиц.

Как раз в это время с балкона на кухню вошла госпожа Форсуассон.

– О Боже! – воскликнула она.

Катриона, как и вчера, была одета по комаррской моде: свободные брюки, блузка и длинный, скрывающий фигуру пиджак. Все в скучных коричневых тонах. А она бы была просто великолепна в красном или хороша до умопомрачения в нежно-голубом, с ее-то синими глазами... Волосы Катриона, к великому облегчению Майлза, скромно собрала в узел на затылке. Хотя было бы несколько неприятно думать, что после его последнего ранения, помимо этих чертовых припадков, у него развились еще и способности провидца.

Поздоровавшись с госпожой Форсуассон, Майлз снова повернулся к профессору:

– Должно быть, я крепко спал. Не слышал, когда прибыл курьер. Вы уже их просмотрели?

– Мельком.

– Какие куски пилота они нашли? – заинтересованно спросил Николас.

– Не твоего ума дело, молодой человек, – твердо отрезал дед.

– Спасибо, – тихо поблагодарила его Катриона.

– Во всяком случае, это последнее из не найденных тел. Отлично, – бросил Майлз. – Для близких всегда большая трагедия, когда кого-то не находят. Когда я был... – Он резко замолчал. *Когда я был галактическим опером и командовал флотом, мы небо переворачивали, чтобы найти своих погибших и вернуть их тела родственникам.* Теперь эта глава его жизни закончена.

Госпожа Форсуассон, эта роскошная женщина, протянула ему чашку кофе. Затем поинтересовалась, что ее гости хотят на завтрак. Майлз исхитрился вынудить Фортица ответить первым и присоединился к его выбору. Пока Катриона подавала завтрак и убирала посуду Никки, администратор Форсуассон сообщил:

– Мой департамент будет готов предстать перед вами сегодня после обеда, Аудитор Фортиц. А на утро – Катриона спрашивала, не хотите ли вы посетить школу Николаса. После знакомства с моим департаментом, возможно, останется время облететь некоторые наши объекты.

– По-моему, неплохая программа. – Профессор Фортиц улыбнулся Николасу. При всей поспешности отлета с Барраяра он – или его супруга – не забыл о подарке внучатому племяннику. *Мне бы тоже следовало привезти парнишке что-нибудь,* запоздало подумал Майлз. *Лучший способ очаровать мать.*

– Э-э... Майлз?

Майлз положил кипу дисков рядом с тарелкой.

– Подозреваю, что мне будет чем заняться сегодня утром. Госпожа Форсуассон, в вашем кабинете я видел комм-пульт. Могу ли я им воспользоваться?

– Конечно, лорд Форкосиган!

Что-то вежливо бормоча о необходимости навести порядок в департаменте, Форсуассон удалился, а вскоре и завтрак подошел к концу. Все разбрелись по своим делам. Майлз с дисками в руке вернулся в превращенный временно в спальню кабинет госпожи Форсуассон.

Прежде чем сесть за комм, он немного постоял у окна, глядя на парк и прозрачный купол, сквозь который пробивались солнечные лучи. Поднимающегося на востоке комаррского солнца отсюда не было видно, поскольку окно выходило на запад, но его лучи освещали дальний конец парка. Поврежденный солнечный отражатель еще не показался над горизонтом.

Итак, не означает ли это семь столетий несчастья?

Вздыхнув, он затемнил окно, что было в общем-то лишним, уселся за комм и начал скамливать ему диски с данными. Нынче ночью нашли пару десятков довольно больших обломков. Майлз просмотрел видеосъемку вращающихся в космосе кусков, заснятых со спасательного корабля. Теория гласила, что если вы найдете все куски, точно рассчитаете их траекторию и вращательный момент, то в конечном итоге сможете построить математическую модель катастрофы и таким образом определить ее причины. Увы, в реальной жизни практика сильно расходилась с теорией, но мельчайшие детали все равно могли оказать существенную помощь. Комаррская СБ до сих пор прочесывала все орбитальные пересадочные станции в поисках туристов, возможно, снимавших на видео именно этот участок пространства в момент столкновения. Майлз не без оснований полагал, что теперь это уже бесполезное занятие. Обычно свидетели, ежели таковые имеются, объявляются моментально, возбужденные и жаждущие оказать помощь.

Фортиц с аварийщиками пришли к выводу, что рудовоз к моменту столкновения с отражателем уже развалился на части. Вывод, который еще не оглашался. Итак, уничтоживший все возможные улики взрыв двигателей был причиной или следствием этой катастрофы? И в какой момент эти искореженные куски металла и пластмассы получили кое-какие самые любопытные повреждения?

Майлз снова просмотрел – уже двадцатый раз за последнюю неделю – рассчитанный компьютером курс грузовика до момента столкновения и еще раз отметил аномалии. На корабле был только пилот, и осуществлял он рутинный – и жутко скучный – перелет от пояса асте-

роидов до орбитального перерабатывающего завода. В момент аварии двигателя, по идее, не должны были работать в активном режиме, поскольку ускорение уже закончилось, а торможение еще не должно было начаться. Грузовик опережал график примерно на пять часов, но лишь потому, что рано вылетел, а не потому, что летел быстрее обычного. Он отклонился от курса примерно на шесть процентов, в пределах нормы, и проводить корректировку было еще рано, хотя пилот и могла забавляться тем, что пыталась провести корабль более точно в каких-то минимальных пределах. Даже если имелось небольшое исправление курса, маршрут транспорта все равно пролегал в нескольких сотнях километрах от отражателя. На самом деле даже дальше, если бы он точно следовал курсу.

К чему действительно привело отклонение от курса, так это к тому, что грузовик следовал практически сквозь горловину одного из неиспользуемых комаррских п-в-туннелей. Космическое пространство вокруг Комарры было необычайно богато действующими п-в-переходами. Факт, имеющий огромные стратегические и исторические последствия: один из туннелей был единственным выходом Барраяра к окружающим мирам. И именно из-за контроля над п-в-туннелями, а не ради обладания этой холодной планетой барраярский флот захватил тридцать пять лет назад Комарру. И до тех пор, пока имперские военные удерживают п-в-переходы, их интерес к населению Комарры и его проблемам оставался, мягко говоря, умеренным.

Однако именно через этот туннель не было ни движения, ни торговли. И военной угрозы он тоже не представлял. Исследовательские экспедиции попадали через него либо в пустое пространство, либо к звездам, не имеющим пригодных для заселения или богатых ресурсами планет. Никто не осуществлял через этот туннель переходы. И никто не должен был его осуществлять. Возможность появления из туннеля какого-то негодяя, напавшего на безобидный рудовоз, причем – не стоит забывать – с каким-то не оставляющим следов оружием, и тут же запрыгнувшего обратно, была только что отмечена в виду отсутствия каких-либо доказательств, а в поисках доказательств этот участок был уже прочесан вдоль и поперек. Подобный сценарий всюду эксплуатировали местные средства массовой информации, но никаких следов, обычно оставляемых прошедшими через п-в-туннель кораблями, обнаружено не было.

Аномалии пятимерного пространства п-в-туннеля вообще невозможно отследить из трехмерного пространства. И в любом случае они никак не могли воздействовать на грузовик, даже если бы корабль пролетал прямо напротив центра выхода из туннеля. Транспорт был внутрисистемным судном, без двигателей Неклина, и не имел возможности осуществить скачок. И все же... там есть лишь п-в-туннель. И ничего больше.

Майлз помассировал шею и вернулся к файлу с отчетом о результатах аутопсии. Жутких, как обычно. Пилотом транспорта была пятидесятипятiletняя жительница Комарры. Это, если угодно, можно было назвать барраярским мужским шовинизмом, но женские трупы всегда производили на Майлза гораздо более гнетущее впечатление, чем мужские. Смерть – такой хитрый и злобный уничтожитель человеческого достоинства. Неужели он, Майлз, тоже выглядел таким же выпотрошенным и выставленным напоказ, когда попал под огонь джексоnianского снайпера? Тело пилота отражало обычный в таких случаях ход событий: раздавленное, разорванное вакуумом, облученное и замороженное. Все типичные признаки смерти в космосе. Одна рука оторвана – скорее всего в самом начале, судя по вытекшей из обрубка крови. Что ж, по крайней мере смерть была мгновенной. Но Майлз слишком хорошо знал все это на собственном опыте, чтобы добавить «и почти безболезненной». В тканях не обнаружено никаких следов алкоголя или запрещенных наркотиков.

Комаррский медэксперт, помимо шести заключительных отчетов, прислал запрос Майлзу на разрешение передать тела шестерых погибших на отражателе техников семьям. Бог ты мой, неужели этого до сих пор не сделали? Как Имперский Аудитор Майлз должен был не вести расследование, а лишь наблюдать за его ходом и докладывать о результатах. Он вовсе

не желал, чтобы его присутствие подавляло чью-то инициативу. Майлз немедленно отправил разрешение прямо с коммиссарши Форсуассон.

Он приступил к работе с шестью заключениями. Отчеты были подробнее, чем предварительные, но никаких сюрпризов не содержали. А ему сейчас очень хотелось какого-нибудь сюрприза, любого, какого угодно, только не «корабль взорвался без всякой причины. Семеро погибших». И еще поистине астрономического счета за причиненный ущерб. Когда Майлз переварил три заключения, а скудный завтрак начал вызывать глубокие сожаления у его желудка, он откинулся на спинку стула, чтобы мысленно еще раз обдумать прочитанное.

Размышляя, он лениво просматривал файлы коммиссарши Форсуассон. Один из них, озаглавленный «виртуальные сады», показался заманчивым. Может, она не обидится, если он в них заглянет? Файл «водный сад» заинтриговал Майлза, и он открыл его.

Как он и предполагал, это оказалась программа по дизайну ландшафта. Она позволяла разглядывать под любым углом, в любой проекции и масштабе и в самых мельчайших деталях любой участок. С этой программой практически кто угодно мог спроектировать сад и смотреть на него с любого уровня. Майлз выбрал точку обзора с пяти без малого футов высотой – свой собственный рост. Растения росли в соответствии с реальными условиями, с учетом освещения, влажности, силы тяжести, удобрений. На них даже обрушивались виртуальные вредители. Сад был заполнен примерно на треть – трава, фиалки, водяные лилии и папоротники. Он только что пережил вспышку роста лишайников. В незаконченных уголках сада краски и очертания резко обрывались, будто на него надвигался какой-то чуждый серый геометрический мир.

В Майлзе проснулось любопытство, и в лучшем стиле оперативника Имперской безопасности он принялся копаться в программе в поисках задействованных уровней. Самым загруженным, как он выяснил, оказался тот, что был озаглавлен «барраярский сад». Майлз вывел его на дисплей, снова выбрал соответствующий своему росту масштаб и открыл файл.

Это оказался вовсе не красивый засаженный земными растениями традиционный сад Барраяра, а созданный из одних лишь барраярских растений парк. Майлз и предположить не мог, что такое возможно, не говоря о том, что это так красиво. Он всегда считал, что бурокрасная растительность Барраяра в лучшем случае навеивает тоску. Единственные барраярские растения, которые он знал и мог назвать, были те, что вызывали у него жуткую аллергию. Но коммиссарша Форсуассон каким-то образом сумела использовать цвет и форму для создания чего-то очень безмятежного. Камни и вода обрамляли островки светлой и острой как бритва травы, которая, как его когда-то заверили, с точки зрения ботаники и не трава вовсе. Хотя режущие качества этой растительности никто не оспаривал. Судя по народным названиям, первым барраярским колонистам не нравилась их новая ксеноботаника: чертов сор, индюшклина гибель, овечья отравка.

...Это прекрасно. Как ей удалось создать такую красоту? Майлз в жизни не видел ничего подобного. Наверное, с таким видением мира нужно родиться. Как с талантом художника, которого, впрочем, у Майлза тоже не наблюдалось.

В Форбарр-Султане, имперской столице, возле особняка Форкосиганов на месте снесенного ветхого здания имелся крошечный унылый зеленый парк. Он был устроен скорее для безопасности лорда регента, чем из эстетических соображений. Разве не будет просто здорово заменить его укрупненной версией вот этого компьютерного великолепия и дать таким образом почувствовать столичным штучкам прелесть их собственной планеты? Даже если на то, чтобы деревья выросли, потребуется – Майлз уточнил на компьютере – пятнадцать лет.

Компьютерная парковая программа предположительно должна была сэкономить время на дорогостоящую разработку макета и помочь избежать ошибок. Но когда единственный имеющийся в твоём распоряжении сад легко умещается в багаже, то можно смело предположить, что перед ним хобби коммиссарши Форсуассон. Виртуальный сад, безусловно, четче, изящней и

– главное – более легкий в сооружении, чем настоящий. Так почему же у него складывается такое впечатление, что ее это удовлетворяет примерно так же, как голодного – зрелище еды по видео? *А может, она просто скучает по дому...* Майлз нехотя закрыл файл.

Исключительно по старой привычке он вызвал ее финансовую программу, чтобы подвергнуть ее быстрому анализу. Оказалось, что это ее домашняя бухгалтерия. Катриона вела дом, исходя из исключительно экономного бюджета, надо полагать, в рамках зарплаты администратора Форсуассона. Еженедельные расходы были скорее минимальны. И она отдавала своему ботаническому хобби гораздо меньше средств, чем, судя по результатам, стоило бы. Еще какие-то хобби, скрытые пороки? Путь денег обычно лучше всего отражает истинные цели людей. Именно по этой причине барраярская служба безопасности нанимала лучших имперских бухгалтеров – чтобы скрыть свою деятельность. Итак, госпожа Форсуассон очень мало тратит на одежду, кроме одежды для Николаса. Майлзу доводилось слышать высказывания родителей о том, чего стоит одеть детей, но в данном случае это что-то совершенно из ряда вон... Стоп-стоп, это вовсе не затраты на одежду. Средства, вытщенные отсюда, отсюда и отсюда, стеклись на маленький частный счетик, названный «лечение Николаса». Почему? Разве ей с сыном как членам семьи барраярского служащего на Комарре траты на лечение не покрываются из имперской казны?

Майлз вызвал счет на дисплей. Ее сбережения за год не очень впечатляли, но тем не менее поступления сюда шли постоянно. Майлз, несколько озадаченный, вызвал всю программу. Есть ли ключ к разгадке?

Один из файлов в конце списка не имел названия. Майлз немедленно попытался его открыть. Файл оказался единственным в ее комме, который затребовал пароль. Любопытно...

Программное обеспечение комма было простейшим, одним из самых дешевых. Стажеры Имперской безопасности вскрывали такого рода файлы, как орешки. Майлза на мгновение одолела тоска по дому. Чуть покопавшись, он через пять минут получил пароль. Дистрофия Форзонна? Н-да, такой пароль навскидку не вычислишь...

Привычные рефлексы преодолели возникшую было неловкость. Он мгновенно открыл файл, запоздало подумав: «Ты ведь уже не оперативник СБ. Стоит ли это делать?»

В файле оказались сведения медицинского характера об указанной в пароле болезни, собранные из всевозможных барраярских и галактических источников. Очень редком и малоизученном барраярском генетическом заболевании. Дистрофия Форзонна появилась в Период Изоляции главным образом, как вытекало из названия, в форской среде, но не была определена как мутация вплоть до возвращения на Барраяр галактической медицины. Во-первых, она не имела внешних проявлений, из-за которых ему самому, например, перерезали бы глотку при рождении. Болезнь проявлялась в зрелом возрасте, приводя сначала к физической немощи, а затем – к разрушению мозга и к смерти. В мрачном барраярском прошлом носители этой болезни умирали от других причин задолго до проявления симптомов заболевания, успев наплодить наследников. Сумасшедших хватало во многих семьях... *Включая и моих дорогих предков Форратьеров, спятивших по другим причинам.*

Но сейчас ведь это лечится, разве нет?

Да, хотя лечение вылетает в копеечку. Из-за редкости заболевания. Майлз быстро пробежал статьи. Симптомы подавлялись при помощи дорогостоящих биохимических средств, вымывающих и заменяющих поврежденные молекулы. Полное генетическое излечение тоже можно получить, но за гораздо более высокую цену. Ну, почти полное. Всех потомков все равно необходимо подвергать генсканированию на предмет выявления дистрофии Форзонна, желательно во время оплодотворения и до перемещения в маточный репликатор.

Разве юный Николас созрел не в маточном репликаторе? Господи ты Боже мой, ведь не настаивал же Форсуассон на том, чтобы его жена – и ребенок – прошли через все опасности естественного вынашивания и родов? Лишь немногие из самых консервативных форов все

еще придерживались традиции, той самой, которую мать Майлза подвергала самой жестокой и язвительной критике, которую ему доводилось когда-либо слышать из ее уст. И она имеет на это полное право.

Что за чертовщина тут происходит? Сжав губы, Майлз откинулся на стуле. Если, исходя из содержимого файлов, уже известно, что Николас, возможно, является носителем гена дистрофии Форзонна, то один из его родителей – или оба сразу – являются носителями того же недуга. Как давно им об этом известно?

Тут до Майлза вдруг дошло то, на что он не обратил внимания прежде, ослепленный кажущимся семейным благополучием, которое ухитрились продемонстрировать Форсуассоны. Всегда труднее всего восстанавливать недостающие звенья. И в данном случае этим звеном являются отсутствие других детей. Как насчет парочки сестричек для Никки, а, предки? Так ведь нет. Они узнали об этом как минимум вскоре после рождения сына. Какой кошмар для них! Но кто же носитель, он или она? Майлз надеялся, что это не госпожа Форсуассон. Страшно подумать, что столь утонченная красота может исчезнуть из-за взрыва внутренней бомбы замедленного действия...

Я не хочу ничего этого знать.

Его недозволительное любопытство только что было наказано. Это идиотское подглядывание недостойно Имперского Аудитора, хотя и осуществлено тайным агентом Имперской безопасности. Бывшим агентом. И где же теперь его сверкающие доспехи Имперского Аудитора? С таким же успехом он мог сунуть нос в ее комод с нижним бельем.

Я не могу оставить тебя ни на минуту без присмотра, да, парнишка?

Он много лет всяческим образом пытался обойти военный устав и наконец заполучил работу, не ограниченную вообще никакими правилами и уставами. Чувство, что он умер и попал в рай, продлилось не более пяти минут. Имперский Аудитор – Голос самого императора, его глаза и уши, а иногда и руки. Очень миленькое описание работы до той минуты, пока не задумаешься, что эта симпатичная поэтическая метафора действительно означает.

Итак, стоит ли подвергать самого себя тестированию, задавшись вопросом «могу ли я представить себе Грегора, делающим то или это?». Кажущаяся императорская замкнутость Грегора скрывала его почти болезненную застенчивость. Мозги Майлза скрипели. Ну ладно, поставим вопрос иначе. Может ли он представить себе Грегора, делающего нечто подобное в своем кабинете? Какие действия, неправомерные для простого смертного, вполне законны для Имперского Аудитора при исполнении обязанностей? Множество всяких разных, исходя из прецедентов, о которых Майлзу довелось прочесть. Значит, Основное Правило гласит: «Делай, что хочешь, пока не допустишь ошибки, а тогда мы тебя уничтожим»? Майлз совсем не был уверен, что такая постановка вопроса ему нравится. Скорее вовсе нет.

Даже во время службы в СБ залезать в личные файлы можно было только к врагам или, как минимум, к подозреваемым. Ну и к возможным кандидатам для вербовки. А также к нейтралам, на чьей территории действуешь. А еще... а еще... Майлз хихикнул сам над собой. Во всяком случае, Грегор хотя бы лучше воспитан, чем Имперская служба безопасности.

Очень смущенный, Майлз закрыл файл, уничтожил все следы своей деятельности, вызвал на экран следующее заключение аутопсии и уставился на снимки искореженного тела. У смерти есть температура, и эта температура чертовски низкая. Майлз прервался на минутку, чтобы усилить на пару градусов работу комнатного обогревателя.

Глава 3

Катриона и подумать не могла, что визит Имперского Аудитора так перебудоражит сотрудников школы, где учился Николас. Но профессор, сам преподаватель с большим стажем, быстро дал понять, что это не официальный визит, и произнес все, что необходимо, дабы успокоить учителей. И все же они с дядей Фортицем пробыли в школе значительно меньше, чем рекомендовал ей Тьен.

Чтобы еще немного протянуть время, она провела для дяди небольшую экскурсию по достопримечательностям купола «Серифоза». Показала ему самые красивые сады, самые высокие смотровые площадки, откуда можно было увидеть комаррские ландшафты за пределами купола. Серифоза была столицей этого сектора планеты, но Катрионе по-прежнему приходилось делать над собой усилие, чтобы по барраярской привычке не думать о ней как о провинции. Границы барраярских провинций не были столь упорядочены, они шли вдоль рек и горных склонов, по следам былых битв, где графские армии проигрывали исторические сражения. Комаррские сектора аккуратно делили всю планету на геометрически правильные части. Но в самих так называемых куполах находились тысячи разнообразных строений, потерявших свои правильные очертания столетия назад, поскольку строились еще под открытым небом и в самых разных, зачастую совершенно не сочетающихся архитектурных стилях.

Несколько запоздало она сообразила, что заслуженного инженера стоило бы провести по самым глубоким техническим туннелям, показать ему энергетические установки и воздушные станции. Но уже пришло время обеда. В ходе экскурсии они оказались возле любимого ресторана Катрионы, расположенного якобы на пленэре, где столики стояли в парке под застекленным небом. Поврежденный солнечный отражатель уже взошел и медленно проплывал по небосводу среди облаков – отражатель как бы прятался за ними, стыдясь своей искореженности.

Огромная власть Голоса императора, данная Имперскому Аудитору, практически не изменила дядю, с удовольствием отметила Катриона. Он по-прежнему искренне радовался великолепному десерту и под ее чутким руководством выбрал самые лучшие блюда в меню. Но сказать, что он не изменился вовсе, Катриона не могла: дядя стал несколько более сдержан и тщательно взвешивал свои слова, и не только тогда, когда речь заходила о математических и инженерных расчетах.

Сделав заказ, она проследила за взглядом дяди, который смотрел вверх, изучая отражатель.

– Реальной угрозы, что империя забросит проект с солнечным отражателем, ведь нет, правда? – спросила она. – Мы должны хотя бы его починить. Я хочу сказать... в нынешнем виде он кажется каким-то... каким-то разбалансированным.

– Вообще-то так оно и есть. Из-за солнечного ветра. И с этим придется что-то делать, причем чем быстрее, тем лучше, – ответил Фортиц. – Лично мне, во всяком случае, идея забросить данный проект очень не по душе. Это величайшее инженерное достижение первых колонистов Комарры, если, конечно, не считать куполов. Великое творение лучших людей. Если это диверсия... что ж, тогда ее совершили худшие представители рода человеческого. Вандализм, голый, бессмысленный вандализм.

Вряд ли художник, описывающий разрушение какого-нибудь великого произведения искусства, мог говорить более ядовито, чем дядя.

– Мне доводилось слышать рассказы комаррцев о том, что они испытали, когда войска адмирала Форкосигана захватили отражатель, а захватили они его в первую очередь. Не думаю, что отражатель имеет большое тактическое значение, с учетом огромных скоростей, на которых ведутся космические сражения, но психологический удар был, безусловно, очень силен. Будто мы захватили их солнце. Думаю, возвращение отражателя под контроль Комарры

несколько лет назад было очень верным политическим шагом. Надеюсь, что нынешнее происшествие не сорвет это дело.

– Трудно сказать, – последовал сдержанный ответ.

– Поговаривали о том, чтобы снова открыть его смотровую площадку для туристов. Хотя теперь, надо думать, они счастливы, что не успели этого сделать.

– Но существуют экскурсии для особо важных персон. Я сам там был, когда несколько лет назад читал краткий курс в университете Солстиса. К счастью, в день аварии посетителей там не было. Но отражатель должен быть непременно открыт для публики, это полезно со всех точек зрения, в том числе – и для обучения. И возможно, стоит там создать музей, где бы рассказывалось, как его построили. Это был великий труд. Странно осознавать, что его основное практическое применение – создание болот на планете.

– Болота создают пригодный для дыхания воздух. Постепенно, – улыбнулась Катриона.

В представлении дяди чисто инженерная эстетика явно затмевает всякие там «глупые» биологические последствия.

– Ну да, а следующим номером ты начнешь защищать крыс. Насколько я понимаю, здесь водятся настоящие крысы?

– О да! В подкупольных туннелях крыс полно. А также хомяков и морских свинок. Ребятишкам нравится их ловить и держать как домашних любимцев. Вообще-то, если подумать, скорее всего вся эта живность тут появилась от привезенных домашних питомцев. Лично я считаю, что черно-белые крысы очень сообразительны. Сотрудники ветеринарной службы, занимающиеся контролем над популяцией, вынуждены работать в глубокой тайне от своих юных родственников. Еще у нас здесь есть тараканы. А где их нет? И в Экиноксе – дикие какаду. Несколько десятков лет назад сбежали две пары, а может, их просто выпустили. Теперь эти здоровущие яркие птицы летают повсюду, и люди их кормят. Санитарный контроль хотел было от них избавиться, но акционеры купола проголосовали против.

Официантка принесла заказанные салаты и ледяной чай, и разговор временно прервался, пока дядя с аппетитом поглощал свежий шпинат, манго, лук и сладкий пекан. Катриона так и думала, что сладкий пекан ему понравится. Продукция гидропоники Серифозы была лучшей на всей Комарре.

Воспользовавшись паузой во время перемены блюд, она направила разговор в более интересное ее русло.

– Ваш коллега лорд Форкосиган, он действительно прослужил тринадцать лет в Службе безопасности?

Или ты это сказал просто потому, что тебя раздражает Тьен?

– Три года в военной академии и десять лет в Имперской службе безопасности, если быть точным.

– Как ему удалось туда поступить, ведь там экзамен по физподготовке?

– Непотизм, я думаю. В некотором роде. Но надо отдать ему должное, в дальнейшем он, судя по всему, этим преимуществом не пользовался. Я с большим интересом прочитал его полностью засекреченное досье, когда Грегор попросил меня вместе с другими Аудиторами рассмотреть кандидатуру Форкосигана.

Катриона подавила легкое разочарование.

– Засекреченное... Значит, ты мне ничего не сможешь рассказать...

– Ну, – ухмыльнулся Фортиц с набитым салатом ртом. – Был там один эпизод на Дагуле. Несколько лет назад. Ты наверняка слышала о нем. О побеге из цетагандийского лагеря для военнопленных огромной группы заключенных мэрилакцев.

Катриона смутно что-то такое припоминала. В то время она была полностью захвачена радостями материнства и мало обращала внимания на новости, особенно на что-то столь далекое, как галактические новости. Но она кивнула, поощряя дядю продолжать.

– Теперь это уже старая история. Насколько я понял со слов Форкосигана, мэрилакцы снимают фильм на этот сюжет. Называется «Великий побег» или что-то в этом роде. Они пытались нанять его – точнее, того, под чьей личиной его знали, – в качестве технического консультанта фильма. Это предложение он был вынужден с сожалением отклонить. Но стремление Имперской безопасности сохранить в тайне события, которые мэрилакцы собираются показать по галактическому видео, кажется мне задачей несколько сложноватой даже для службы безопасности. Ну, в любом случае Форкосиган был тайным агентом Барраяра, и именно он организовал этот побег.

– А я и не знала, что там действовал наш агент.

– Он был подсадной уткой в самом лагере.

Получается, что та шуточка о хранящих мэрилакцах... вовсе не шутка.

– Если он был настолько хорош, то почему ушел в отставку?

– Хм. – Прежде чем ответить, дядя хлебом подобрал с тарелки остатки подливки. – Я могу тебе выдать только отредактированную версию событий. Он ушел не добровольно. Пару лет назад он был тяжело ранен, настолько тяжело, что потребовалась криозаморозка, и некоторые ее последствия оказались неизлечимы. Он был вынужден уйти по состоянию здоровья, и он... хм... не очень хорошо справился с ситуацией. Не мое дело обсуждать подробности.

– Если он был настолько тяжело ранен, что потребовалась криозаморозка, значит, он был мертв! – изумлено воскликнула она.

– Технически, надо полагать, так оно и было. В наши дни понятия «жив» и «мертв» не так определены, как в Период Изоляции.

Итак, у дяди есть сведения медицинского характера о мутации Форкосигана, которые ее так интересуют. Если, конечно, дядя вообще обратил на них внимание. А сведения есть наверняка, потому что военная медицинская комиссия очень строгая и скрупулезная.

– Так что, дабы такая подготовка и огромный опыт не пропали втуне, – продолжил дядя Фортиц, – Грегор подыскал Форкосигану подходящую работу на гражданке. Как правило, обязанности Имперского Аудитора не требуют отменной физической подготовки... Хотя, должен признаться, мне лично очень пригодилось наличие человека моложе меня и значительно, я бы сказал, миниатюрнее, чтобы провести исследования наружной стороны отражателя в открытом космосе. Боюсь, я несколько злоупотребил его терпением, но он действительно оказался весьма наблюдательным.

– Он и правда ваш помощник?

– Ни в коем случае! Какой идиот это сказал?! Все Аудиторы равны. Главенство хорошо лишь иногда, чтобы разобраться с делами чисто административного характера в тех редких случаях, когда мы работаем командой. Форкосиган, как благовоспитанный молодой человек, вежлив к моим седидам, только и всего, но он абсолютно независимый Аудитор, обладающий всеми правами, и волен делать все, что ему заблагорассудится. В данный момент ему заблагорассудилось изучить мои методы. А я не премину воспользоваться этим, чтобы изучить его методу.

Видишь ли, по нашей работе учебников нет. Когда-то было предложение, чтобы Аудиторы сами его создали, но они сочли – и, по-моему, очень мудро, – что от этого будет больше вреда, чем пользы. Вместо этого у нас есть архивы, где хранятся отчеты Аудиторов. Просто прецеденты, никаких правил. Не так давно некоторые из вновь назначенных Аудиторов предприняли попытку еженедельно читать несколько старых отчетов, а затем собираться за ужином, чтобы их обсудить и проанализировать. Очень захватывающее мероприятие. А ужины – просто объединение. У Форкосигана – фантастическая повариха.

– Но это ведь его первое задание, да? И... он был назначен просто так, по императорскому желанию?

– Сначала у него было первое задание как у временного, Девятого Аудитора. Очень трудное, внутри самой СБ. Совершенно не для меня работенка.

– О Господи! Неужели он имеет какое-то отношение к тому, что прошлой зимой в Имперской службе безопасности сменилось два шефа?

– Лично я предпочитаю технические расследования, – дипломатично заметил дядя.

Пока Катриона переваривала информацию, появились заказанные ими сэндвичи с цыпленком. Так чего же она на самом деле ищет? Какой поддержки? Она вынуждена признаться, что Форкосиган, с его холодной улыбкой и теплыми глазами, ее волнует, но не могла понять почему. Он довольно-таки язвителен. Уж наверняка она не испытывает подсознательного предубеждения к мутантам, когда Никки...

В Период Изоляции, если бы у меня родился кто-то вроде Форкосигана, то во имя сохранения генофонда моим материнским долгом было перерезать младенцу горло.

Никки, к счастью, избежал бы подобной участи. На время.

Периоду Изоляции пришел конец. Навсегда. Слава Богу.

– Мне кажется, Форкосиган вам нравится, – попробовала она подобраться с другой стороны к интересующему ее вопросу.

– И твоей тете тоже. Мы с ней прошлой зимой несколько раз приглашали его на ужин. Вообще-то, если припомнить, именно тогда ему пришла в голову мысль устроить эти дискуссионные встречи. Я знаю, что поначалу он тихий – из осторожности, надо полагать, – но становится очень шустрым, как только представляется возможность.

– Он тебя забавляет?

На саму Катриону Форкосиган произвел какое угодно впечатление, только не забавное.

Проглотив кусок сэндвича, дядя вновь поглядел на скрытый за облаком отражатель.

– Я преподаю инженерное дело вот уже более тридцати лет. Это довольно утомительное занятие. Но каждый год я с удовольствием обнаруживаю среди своих студентов нескольких очень ярких и талантливых, ради которых и стоит преподавать. – Он отпил глоток пряного чая и заговорил еще медленнее. – Но гораздо реже – в лучшем случае раз в пять, а то и десять лет, среди моих учеников появляется настоящий гений, и тогда удовольствие преподавать становится честью, которую ты лелеешь всю жизнь.

– Вы думаете, он гений? – подняла бровь Катриона. Этот зануда фор?

– Ну, пока что я не очень хорошо его знаю. Но полагаю, что да, он гений. По крайней мере периодами.

– Разве можно быть гениальным периодами?

– Все гении, встречавшиеся мне на пути, были гениальны именно периодами. Чтобы тебя признали гением, достаточно проявить гениальность один раз, знаешь ли. Но в нужный момент. А, вот и десерт! М-м, просто великолепно! – Дядя Фортиц радостно набросился на шоколадный десерт со взбитыми сливками и орехом пекан.

Ей нужны были сведения личного характера, но она по-прежнему получала лишь информацию о карьере интересовавшего ее лица. Придется, видимо, действовать более прямолинейно. Аккуратно отломив ложечкой кусочек яблочного пирога с мороженым, она наконец набралась храбрости:

– Он женат?

– Нет.

– Меня это удивляет. – Или нет? – Он ведь из высших форов, из самых высших. В один прекрасный день он станет графом, ведь так? Он, мне кажется, богат, занимает высокое положение... – Катриона замолчала. Господи, что она творит?! Она что, намеревается спросить, что же с ним не так, из-за чего он до сих пор не женат? Какое генетическое нарушение сделало его таким, какой он есть? И от кого он его унаследовал, от отца или от матери? Он импотент, стерилен, как он действительно выглядит без этих дорогих одеяний? Скрываются ли под его

одеждой более серьезные уродства? Он гомосексуалист? Не опасно ли оставлять Никки с ним наедине? Ничего этого она спросить не может, а обходные и наводящие вопросы явно не приведут к цели. Черт побери, куда проще было бы получить нужные ей сведения, разговаривая с дядей, а с его женой.

– Последние десять лет он все больше находился за пределами империи, – ответил профессор, будто это что-то объясняло.

– У него есть братья или сестры? – Нормальные братья или сестры.

– Нет.

Плохой признак.

– Ой, нет, вру, – спохватился дядя Фортиц. – У него есть брат. Не в обычном смысле, правда. У него есть клон. Хотя и не похожий на него.

– Это... Если он... Я не понимаю...

– Если тебя это интересует, то придется тебе попросить объяснений у самого Форкосигана. Это все достаточно сложно даже по его меркам. Сам же я этого парня пока не видел. – Проглотив очередную ложку десерта, он добавил: – Кстати о братьях и сестрах, когда вы планируете подарить их Николасу? В твоей семье вскоре могут возникнуть проблемы, если ты и дальше будешь с этим тянуть.

Катриона улыбкой скрыла охватившую ее панику. Осмелится ли она все рассказать дяде? Брошенное ей Тьеном обвинение в предательстве все еще звучало у нее в голове, но она так устала, просто до смерти устала от этой дурацкой таинственности. Если бы только здесь была тетя...

Она мрачно подумала о противозачаточном имплантате, этом кусочке галактической медицины, который Тьен безоговорочно принял. Имплантат давал ей галактическую стерильность без галактической свободы. Современные женщины охотно расставались с риском и тяготами естественного вынашивания плода в пользу безопасного и весьма эффективного маточного репликатора, но одержимость Тьена сохранить его заболевания в тайне лишила Катриону этого блага галактической медицины. Даже если он и излечится соматически, то генетически все равно останется болен, и все его потомство будет подвергаться генсканированию. Неужели он действительно не хочет иметь больше детей? Когда она как-то раз попыталась поговорить с ним об этом, он отмахнулся от нее, заявив, что всему свое время. А когда стала настаивать, разозлился и обвинил ее в занудстве и эгоизме. И это его заявление безотказно сработало, заставив ее замолчать. Как всегда.

– Мы столько раз переезжали с места на место, – уклончиво ответила Катриона. – Я ждала, когда положение Тьена наконец сделается стабильным.

– Он кажется довольным... э-э-э... суматошным. – Дядя Фортиц приподнял бровь, предлагая ей... Что?

– Я... Я не стану утверждать, что все идет гладко. – В общем, недалеко от истины. Тринадцать мест работы за десять лет. Может, для делающего карьеру бюрократа это нормально? Тьен утверждает, что это необходимо. Никто не дорастает до руководящих должностей, сидя на одном месте, и ни один начальник не потерпит над собой бывшего подчиненного. Так что для того чтобы достичь высокой позиции, нужно пошевеливаться. – Мы восемь раз переезжали. Я бросила шесть садов. А в двух наших последних резиденциях я не сажала ничего, только в горшках. И при переезде сюда вынуждена была бросить большую часть своих растений.

Может, на своем комаррском посту Тьен все-таки останется? Как он может рассчитывать на повышение, если нигде не задерживается достаточно долго для того, чтобы его заслужить? Первые предложенные ему должности были весьма незначительны, тут она с ним согласна. И Катриона прекрасно понимала, что он хочет продвинуться как можно быстрее. Первые годы жизни молодой семейной пары и должны быть не очень обустроены, поскольку они только

вступают во взрослую жизнь. Ну, во всяком случае, так было с ней. В конце концов, ей ведь было тогда только двадцать. А Тьену – тридцать, когда они поженились.

На каждом новом месте он начинал работать с большим энтузиазмом и очень напряженно. Ну, по крайней мере по много часов. Вряд ли кто мог работать более напряженно, чем он. А потом энтузиазм постепенно угасал, он начинал жаловаться, что работы много, а отдачи мало и поощряют его редко. Коллеги ленивые, начальники – придиры. Во всяком случае, по его словам. Когда он начинал пересказывать негласные грязные, сексуальные сплетни про своих начальников, это означало, что вскоре предстоит поиск новой работы... хотя с каждым разом найти ее становилось все труднее и труднее. А потом он снова загорится энтузиазмом, и все пойдет по кругу. Но пока что, на этой очередной работе, сверхтонкий слух Катрионы не улавливал плохих признаков, а они на Комарре вот уже почти год. Может быть, Тьен наконец нашел свою – как там сказал Форкосиган? – свою страсть. Его нынешний пост оказался лучшим из всех, что у него были. Может, ради разнообразия все пойдет на лад? Если она выдержит еще немного, все устроится, и добродетель будет вознаграждена? А учитывая, что над ними висит дамоклов меч дистрофии Форзонна, у Тьена есть веские основания быть нетерпеливым. Он-то ведь не располагает неограниченным временем.

А ты собираешься жить вечно? Она моргнула, прогоняя эту мысль.

– Твоя тетя не уверена, что ты счастлива, детка. Тебе не нравится Комарра?

– Да нет, нравится, – быстро ответила она. – Признаюсь, что немного скучаю по дому, но это не значит, что мне здесь плохо.

– Она считала, что ты воспользуешься возможностью отдать Никки в комаррскую школу, чтобы он обогатил, как она изволит выражаться, свое культурное образование. Я не хочу сказать, что та, где мы были сегодня утром, плоха, наоборот. И я непременно сообщу об этом тете, чтобы она успокоилась.

– Было у меня такое искушение. Но в комаррской школе у Никки могли возникнуть проблемы. Ведь он баррарец, инопланетник. Вы ведь знаете, как могут быть жестоки дети этого возраста к тем, кто отличается от них. Тьен посчитал, что закрытая школа будет более подходящей. Очень многие семьи высших форов, живущие в этом секторе, отправляют туда своих детей. Тьен решил, что там Никки сможет приобрести хорошие знакомства.

– У меня не сложилось впечатления, что Никки обладает социальными амбициями. – Сухость дядиного тона несколько смягчили морщинки в углах глаз.

Ну что она может на это сказать? Защищать решение, принятое не ею? Признать, что считает Тьена неправым? Но как только она начнет жаловаться на Тьена, то вряд ли сможет остановиться прежде, чем выложит свои самые большие проблемы. К тому же тот, кто жалуется на своего супруга или супругу, как правило, выглядит ужасно.

– Ну, знакомства для меня. – У нее никогда не было желания обзаводиться ими, хотя Тьен и считал, что она просто обязана.

– А! Это хорошо, что у тебя появились друзья.

– Да... – Она собрала с блюда остатки яблочного сиропа.

Подняв глаза, Катриона заметила приятного молодого комаррца, стоявшего в дверях патио и не сводившего с нее глаз. Чуть поколебавшись, юноша подошел к их столу.

– Госпожа Форсуассон? – неуверенно проговорил он.

– Да? – вопросительно подняла бровь Катриона.

– О, я так и думал, что это вы. Меня зовут Андро Фарр. Мы с вами встречались на приеме в честь Зимнепраздника, устроенном для служащих Проекта Терраформирования несколько месяцев назад, помните?

С трудом.

– Ах, да! Вы были чьим-то гостем?

– Да. Марии Трогир. Она – инженер-технолог отдела использования избыточного тепла. Или была им... Вы ее знаете? То есть я хочу сказать, она никогда с вами не разговаривала?

– Нет, мы не очень хорошо знакомы. – Катриона встречала эту молодую комаррианку раза три от силы, на тщательно спланированных официальных мероприятиях. И Катриона всегда на этих приемах отдавала себе отчет, что является представителем Тьена и ей необходимо сердечно улыбаться и приветствовать всех пришедших, так что на частные беседы у нее просто не было времени. – А она собиралась со мной поговорить?

Юноша огорченно вздохнул:

– Не знаю. Я подумал, что вы с ней, возможно, подруги или хотя бы приятельницы. Я разговаривал со всеми ее друзьями, которых смог отыскать.

– Ах вот как... – Катриона не знала, стоит ли продолжать этот разговор.

Фарр, казалось, почувствовал ее настроение и слегка покраснел.

– Простите. Кажется, я оказался в довольно сложной семейной ситуации и не могу понять почему. Это застало меня врасплох. Но... Но, видите ли... около шести недель назад Мария сказала мне, что выезжает на полевые работы по заданию департамента и вернется примерно недель через пять, но точно не уверена. Она не дала мне никаких комм-кодов, по которым ее можно найти, и сказала, что, по всей вероятности, сама звонить тоже не сможет и чтобы я не беспокоился.

– А вы... хм... живете с ней?

– Да. Ну, время шло и шло, а от нее ни слуху ни духу... В конце концов я позвонил начальнику ее отдела, администратору Судхе. Он сказал мне что-то маловразумительное. На самом деле мне кажется, он просто хотел от меня поскорее отделаться. Так что я заявился туда сам и разыскал его, и он сказал, – Фарр судорожно сглотнул, – что она внезапно уволилась шесть недель назад и уехала. Как и ее шеф, Радоваш, тот самый, с которым Мария сказала, что едет в поле. Похоже, Судха считает, что они... уехали вместе. Все это полная бессмыслица.

Идея бегства от сожителя, не оставляя ему своих координат, для Катрионы очень даже имела смысл, но вряд ли сейчас было уместно об этом говорить. Кто знает, какую глубоко упрямую неудовлетворенность Фарр не сумел разглядеть у своей дамы?

– Мне очень жаль, но я ничего об этом не знаю. Тьен никогда об этом не упоминал.

– Простите, что побеспокоил вас, сударыня. – Поколебавшись, он собрался уйти.

– А вы говорили с госпожой Радоваш? – осторожно поинтересовалась Катриона.

– Пытался. Она отказалась со мной разговаривать.

И это тоже вполне понятно, если ее пожилой супруг сбежал с более молодой и красивой женщиной.

– Вы заявили о пропавшей в службу безопасности купола? – спросил Фортиц. Катриона сообщила, что не представила дядю, но, поразмыслив, решила этого не делать.

– Пока нет. Но, наверное, посмотрю.

– М-м, – протянула Катриона. Стоит ли поощрять парня на дальнейшие поиски этой девушки? Похоже, та решила просто сбежать от него. Интересно, почему девушка выбрала такой способ разрыва отношений – потому что сама стерва или потому что он чудовище? Трудно сказать. Никогда не знаешь, какой скелет спрятан в чужом шкафу и какие страшные пороки скрываются за очаровательными улыбками.

– Она оставила все свои вещи. И своих кошек. Я теперь не знаю, что с ними делать, – жалобно проговорил парень.

Катрионе доводилось слышать об отчаявшихся женщинах, бросавших все, включая даже детей, но тут вмешался в разговор дядя Фортиц:

– Как-то это довольно странно. На вашем месте я обратился бы в службу безопасности, хотя бы ради собственного спокойствия. В случае необходимости вы всегда сможете потом извиниться.

– Я... Пожалуй, я так и сделаю... Всего доброго, госпожа Форсуассон, сэр. – Взъерошив рукой волосы, молодой человек вышел через псевдокалитку в парк.

– Наверное, нам пора возвращаться, – предложила Катриона, когда юноша скрылся из виду. – Следует ли нам прихватить что-нибудь из еды для лорда Форкосигана? Здесь готовят всякие вкусные вещи на вынос.

– Не уверен, что он вообще замечает, что пропустил обед, когда занят какой-то проблемой, но предложение стоящее.

– Вы не знаете, что он любит?

– Все, насколько я понимаю.

– Нет ли у него аллергии на какую-либо еду?

– По-моему, нет.

Катриона быстро выбрала несколько питательных и сбалансированных блюд, надеясь, что все эти красиво выложенные овощи не окажутся в конечном итоге в помойке. Ведь с мужчинами никогда нельзя быть в чем-то уверенной. Получив заказ, они с дядей Фортицем покинули ресторан и направились к ближайшей станции транспортных капсул, чтобы вернуться в секцию Серифозы, где жили Форсуассоны. Катриона по-прежнему не очень понимала, каким образом Форкосиган сумел справиться со своим положением мутанта на их запуганной мутантными катастрофами планете. Может, за счет того, что большую часть времени пребывал за пределами Барраяра? Только вот есть ли какая-нибудь польза от этой информации для Никки?

Глава 4

Департамент, который курировал Этьен Форсуассон, занимал два этажа в верхней части башни, где располагались административные службы купола «Серифоза». Башня, построенная в конце одного из боковых ответвлений купола, стояла отдельно от других имеющих пригодную для дыхания атмосферу строений. Пока они поднимались вверх по эскалатору, Майлз без всякого удовольствия глядел на атриум со стеклянной крышей. Он готов был поклясться, что слышит свист утекающего воздуха через плохо затянутый вентиль.

– А что будет, если кто-нибудь швырнет камень в окно? – шепнул он стоящему рядом профессору.

– Да практически ничего, – так же шепотом ответил Фортиц. – Возникнет довольно-таки приличная тяга, но разница давления не такая уж большая.

– Верно. – Купол «Серифоза» был на самом деле не аналогичен космической станции, несмотря на обманчивое сходство в архитектуре. Воздух внутри купола по большей части получали из наружной атмосферы. Вентиляционные шахты, разбросанные над всем комплексом купола, втягивали воздух Комарры, фильтровали его, избавляя от избытка углекислого газа, свободно пропускали азот и доводили до пригодного концентрацию кислорода. Процентное содержание кислорода в природной атмосфере Комарры было по-прежнему слишком низким для крупных млекопитающих, вынужденных пользоваться респираторами, но общее количество его было огромно по сравнению с количеством кислорода даже в самых богатых куполах планеты. – *До тех пор, пока работает энергетическая система.*

Они сошли с эскалатора и проследовали за Форсуассоном из центрального атриума по коридору. Вид ящика с респираторами, висящего возле пожарного шланга, несколько успокоил Майлза – значит, комаррцы не совсем уж отмахиваются от привычной опасности. Хотя выглядел ящик подозрительно пыльным. Интересно, а пользовались ли им вообще хоть раз с того момента, как он был тут установлен много лет назад? И проверяли ли его? Если бы Майлз был здесь с военной инспекцией, то наверняка поразвлекся бы, остановив всю компанию прямо сейчас и разобрав ящик на части, чтобы удостовериться, что респираторы и баллоны находятся в рабочем состоянии. Впрочем, как Имперский Аудитор он и сейчас может это проделать и вообще предпринять все, что ему в голову взбредет. Когда он был помоложе, его самым большим грехом была импульсивность. Иногда в припадке ночной меланхолии Майлз размышлял, не погорячился ли император Грегор, назначив его Имперским Аудитором. Власть, как известно, развращает, но в данном случае Майлз скорее чувствовал себя котом в бочке со сметаной. *Владей собой, мой мальчик!*

Ящик с респираторами благополучно остался позади. Форсуассон, прямо как туристический гид, показывал на помещения, занимаемые различными подразделениями своего департамента, не предлагая, впрочем, зайти внутрь. Вообще-то, откровенно говоря, в этих административных офисах особенно и смотреть было не на что. То, что действительно представляло интерес, находилось за пределами купола, на опытных станциях, экспериментальных секциях и биотических участках, разбросанных по всему сектору «Серифоза». А в этих помещениях Майлз обнаружил бы лишь комм-пульты. И, конечно, комаррцев. Много-много комаррцев.

– Сюда, милорды. – Форсуассон провел их в комфортабельную просторную комнату с большим головидео. Помещение выглядело как любой конференц-зал, которых Майлз за свою резко оборвавшуюся военную карьеру видел во множестве во время всяких совещаний. И запах тут стоял соответствующий. *Везде одно и то же. Что-то мне подсказывает, что самой сложной задачей для меня сегодня будет не заснуть.* Вокруг стола сидели полдюжины мужчин и женщин, нервно теребя папки с досье и видеодиски, а еще двое, бормоча извинения, вошли в

зал следом за двумя Аудиторами. Форсуассон жестом предложил высоким гостям места слева и справа от себя. Поприветствовав собравшихся улыбкой, Майлз уселся на стул.

– Лорд Аудитор Фортиц, лорд Аудитор Форкосиган, позвольте мне представить вам начальников подразделений серифозского отделения Департамента Проекта Терраформирования Комарры. – Форсуассон обошел вокруг стола, представив каждого из руководителей и называя возглавляемый им отдел. Три основных подразделения – бухгалтерия, оперативный и исследовательский отдел – были поделены на более мелкие подразделения, носящие громкие названия: регулирования СО₂, гидрологии, микробиологической классификации, опытных участков, использования избыточного тепла и озеленения. Все сотрудники до единого – комаррцы. Форсуассон был единственным среди них выходцем с Барраяра.

Форсуассон, продолжая стоять, обернулся к вновь вошедшим:

– Милорды, позвольте также представить вам сэра Венье, моего заместителя. Венни подготовил для вас небольшой ознакомительный доклад, после чего мои сотрудники с радостью ответят на все ваши вопросы.

Форсуассон сел, а Венье кивнул каждому из Аудиторов, пробормотав что-то нечленораздельное. Венье был худощавым мужчиной ниже Форсуассона, с пронзительными карими глазами и вялым подбородком, что в сочетании с несколько нервным поведением придавало ему облик слегка потрепанного кролика. Нервно потерев руки, он подошел к панели управления головида, перебрал принесенные им диски, выбрал было один и тут же положил обратно. Прокашлявшись, он заговорил:

– Господа, мне было предложено начать с небольшого экскурса в историю. – Он снова кивнул лордам Аудиторам, чуть задержав взгляд на Майлзе, и, вставив диск в аппарат, включил красивую голограмму Комарры. – Первые исследователи п-в-туннеля сочли Комарру подходящим объектом для терраформирования. Сила тяжести, равная примерно 0,9 земной, и огромные запасы газообразного азота, обширный набор инертных газов и достаточное количество льда существенно упрощали задачу по сравнению, например, с такими холодными и засушливыми планетами, как Марс.

Надо полагать, это были одни из самых первых исследователей, размышлял Майлз, раз прибыли сюда и обосновались до того, как были обнаружены более подходящие для заселения планеты и столь амбициозные проекты стали казаться экономически невыгодными. Ну, во всяком случае, если ты уже не живешь на такой неуютной планете. К тому же... здесь огромное количество п-в-туннелей.

– Минусом – продолжал между тем Венье, – являлось высокое содержание углеводорода в атмосфере, опасное для человека, а недостаток солнечного тепла не позволял ни озеленить планету, ни растопить лед. Комарра тогда представляла собой безжизненный мир, холодный и темный. Ранние подсчеты показали, что необходимо больше воды, поэтому были искусственно вызваны так называемые «легкие» столкновения с кометами, в результате чего мы теперь можем благодарить наших предков за образовавшиеся на юге кратерные озера. – На цветной голограмме высветилась цепочка голубых кругов в нижнем полушарии планеты. – Но растущие потребности в космической воде, а также в летучих веществах для орбитальных станций и станций возле п-в-туннелей вскоре положили этому конец. Ну и, конечно, обитатели планеты опасались последствий неточного расчета траекторий сбрасываемых на планету комет.

Вполне обоснованные опасения, насколько помнил Майлз из истории Комарры. Он искоса глянул на Фортица. Профессор казался очень довольным лекцией Венье.

– На самом деле, – продолжил Венье, – дальнейшие исследования показали, что ледяные шапки на полюсах Комарры значительно толще, чем предполагалось изначально, хотя и не такие толстые, как на Земле. И начался путь к теплу и свету.

Майлз посочувствовал первым комаррцам. Он отчаянно ненавидел арктический холод и тьму.

– Наши предки построили первый солнечный отражатель, который поколение спустя был усовершенствован. – Появилась новая голограмма, тут же сменившаяся следующей. – Через сто лет этот отражатель, в свою очередь, был заменен тем, что мы видим сегодня. – Появился шестиугольник с семью дисками – один в центре, шесть по окружности – и повис над изображением планеты. – Теперь освещение экватора оказалось достаточным, чтобы получить воду, и растения начали постепенно снижать содержание углерода и выделять столь необходимый кислород. За последующие десятилетия были созданы и выпущены в верхние слои атмосферы искусственные газовые смеси, необходимые для удержания солнечной энергии. – Венье передвинул руку, и четыре из семи дисков померкли. – А потом произошла авария.

Сидевшие за столом комаррцы мрачно уставились на голограмму поврежденного отражателя.

– Есть ли сведения об уменьшении интенсивности отражения? С цифрами? – мягко поинтересовался Фортиц.

– Да, милорд Аудитор. – Венье придвинул профессору диск. – Администратор Форсуассон сказал, что вы инженер, так что я не стал расшифровывать данные. Здесь все цифры.

Руководитель отдела использования избыточного тепла, Судха, тоже инженер, скривился и закусил палец, услышав о столь вопиющем незнании реального профессионального статуса Фортица. Профессор же лишь ограничился словами благодарности.

– Спасибо. Очень вам признателен.

А где мой экземпляр? Но вслух Майлз этого не сказал.

– А не могли бы вы коротко изложить ваши выводы для нас, не инженеров, сер Венье?

– Конечно, лорд Аудитор... Форкосиган. Очень серьезные проблемы с флорой и фауной на северных и южных широтах, не только в секторе «Серифоза», но по всей планете, начнутся буквально через сезон. И с каждым последующим годом мы будем отступать все дальше. А к концу пятилетия кривая охлаждения резко устремится вверх, к катастрофическим последствиям. Создание солнечного отражателя заняло двадцать лет. И я молюсь, чтобы на его восстановление не ушло как минимум столько же. – На голографической модели полярная шапка расплзлась по планете, как белая опухоль.

Фортиц бросил взгляд на Судху.

– Таким образом, срочно требуются новые источники обогрева, как минимум на некоторое время.

Судха, крупный мужчина лет пятидесяти, с большими руками, откинулся на спинку стула и кисло улыбнулся. Он тоже откашлялся, прежде чем заговорить.

– На заре терраформирования надеялись, что тепло, вырабатываемое нашими растущими отражающими поверхностями, внесет существенный вклад в обогрев планеты. Как выяснилось в дальнейшем, прогнозы оказались слишком оптимистическими. Планета с зарождающейся гидрологией представляет собой огромную термальную буферную систему, которая в сочетании с выделяемым при разжижении теплом. В настоящее время – до аварии – лучшим применением избыточного тепла считалось создание микроклимата вокруг куполов как резервуара для следующей волны высшей флоры и фауны.

– С инженерной точки зрения это звучит как полный бред: «Необходимо тратить больше энергии на потерю тепла», – согласился Фортиц, – но я предполагаю, что здесь все обстоит именно так. Какова возможность использования некоторых источников, реакторов, например, для выделения тепловой энергии?

– Кипятить океан по чайной ложке? – скривился Судха. – Конечно, это возможно, и я бы с удовольствием использовал эту технологию для развития небольших областей в секторе «Серифоза». Но экономически – нет. Обогревать таким образом планету обойдется гораздо дороже, чем починка – или увеличение – отражателя. О чем мы просили империю годами. Но безуспешно. А если построили реактор, то почему бы заодно не построить и купол? Тепло

будет поступать наружу все равно. – Он передвинул дискеты Фортицу и Майлзу. На сей раз обоим по экземпляру. – Вот наш последний отчет. – Он оглянулся на одного из своих коллег. – Мы все заинтересованы в том, чтобы высадить высшие растения еще при нашей жизни. Но пока что самое большое наше достижение – это биологическая активность на уровне микробов. Филипп?

Мужчина, которого представили как главу отдела микробиологической классификации, улыбнулся – не очень чтобы благодарно – Судхе и повернулся к Аудиторам.

– Ну, в общем, так и есть. Бактерии плодятся вовсю. И выведенные нами, и дикая генерация. С годами сюда переселились все земные типы бактерий. К несчастью, микробы обладают тенденцией быстрее приспосабливаться к окружающей среде, чем мы. Мой сектор занят по горло всякими мутациями. Как всегда, нужно больше тепла и света. И, откровенно говоря, милорды, большее финансирование. Хотя наша микрофлора и быстрорастущая, умирает она так же быстро, вновь выбрасывая в атмосферу свои углеродные составляющие. Нам необходимо переходить к более развитым организмам, чтобы поскорее изъять избытки углерода. Может, ты продолжишь, Лиз? – обратился он к симпатичной полной даме средних лет, заведующей отделом регулирования CO₂.

Женщина радостно улыбнулась, из чего Майлз заключил, что дела вверенного ей подразделения в этом году идут совсем неплохо.

– Да, господа. У нас есть ряд высших растительных форм, прошедших основные полевые испытания и подвергнутых генетическим изменениям и улучшению. Самое высшее наше достижение – с морозо- и CO₂-устойчивыми торфяниками. Им, конечно, тоже нужна вода, и, безусловно, гораздо больше пошла бы на пользу более высокая температура. В идеале их следовало бы разместить в низменностях, чтобы они действительно долгое время поглощали углерод, но в секторе «Серифоза» таких мест нет. Так что мы выбираем наиболее подходящие места, которые по мере оттаивания полюсов в дальнейшем покроются озерами и небольшими морями, и избыточный углерод, таким образом, будет закрыт наносными пластами. Если этот процесс правильно запустить, в дальнейшем он станет работать сам, без человеческого вмешательства. Если бы мы могли изыскать достаточно средств, чтобы увеличить вдвое или втрое зону наших плантаций в течение ближайших нескольких лет... Короче, вот мои предложения. – Фортиц забрал очередной диск. – Мы начали полевые испытания с более крупными растениями, чтобы посадить их на торфяниках. Крупные растения, безусловно, значительно легче контролировать, чем быстро мутирующую микрофлору. Они уже сейчас готовы к высадке на более обширные плантации. Но им же грозит и большая опасность от уменьшения количества солнечной энергии. Нам необходимо знать, сколько времени займет починка отражателя, прежде чем мы осмелимся разрабатывать дальнейшие планы по посадкам.

Она многозначительно посмотрела на Фортица, но тот лишь ограничился нейтральным «благодарю вас, сударыня».

– У нас еще запланирован на сегодня облет торфяников, – сообщил ей Форсуассон. Дама, временно удовлетворившись, устроилась поудобнее на стуле.

Так оно и шло дальше по кругу. Майлз узнал о терраформировании Комарры гораздо больше, чем ему хотелось, а также услышал завуалированные и открытые просьбы об увеличении финансирования. И о тепле и свете. Власть развращает, но мы хотим энергии. Лишь бухгалтерия и отдел использования избыточного тепла догадались принести экземпляр своих отчетов для Майлза. Он с трудом подавил желание указать кому-нибудь на этот факт. Неужели ему действительно хочется почитать на сон грядущий очередные несколько тысяч слов? К тому времени, когда все высказались, его свежие шрамы стянуло, и на сей раз он не мог, как вчера, отнести это за счет длительного пребывания в скафандре. Майлз с трудом поднялся со стула. Фортиц собрался было поддержать его под локоть, но Майлз заметным кивком запретил про-

фессору это делать. Не то чтобы ему было так уж необходимо выпить, просто до смерти хотелось пропустить стаканчик.

– Да, администратор Судха, – окликнул Фортиц проходившего мимо них заведомо использования избыточного тепла, – можно вас на пару слов?

Судха остановился, чуть улыбнувшись:

– Слушаю вас, милорд Аудитор.

– Существует ли какая-то особая причина, по которой вы не смогли помочь этому молодому человеку, Фарру, в поисках его пропавшей дамы?

– Прошу прощения? – неуверенно переспросил Судха.

– Парню, который ищет вашу бывшую сотрудницу, Марию Трогир? Кажется, он так ее назвал. Есть ли причина, по которой вы не смогли ему помочь?

– Ах, этот... Она... Ну, э-э-э... Это не так просто, видите ли. – Он огляделся по сторонам, но в комнате уже никого не осталось, кроме Форсуассона и Венье, почтительно ожидавших своих высокопоставленных гостей.

– Я посоветовал ему заявить о ее исчезновении в службу безопасности купола. Так что они вполне могут прийти к вам с вопросами.

– Вряд ли я окажусь им более полезен, чем Фарру. Боюсь, что действительно не знаю, где она. Видите ли, она уволилась. Причем совершенно внезапно, практически без предупреждения. И у меня в штате образовалась дыра в самое неподходящее время. Мне это не очень-то понравилось.

– Фарр так и сказал. Я просто подумал, что с кошками получилось как-то странно. Одна из моих дочерей держит кошек. Мерзкие маленькие паразиты, но она их любит.

– С кошками? – Судха казался все более озадаченным.

– Судя по всему, Трогир оставила их на попечение Фарра.

Судха недоуменно моргнул:

– Я всегда придерживался правила, что личная жизнь моих сотрудников меня не касается. Мужчины, кошки – это личное дело Трогир. Если на это не тратится рабочее время. Я... Что-нибудь еще?

– Да нет, – протянул Фортиц.

– Тогда, милорд Аудитор, позвольте откланяться, – снова улыбнулся Судха и удалился.

– О чем шла речь? – поинтересовался Майлз у Фортица, пока они шагали по коридору.

– Небольшой внутренний скандалчик, – ответил Форсуассон. – Подчиненная Судхи, техник, сбежала с одним из его инженеров. Судя по всему, эта история застала его врасплох. Он явно чувствует себя неловко. Кстати, а вы-то как об этом узнали?

– Юный Фарр обратился в ресторане к Катрионе, – пояснил Фортиц.

– Он на редкость зануден, – вздохнул Форсуассон. – Я не виню Судху за то, что он старался избегать этого малого.

– Я всегда полагал, что комаррцы к таким вещам относятся довольно легко, – заметил Майлз. – Отношения в галактическом стиле и все такое. Не так легко, как бетанцы, но все же. А данный вариант напоминает барраярский провинциальный подход.

Конечно, без необходимости избегать давления провинциальной среды, вроде разъяренных родственников, жаждущих защитить честь клана.

– По-видимому, культурный обмен между мирами не может все время идти в одну сторону, – пожал плечами Форсуассон.

Маленькая группка проследовала в подземный гараж, где почему-то не оказалось вызванного Форсуассоном аэрокара.

– Подождите здесь, Венье.

Бормоча ругательства, Форсуассон удалился выяснять, в чем дело. Фортиц пошел с ним.

Упустить возможность неформально пообщаться с обитателем Комарры Майлз никак не мог. Так что же собой представляет Венье? К какой категории комаррцев относится? Майлз повернулся к Венье, но тот его опередил.

– Это ваше первое посещение Комарры, лорд Форкосиган?

– Никоим образом! Я неоднократно бывал на станциях. Хотя, должен признаться, на саму планету спускался не часто. А в Серифозе я впервые.

– А в Солстисе бывали?

Главный город планеты.

– Конечно.

Венье чуть отошел в сторону и встал на тускло освещенном пяточке за бетонной колонной. Он едва заметно улыбался.

– А посещали вы там когда-нибудь Мемориал Убиенных?

К наглым чертовым комаррцам, вот к какой категории он относится! Солстисская бойня была самым гнусным событием периода барраярской агрессии. Двести комаррских советников, Сенат того периода, сдались, согласившись на условия захватчиков. И были перебиты на каком-то стадионе барраярскими силами Безопасности. Политические последствия этой резни едва не привели к катастрофе. Улыбка Майлза стала чуть натянутой.

– Конечно. Как я мог там не побывать?

– Всем барраярцам следовало бы совершить туда паломничество. С моей точки зрения.

– Я был там с близким другом. Он хотел совершить поминальное возжигание своей тете.

– Родственник одного из мучеников – ваш друг? – Венье ошарашенно заморгал, слегка оживив беседу, поначалу показавшуюся Майлзу прекрасно срежиссированной. Интересно, как долго Венье готовил свои реплики, дожидаясь удобного момента?

– Да. – Майлз сознательно сделал свой взгляд более вызывающим.

Венье явно ощутил перемену и чуть занервничал.

– Поскольку вы – сын своего отца, то я просто несколько удивился, вот и все.

Чему? Что у меня есть друзья-комаррцы?

– Именно потому, что я сын своего отца, вам не следовало бы удивляться.

Брови Венье изумленно поползли вверх.

– Ну... Существует мнение, что бойня произошла по прямому приказу императора Эзара, без ведома адмирала Форкосигана. Конечно, Эзар был довольно жестоким.

– Да, жесток. Но далеко не дурак. Это была блестящая идея старшего политофицера экспедиционного корпуса Барраяра, за что мой отец заставил его поплатиться жизнью, хотя толку от этого уже было мало. Не говоря о моральном аспекте, эта резня в первую очередь была исключительной глупостью. Моего отца обвиняли во многих вещах, но в глупости, как мне кажется, никогда и ни разу. – В голосе Майлза зазвучали опасные нотки.

– Думаю, всей правды мы никогда не узнаем, – сказал Венье.

Это что, предложение перемирия?

– Можно твердить человеку правду весь день напролет, но если он не хочет ее слышать, то, я полагаю, никогда ее и не узнает, – осклабился Майлз. *Нет, держи себя в руках. Зачем показывать этому комаррцу, что он сумел-таки тебя достать?*

Двери ближайшей лифтовой шахты открылись, и Венье внезапно потерял для Майлза всяческий интерес, поскольку появились госпожа Форсуассон с Никки. На ней был все тот же унылый костюм, что и утром, на руке висели толстые куртки. Помахав рукой, она быстро приблизилась.

– Я очень опоздала? – спросила она, чуть запыхавшись. – Добрый день, Венье.

Проглотив готовую сорваться с языка идиотскую реплику, которая звучала «вам, миледи, я рад в любое время», Майлз сумел промямлить:

– Э-э, добрый день, госпожа Форсуассон, Николас. Я вас не ждал. Вы поедете с нами? – *Я надеюсь.* – Ваш муж только что ушел разыскивать аэрокар.

– Да. Дядя Фортиц сказал, что это будет познавательно для Никки. Да мне и самой нечасто предоставляется возможность побывать вне купола. Так что я воспользовалась приглашением. – Она улыбнулась, поправив выбившуюся из прически прядь темных волос. – Я не знала, будем мы где-либо садиться и ходить пешком, но на всякий случай прихватила по куртке для каждого.

Из-за угла выплыл большой аэрокар и остановился перед ними. Откинулся колпак кабины, и наружу выбрался Форсуассон. Он поприветствовал жену с сыном. Профессор, восседающий на переднем сиденье, улыбнулся, услышав, как проблему, кому и где сидеть, разрешил Никки, заявивший, что хочет сидеть с дедулей и па.

– Может, Венье сможет нас сегодня повозить? – ненавязчиво предложила госпожа Форсуассон.

Форсуассон одарил ее неожиданно злобным взглядом.

– Я вполне способен справиться с этим и сам!

Ее губы зашевелились, но она не издала больше ни звука.

Тяни жребий, милорд Аудитор, мысленно ухмыльнулся Майлз. Ты предпочитаешь, чтобы пилотировал человек с, по всей вероятности, уже проявившимися первыми симптомами дистрофии Форзонна или чтобы аэрокар, полный барраярских форов, вел комаррский... э-э-э... патриот?

– Мне все равно, – честно пробормотал он.

– Я принесла куртки.

Госпожа Форсуассон протянула одежду. У нее самой, ее мужа и Николаса были свои собственные куртки. Запасная куртка Форсуассона с трудом сходилась у профессора на животе.

Куртка, что она выдала Майлзу, принадлежала ей, как он немедленно определил по едва ощутимому аромату, исходящему от подкладки. Вдохнув поглубже этот аромат, Майлз натянул куртку на себя.

– Спасибо. Она вполне подойдет.

Форсуассон нырнул в задний отсек и вылез оттуда с респираторами, которые тут же раздал. У них с Венье имелись персональные, с их именами, написанными на боковых планках. На остальных было написано «посетитель». Один большой, два средних, один маленький.

Госпожа Форсуассон, повесив свой респиратор на руку, надела второй на Никки и проверила батареи и уровень кислорода.

– Я уже все проверил, – сказал ей Форсуассон. В его голосе явственно слышался едва сдерживаемый гнев. – Тебе незачем делать это заново.

– О, извини! – ответила она. Но Майлз, чисто по привычке проверяя свой прибор, обратил внимание, что она тем не менее тщательно довела проверку респиратора до конца. Форсуассон тоже это заметил и нахмурился.

После непродолжительных дебатов в бетанском стиле все наконец расселись. Форсуассон с сыном и профессор устроились впереди, а Майлз с госпожой Форсуассон и Венье расположились сзади. Майлз не понял, радует его такое соседство или огорчает. У него было такое ощущение, что он смог бы завязать с каждым из них весьма захватывающую дискуссию, но лишь в отсутствие второго. Они опустили респираторы на шею, чтобы в случае чего мгновенно натянуть на лицо.

Аэрокар вырулил из гаража и поднялся в воздух. Венье снова вернулся к своей манере профессионального лектора, указывая на объекты, входящие в состав Проекта Терраформирования. С этой небольшой высоты видны были плоды терраформирования – небольшие зеленые клочки во влажных низменных местах и кусочки лишайников и мхов на камнях. Госпожа

Форсуассон задавала Венье весьма профессиональные вопросы, а поскольку Майлз в данный момент был не способен родить ничего умного, то несказанно этому радовался.

– Учитывая ваш интерес к ботанике, я удивляюсь, госпожа Форсуассон, что вы не заставили вашего мужа взять вас на работу в его департамент, – через некоторое время заметил Майлз.

– О! – Казалось, такая идея просто не приходила ей в голову. – Но я не могла этого сделать!

– Почему, собственно?

– Разве это не было бы nepoтизмом? Или что-то вроде злоупотребления служебным положением?

– Едва ли, если бы вы хорошо справлялись с работой, в чем я нисколько не сомневаюсь. В конце концов, вся барраярская система форов строится на nepoтизме. Для нас это не порок, а образ жизни.

Венье подавил невольный взглас, возможно, хмыканье, и посмотрел на Майлза с растущим интересом.

– Так почему вы должны быть исключением? – продолжал между тем Майлз.

– Это всего лишь хобби. Мне недостает профессиональной подготовки. Знаний по химии, для начала.

– Вы могли бы начать с технической должности и ходить на вечерние занятия, чтобы заполнить пробелы. Не успеете оглянуться, как увязнете по уши в какой-нибудь интересной проблеме. В любом случае им придется брать кого-то на работу.

И тут задним числом Майлз сообразил, что если носитель дистрофии Форзонна – она, а не Форсуассон, то могут быть весьма неприятные причины, по которым она до сих пор не занялась такой работой. Он ощущал в ней кипящую скрытую энергию, подавляемую, загнанную глубоко внутрь и медленно угасающую там. Может, это потому, что она боится наступающей болезни? Черт побери, так кто же из них носитель? Ему же по должности положено быть классным следователем, и эту задачу он уж точно должен легко расщелкать.

Ну, в принципе он может запросто это сделать. Достаточно связаться со штаб-квартирой Имперской службы безопасности на Комарре и запросить полное досье на Форсуассонов. Взмахнуть своей волшебной палочкой Аудитора и получить всю интересующую его информацию. Нет! Все это не имеет никакого отношения к аварии с отражателем. А утренний эпизод с ее комм-пультом довольно наглядно показал, что ему пора уже строго разделять свои профессиональные и личные интересы, как он всегда разделял личные и имперские финансы. Не быть ни казнокрадом, ни соглядатаем. Придется ему выгравировать эту надпись на табличке и повесить у себя в комнате на стенку, чтобы не забывать. Что ж, хоть деньги его не соблазняют. Майлз чувствовал нежный запах Катрионы, цветочный и очень живой, легко ощутимый в отфильтрованном воздухе, насыщенном запахом пластмассы...

– Вам действительно стоит об этом подумать, госпожа Форсуассон, – к изумлению Майлза, произнес Венье.

Ее лицо, оживившееся во время полета, снова стало замкнутым.

– Я... Там видно будет. Может быть, на следующий год. После... Если Тьен решит остаться.

Раздавшийся по внутреннему комму голос Форсуассона прервал разговор. Они приближались к торфяникам, лежавшим в простирившейся внизу длинной узкой долине. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющим, чем предполагал Майлз. Во-первых, это была настоящая земная яркая зелень, во-вторых, она тянулась на многие километры.

– Этот вид выделяет кислорода в шесть раз больше, чем его земной предок, – гордо провозгласил Венье.

– Значит, если окажешься снаружи без респиратора, можно заползти в них и дожидаться там спасателей? – задал Майлз практический вопрос.

– Ну-у... Если сможете задержать дыхание лет этак на сто.

Майлз начал подозревать у Венье за неказистой внешностью скрытое чувство юмора. Ну, как бы то ни было, аэрокар, описав петлю, спустился ниже, и Майлз переключил внимание на площадку, куда они намеревались приземлиться. У него имелся весьма неприятный и очень, так сказать, тесный опыт общения с коварными арктическими торфяниками. Но Форсуассон сумел посадить аэрокар на довольно надежный камень, и все застегнули респираторы. Колпак кабины откинулся, впуская холодный и непригодный для дыхания наружный воздух. Все выбрались наружу и принялись лазить по окрестностям, чтобы лично рассмотреть крошечные зеленые растения. Да, этого добра тут хватало. Зелень простиралась до самого горизонта. Много. Растительности. Зеленой. Влажной. Майлз с некоторым усилием заставил себя прекратить составлять длиннющий доклад императору в эдаком телеграфном стиле и попытался воздать должное насыщенному специальной терминологией описанию Венье последствий потенциального урона, который может нанести мороз этому химико-какому-то циклу.

Они еще некоторое время поизучали окружающий ландшафт – остающийся неизменным, – пока Никки, прыгающий вокруг, как кузнечик (мать за ним явно не поспевала), едва не свалился в болото. После этого вся команда загрузилась обратно в аэрокар. Облетев соседнюю зеленую долину и пролетев – для сравнения – над следующей, не засаженной и мертвой, они повернули к куполу «Серифоза».

Тут внимание Майлза привлекло виднеющееся слева на горизонте огромное сооружение, питающееся от собственных реакторов и окруженное буйной зеленью.

– Что это? – поинтересовался он у Венье.

– Главная опытная станция по использованию избыточного тепла, – пояснил комаррец. Майлз коснулся комм.

– Нет ли возможности слетать туда посмотреть? – спросил он Форсуассона.

Чуть замаявшись, тот ответил:

– Я не уверен, что в этом случае мы успеем вернуться в купол до темноты. И не хотел бы рисковать.

Майлз сомневался, что ночной полет так уж и опасен, но, возможно, Форсуассон знал предел своих возможностей. К тому же на борту находились его жена и сын, не говоря уже об Императорском Грузе, каковым являлись Майлз с профессором. И все же внезапные проверки всегда были самыми забавными, если ты действительно хочешь найти что-либо стоящее. Аудитор мог настоять на своем.

– Это наверняка будет очень интересно, – пробормотал Венье. – Я сам там уже не бывал несколько лет.

– Может, в другой раз? – предложил Форсуассон.

Майлз не стал настаивать. Они с Фортицем все же были здесь скорее в роли пожарных, чем генеральных инспекторов. Решение их проблемы в космосе, а не на планете.

– Возможно. Если будет время.

Через десять минут на горизонте показался купол «Серифоза». Внушительное сооружение, сверкающее огнями в надвигающихся сумерках, с сияющими башнями и петляющими путепроводами для транспортных капсул.

Все-таки мы, люди, очень даже неплохо справляемся, подумал Майлз. Если, конечно, нас оценивать под правильным углом зрения.

Аэрокар скользнул в туннель и сел в гараже. Венье увел его прочь, а Форсуассон собрал респираторы. Госпожа Форсуассон сияла, довольная прогулкой.

– Не забудь заправить свой респиратор, – чирикнула она мужу, протягивая ему свой.

Форсуассон потемнел.

– Не нуди, – прошипел он, стиснув зубы.

Она чуть вздрогнула, и лицо ее мгновенно стало замкнутым. Майлз отошел к колоннам, вежливо сделав вид, что не заметил этой небольшой стычки. Вряд ли его можно было считать специалистом в области семейных отношений, но в данном случае даже он понимал, что произошло. Проявленную ею, может, и не совсем ко времени любовь и заботу явно уставший и напряженный Форсуассон воспринял как сомнение в его компетентности. Госпожа Форсуассон заслуживала лучшего отношения, но Майлз ничем не мог помочь. У него-то отродясь не было жены, чтобы было с кем ссориться. Не то чтобы он недостаточно пытался жениться...

– Ну-с, – изрек Фортиц, тоже сделавший вид, что ничего не видел, – думаю, что все почувствуют себя гораздо лучше, закинув в желудок немного еды, а, Катриона? Позвольте мне пригласить вас всех. Нет ли еще какого-нибудь любимого вами славного местечка вроде того, где мы обедали?

Возникшая было неловкость растаяла в очередных дебатах а-ля Колония Бета на тему, куда пойти поужинать. На этот раз Никки с успехом переспорил взрослых. Майлзу есть не хотелось, и соблазн удрать домой к комму, забрав у Фортица сегодняшний урожай дисков, был велик, но, возможно, пропущенный стаканчик, а лучше три помогут ему пережить еще один семейный ужин с кланом Форсуассонов? В последний раз, пообещал себе Майлз.

Чуть более пьяный, чем хотелось бы, Майлз раздевался, чтобы провести еще одну ночь в гравикойке. Кучу дисков он бросил на стол дожидаться утра, кофе и просветления в мозгах. Последнее, что он сделал, это достал из кейса свой активатор, искусственно вызывающий приступ. Усевшись по-турецки на кровать, Майлз мрачно на него уставился.

Барраярские врачи не нашли способа вылечить посткриогенные приступы, которые и положили конец его военной карьере. Лучшее, что они смогли предложить, это внутричерепной чип-контроллер и активатор к нему, чтобы припадки были не так интенсивны и проходили не на глазах у изумленной публики в момент стрессов, а в интимной обстановке. И проверка своего собственного состояния стала для Майлза теперь таким же привычным ритуалом, как чистка зубов. Как и рекомендовали врачи. Он коснулся левого виска, где был вшит имплантат, и включил активатор. Единственное, что он ощутил, это мягкое теплое покалывание.

Опасный предел еще не достигнут. Еще несколько дней, и ему придется вставлять загубник и провоцировать приступ. Поскольку его оруженосец Пим, обычно исполнявший обязанности слуги, остался на Барраяре, придется ему подыскать другого помощника. Врачи настаивали, чтобы он никогда не делал эту пакостную вещь в одиночку. Майлз предпочел бы лежать беспомощным и в бессознательном состоянии – и быющим, как выброшенная на землю рыба (во всяком случае, он так предполагал, поскольку был единственным, у кого не имелось никаких шансов лицезреть свой собственный припадок) – в гордом одиночестве. Возможно, ему все-таки придется просить профессора.

Будь у тебя жена, она могла бы быть твоим помощником.

Да, вот уж ей было бы радости-то!

Скривившись, Майлз осторожно убрал прибор в кейс и заполз в койку. Может, во сне обломки корабля сами соберутся обратно, как на видео, и раскроют ему свои тайны. Лучше уж пусть снятся обломки, чем трупы.

Глава 5

Готовясь ко сну, Катриона исподволь следила за Тьеном. Напряжение, сквозившее в каждом его движении, подсказывало, что лучше ей побыстрее предложить ему заняться сексом. Его состояние пугало ее. Как всегда. Уже давно пора дать ему возможность спустить пар. Чем дольше она ждет, тем труднее будет потом. Он будет становиться все напряженнее, и закончится это вспышкой ярости.

В глубине души Катриона считала, что секс должен быть романтическим, полностью раскованным и дарующим партнерам взаимную радость. А не чем-то вроде терапии, как у нее. Тьен всегда требовал от нее должной реакции и прилагал к этому немало усилий. Не то что многие другие мужчины, о которых ей доводилось слышать. Те, что думают лишь о себе и, получив удовольствие, поворачиваются спиной и засыпают. Хотя иногда Катриона жалела, что Тьен не из таких. Он сердился – на себя? на нее? – если она не отвечала так, как ему хотелось. Неспособная лгать телом, она давно научилась отключаться и таким образом высвобождать какой-то там внутренний канал, который позволял плоти довольствоваться над разумом. Эротические фантазии, к которым она прибегала, чтобы добиться этого, становились все необузданнее и ярче. Что это, неизбежный побочный эффект глубинного постижения неприглядных сторон человеческих возможностей или врожденный дефект души?

Как же я это ненавижу!

Тьен повесил рубашку и криво улыбнулся жене. Но взгляд его оставался таким же напряженным.

– Мне бы хотелось, чтобы ты завтра оказала мне услугу.

Все, что угодно, чтобы отодвинуть неизбежное.

– Конечно. Какую именно?

– Возьми на себя обоих Аудиторов и поводи их где-нибудь подальше. Они меня достали. Эти их планетарные каникулы сильно мешают работе моего департамента. Мы убили целую неделю на то, чтобы подготовить для них сегодняшнее шоу. Может, они найдут какое-нибудь другое место, куда им еще сунуть нос, а потом уберутся наверх.

– Куда их вести и что показывать?

– Да все что угодно!

– Я уже показала дяде Фортицу окрестности.

– А университетский городок? Может, его это заинтересует. Твой дядя вообще интересуется многими вещами, а этому коротышке-фору, полагаю, совершенно все равно, куда идти. Лишь бы вина было в достатке.

– Понятия не имею, что может заинтересовать лорда Форкосигана.

– Так спроси! Предложи что-нибудь сама. Поведи его... Ну, не знаю... По магазинам, что ли.

– По магазинам? – усомнилась она.

– Или еще куда.

Все еще натянуто улыбаясь, он наклонился к ней, обнял и легонько коснулся губами. Она ответила на поцелуй, стараясь не показывать, что делает это по обязанности. Она чувствовала жар его тела, рук и чувствовала, насколько искусственна его нежность. Ах да, еще одна сегодняшняя обязанность – разрядка Тьена. Очень непростое дело. Она приступила к привычному ритуалу жестов, слов и всего прочего, что обычно предшествовало физической близости.

Уже в постели она закрыла глаза, пока он ласкал ее, частично для того, чтобы лучше чувствовать, частично – чтобы не видеть его взгляда, становившегося все более жарким и довольным. Кажется, на Земле есть какая-то птица, которая считает, что если она тебя не видит, то и

ты не видишь ее? И прячет голову в песок. Занятное зрелище. Интересно, и долго при таком подходе ей удастся сохранять голову на шее?

Она открыла глаза, когда Тьен, перегнувшись через нее, притушил лампу. Под его жадным взглядом она чувствовала себя не любимой и желанной, а уродливой и униженной. Как можно изнасиловать женщину одними лишь глазами? Как можно быть с кем-то в интимных отношениях и при этом каждый раз наедине с этим человеком чувствовать, что он унижает твое «Я», твое достоинство? Не смотри, Тьен. Полный абсурд. С ней действительно что-то не так.

Тьен наклонился ближе, и она покорно раздвинула губы, быстро подчинившись его требовательному поцелую. Она не всегда была такой разумной и осторожной. Тогда, в самом начале, все было не так. Или изменилась лишь она?

Теперь пришла ее очередь вернуть ласки. Это было довольно просто. Тьен зарылся лицом в подушку и некоторое время молчал, пока ее руки порхали по его телу, глядя мышцы и скрытно ища симптомы. Кажется, дрожь сейчас несколько утихла. Возможно, сегодня была ложная тревога и руки у него тряслись от голода и нервозности.

Катриона знала, когда с ней все это началось. Примерно за четыре или пять мест работы до нынешней. Когда Тьен вдруг решил по каким-то до сих пор ей непонятным причинам, что она ему изменяет. С кем именно, она тоже по сию пору так и не поняла, поскольку те два имени, которые он в конечном счете все же назвал, звучали полным бредом. Она и представления не имела, что в его голове бродят такие мысли, пока не заметила, что он следит за ней, оказываясь в необычных местах и во внеурочное время. Может, именно поэтому та служба так плохо кончилась? В конце концов она вытянула из него, в чем он ее обвиняет. И пришла в ужас. Ей было больно и немного страшно. Можно ли считать преследованием, если преследует тебя собственный муж? У нее не хватило мужества поинтересоваться, с кем можно проконсультроваться по этому поводу. Единственным источником безопасности была твердая уверенность, что она никогда не была наедине в неподобающем месте ни с одним посторонним мужчиной. Хоть в этом ей пригодились форское воспитание. И тогда Тьен обвинил ее в том, что она спит со своими подругами.

И вот тут в ней что-то сломалось, исчезло всякое желание что-либо ему доказывать. Как можно объяснить что бы то ни было человеку, который верит во что-то не потому, что это истина, а потому, что он сам идиот? Никакие доводы, возмущение и протест не имели смысла, потому что проблема была не в обвиняемом, а в обвинителе. И тогда она начала думать, что он живет в каком-то другом, параллельном мире, с иными физическими законами и иной историей. И с обитателями, очень отличающимися от тех, которых знала она под теми же именами. Вкрадчивыми допдельгангерами.

И все же этого обвинения хватило, чтобы лишить ее друзей, теплоты общения, сменившейся каким-то новым и нежеланным уровнем отгороженности. Дальше – больше. Тьен в очередной раз сменил работу, и время и расстояние вообще оборвало все ее связи. А после следующего переезда они перестала даже пытаться завести новых друзей.

Катриона до сих пор не знала, не воспринял ли он ее брезгливое нежелание защищаться за скрытое признание вины. После того скандала вопрос отпал сам собой. Тьен больше его не поднимал, а она не снисходила. Считает ли он ее невиновной, или полагает себя безгранично благородным за то, что простил ей несуществующие грехи?

Ну почему он такой невозможный?

Ей не хотелось слышать ответа, но он пришел все равно. *Потому что боится тебя потерять.* И в панике начал крушить все вокруг, уничтожив попутно ее любовь и тем самым воплотив в жизнь то, чего боялся? Похоже, так оно и есть. Хотя ты, вообще-то говоря, не можешь не признать, что его опасения небезосновательны. Любовь в ней давно уже умерла. В последнее время она сидит на голодной диете верности данным клятвам.

Я – фор. Я поклялась поддерживать его в болезни. Он болен. Я не нарушу данную клятву потому лишь, что возникли проблемы. Ведь именно в этом смысл клятв. Некоторые вещи, единожды нарушенные, не подлежат восстановлению. Данные клятвы, доверие...

Она не знала, в какой степени его иррациональное поведение связано с заболеванием. Возможно, когда он пройдет лечение, его эмоциональное состояние тоже улучшится. Или она сможет хотя бы определить, в какой степени это воздействие дистрофии Форзонна, а в какой... просто личные качества Тьена.

Они сменили позицию. Опытные руки мужа поглаживали ей спину, проверяя, насколько она расслаблена и готова к дальнейшему. И тут ей пришла в голову еще более тягостная мысль. Не может ли такого быть, что Тьен подсознательно или осознанно специально оттягивает лечение, потому что интуитивно понимает, что именно его болезнь и связанная с нею уязвимость – одна из немногих оставшихся нитей, все еще связывающих жену с ним? *Не по моей ли вине он откладывает лечение?* У нее зверски болела голова.

Тьен, все еще продолжавший поглаживать ей спину, что-то протестующе забормотал. Ей никак не удавалось расслабиться. Так не пойдет. Катриона решительно настроила свои мысли на эротическую фантазию, весьма не романтическую, но которая обычно хорошо срабатывала. Может, это что-то вроде скрытой формы фригидности, этот ее самогипноз, к помощи которого она все время прибегает, чтобы получить сексуальную разрядку, несмотря на столь близкое присутствие Тьена? В чем разница между тем, что человек просто не любит секс, и тем, что не любит того единственного человека, с которым когда-либо занимался сексом?

И все же ей страшно хотелось ощущать живое тело, теплое прикосновение мужских рук – то, чего не могли дать никакие самые эротические фантазии. И Тьен в этом плане был действительно очень хорош. Он ласкал ее очень долго, хотя иногда и тоскливо вздыхал, за что она никак не могла его винить. Его мягкие прикосновения, тепло и уют постели в конечном итоге привели к тому, что она расслабилась. Она могла бы наслаждаться этим часами – тут Катриона приоткрыла глаз и глянула на часы. Нет, жадничать, пожалуй, не стоит. Какая же все-таки у Тьена вывернутая психика: с одной стороны, требовать от нее сексуального шоу, а с другой – обвинять в неверности. Чего он хочет – чтобы она растаяла или задеревенела? *Что бы ты ни выбрала, выбор окажется неправильным.* Нет, так дело не пойдет. Она слишком долго пытается настроить себя на нужный лад. Пора возвращаться к работе. Она снова постаралась обратиться к своим сексуальным фантазиям. Может, у него и есть права на ее тело, но ее душа и мысли принадлежат только ей. Это – единственная ее часть, к которой у него нет доступа.

* * *

Все пошло по плану, и в конечном итоге поставленная задача была выполнена. Когда все закончилось, Тьен поцеловал ее.

– Ну вот, все пошло на лад, – пробормотал он. – В последнее время у нас ведь все стало налаживаться, да?

Она пробормотала обычные заверения – стандартный набор фраз. Хотя предпочла бы честное молчание. И притворилась, что заснула, пока не услышала храп. И тогда пошла в ванную, чтобы выплакаться.

Глупое, совершенно иррациональное хныканье. Она рыдала, заглушая плач полотенцем, чтобы не дай Бог ни муж, ни Никки, ни гости не услышали и не пришли выяснять, в чем дело.

Я его ненавижу. Ненавижу себя. Ненавижу его за то, что он вынуждает меня ненавидеть самое себя...

Но больше всего она презирала себя за неистребимое желание физической близости, каждый раз возрождавшееся в ее сердце, несмотря на все усилия выкорчевать его окончательно. И это желание, эту зависимость, эту жажду теплых прикосновений необходимо уничтожить во

что бы то ни стало. Потому что она предает ее хуже всего остального. Если она сможет убить в себе жажду любви, то тогда все прочие связывающие ее нити – долг, честь, а в первую очередь все страхи – можно будет тоже последовательно отбросить. *Если я смогу убить в себе все это, то освобожусь от него.*

Я превращусь в ходячего мертвеца, но стану свободна.

Отрыдавшись, она умылась и выпила три таблетки от головной боли. Теперь, пожалуй, она сможет заснуть. Но, вернувшись в спальню, она обнаружила, что Тьен не спит. Его глаза сверкали в темноте. Услышав ее приглушенные ковром шаги, он включил лампу. Катриона попыталась сообразить, является ли бессонница одним из ранних симптомов его заболевания. Он приподнял простыни, чтобы она могла лечь.

– Что это ты там делала так долго? Развлекалась без меня?

Она не знала, что это – шутка и ей надо посмеяться, или он ждет от нее возмущенного отрицания. Поэтому решила сменить тему:

– Ой, Тьен, я чуть не забыла! Сегодня днем звонили из банка. Говорили что-то о том, что требуется моя подпись и оттиск ладони для подтверждения закрытия твоего пенсионного вклада. Я им сказала, что, по-моему, это неправильно, но переговорю с тобой, а потом им перезвоню.

Потянувшийся было к ней Тьен замер.

– Они не имели права звонить тебе по этому поводу!

– Если ты хотел, чтобы я сделала то, о чем они говорили, то должен был предупредить меня заранее. Они сказали, что приостановят это дело до моего звонка.

– Приостановят?! Нет! Ты, глупая сучка! – сжал он кулаки.

От его брани ее затошнило. После всех приложенных нынче ночью усилий, чтобы его утихомирить, – такое! Все насмарку!

– Я что-то не так сделала? – обеспокоенно спросила она. – Тьен, в чем дело? Что происходит? – Катриона мысленно молилась, чтобы он не начал опять колотить кулаком в стенку. Если услышит дядя или Форкосиган, то как она объяснит...

– Нет... Нет. Извини. – Он потер лоб, и Катриона облегченно вздохнула. – Я забыл, что здесь действует комаррское законодательство. На Барраяре у меня не было проблем с закрытием пенсионного счета, если таковой имелся, когда я менял работу. А на Комарре они хотят получить подпись указанного наследника. Все в порядке. Завтра утром им срочно позвони и реши это дело.

– Ты ведь не собираешься увольняться, нет? – В ней начала подниматься волна паники. О Боже, только не очередной переезд... Не так скоро...

– Нет. Нет, черт побери! Расслабься. – Он криво улыбнулся.

– О! Хорошо. – Чуть поколебавшись, она спросила: – Тьен... У тебя есть какие-нибудь сбережения с предыдущих мест работы на Барраяре?

– Нет. Я всегда закрывал счета. Зачем позволять им крутить наши деньги, если мы и сами можем найти им применение? И эти средства нас не раз выручали, знаешь ли. – Он язвительно улыбнулся. – При сложившихся обстоятельствах ты должна признать, что идея откладывать деньги на мою старость не особенно рациональна. И ты ведь очень хотела тогда провести отпуск на Южном континенте, не так ли?

– По-моему, ты сказал, что мы едем на твое выходное пособие.

– Так и было. В некотором роде.

Значит... Если с Тьеном что-то случится, у них с Никки не останется ничего... Если он как можно быстрее не начнет лечиться, то это самое «что-то» случится очень скоро.

– Да, но... – И тут ее осенило. Неужели... – Ты это делаешь, потому... Мы уедем, чтобы ты начал лечение, да? Ты, Никки и я? Ой, Тьен, как здорово! Наконец-то! Ну конечно! Мне бы

следовало самой сообразить. – Так вот для чего ему понадобились деньги! Наконец-то! Она обняла мужа и прижалась к нему. Но хватит ли этих средств? Если там меньше, чем требуется... – А этих денег хватит?

– Я... Я не знаю. Как раз сейчас выясняю.

– Я немного скопила из средств на хозяйство, так что могу добавить, – предложила Катриона. – Это позволит нам отправиться раньше.

Он облизнул губы и некоторое время молчал.

– Не знаю... Мне не нравится идея позволить тебе...

– Так я именно для этого и копила. То есть, конечно, это не я их заработала, но я смогла сэкономить. Это может быть моим вкладом...

– И сколько у тебя?

– Около четырех тысяч имперских марок! – Она улыбнулась, гордая своим достижением.

– Ого! – Казалось, он мысленно что-то подсчитывает. – Да, это будет существенным подспорьем.

Он поцеловал ее в лоб, и Катриона расслабилась еще больше.

– Мне никогда не приходило в голову использовать твой пенсионный вклад на лечение. Даже не думала, что это можно сделать. Как скоро мы сможем уехать?

– А... Это мне тоже предстоит еще выяснить. Я все узнал бы еще на этой неделе, но мой департамент серьезно пострадал от нашествия Имперских Аудиторов.

Она улыбнулась шутке. В свое время он довольно часто заставлял ее смеяться. И если с годами стал более желчным, то его вполне можно понять. Но чернота его юмора стала не столько развлекать ее, сколько утомлять. Цинизм теперь производил на нее гораздо меньшее впечатление, чем в двадцать лет. Может, принятое решение принесло и ему облегчение тоже.

И ты действительно думаешь, что в этот раз он таки сделает то, о чем говорит? Или тебя одурачили. Снова. Нет. Если подозрительность – одно из самых тяжелых оскорблений, то вера всегда оправданна, даже если эта вера окажется обманутой. Удовлетворенная его обещанием, она уютно примостилась в его объятиях, и на сей раз кольцо его рук не показалось ей ловушкой. Может быть, им наконец удастся поставить свою жизнь на рациональную основу.

– По магазинам? – эхом повторил лорд Форкосиган, сидя за завтраком. Он встал самым последним. Дядя Фортиц уже сидел за коммом в кабинете Тьена, сам Тьен ушел на работу, а Никки убежал в школу. Губы Форкосигана оставались сжатыми, но в уголках глаз появились смешливые морщинки.

– Такого рода предложение довольно редко поступало сыну моей матери... Боюсь, мне не нужно... Нет, погодите, кое-что все же нужно. Свадебный подарок.

– А кто из ваших знакомых женится? – спросила Катриона, довольная тем, что ее предложение вроде бы прошло, поскольку другого у нее просто не было. Она приготовилась оказать всяческое содействие.

– Грегор и Лаиса.

Она не сразу сообразила, что он говорит об императоре и его комаррской невесте. Помолвка состоялась на Зимнепраздник, а свадьба была назначена на праздник Середины лета.

– О! Э-э... Я не уверена, что в куполе «Серифоза» вы сможете найти что-то достойное... Возможно, в Солстисе есть подходящие магазины... О Господи!

– Но мне необходимо что-то привезти, поскольку я буду шафером Грегора в свадебном круге. Может, мне удастся найти что-то, что будет напоминать Лаисе дом. Хотя, возможно, это и не самая блестящая идея, не знаю... Мне совершенно не улыбается спровоцировать у нее ностальгические чувства в медовый месяц. А вы что думаете?

– Полагаю, мы можем поискать... – Здесь имелись очень дорогие магазины, куда она даже не отваживалась заглянуть. Может, теперь у нее появился повод?

– А еще, чуть не забыл, Дув с Делией. Да, мои общественные обязанности в последнее время растут как на дрожжах.

– Кто?

– Делия Куделка – моя подруга детства. Она выходит замуж за коммодора Дува Галени, нового шефа Департамента по делам Комарры Имперской службы безопасности. Возможно, вы о нем еще не слышали, но услышите наверняка. Он уроженец Комарры.

– От родителей-барраярцев?

– Нет, от участников комаррского сопротивления. Мы соблазнили его служить империи. И мы с Дувом пришли к совместному выводу, что решающую роль в этом соблазнении сыграли блестящие сапоги.

Он произнес эту тираду с каменным выражением лица. Наверняка шутит. Или нет? Катриона нерешительно улыбнулась.

Тут на кухню пожаловал дядя Фортиц.

– Как там насчет кофейку?

– Конечно! – Катриона налила ему кофе. – Как дела?

– По-всякому. По-всякому. – Отхлебнув кофе, дядя благодарно улыбнулся племяннице.

– Я так понимаю, что утренний курьер уже был, – сказал Форкосиган. – Как прошел ночной улов? Есть что-нибудь для меня?

– К счастью, нет, если вы имеете в виду еще части тела. Они притащили кучу различного оборудования.

– Эти находки как-то влияют на ваш любимый сценарий происшедшего?

– Нет, но я продолжаю надеяться, что что-нибудь появится. Уж очень мне не нравятся результаты векторного анализа.

Взгляд Форкосигана стал заметно пристальнее.

– Вот как? И почему?

– М-м... Возьмем точку А как момент перед аварией – корабль, целый, конечно, и отражатель, спокойно сидящий на своей орбите. И возьмем точку В как момент после аварии, когда всякие обломки полетели во все стороны на разной скорости. По всем законам старой доброй классической физики, В должно равняться А плюс Х, где Х – какая-то сила – или масса, – добавленная в момент аварии. А нам известно, а чем больше В мы собрали, тем больше мы сужаем возможности Х. Нам по-прежнему недостает кое-каких частей системы управления, но аварийщики уже собрали большую часть изначальной массы системы корабль – отражатель. По предварительным подсчетам получается, что Х очень велик и имеет весьма странную форму.

– Это зависит от того, когда и как взорвались двигатели. Взрыв мог добавить чертовски большой импульс, – заметил Форкосиган.

– Удивляет не столько величина внешней силы, сколько ее направление. Фрагменты чего-либо, получившие ускорение в свободном падении, должны лететь по прямой, с учетом местной гравитации, конечно.

– А обломки рудовоза летели не так? – поднял брови Форкосиган. – Тогда что же, по вашему мнению, собой представляет этот Х?

Дядя Фортиц пожевал губу.

– Мне нужно еще над этим поразмыслить. Поиграть с цифрами и виртуальными вариантами. Кажется, мои мозги начинают стареть.

– А что... что это за форма такая этой силы, почему вы говорите, что она странная? – спросила Катриона, с большим интересом прислушиваясь к разговору.

Дядя Фортиц поставил чашку и сложил ладони ковшиком.

– Это... Как бы сказать... Обычная масса в космическом пространстве создает гравитационный колодец, или воронку, если угодно. А в данном случае это выглядит скорее как *желоб*.

– Идущий от рудовоза к отражателю? – Поинтересовалась Катриона, пытаясь себе это представить.

– Нет, – ответил дядя Фортиц. – Идущий от скачковой позиции ближайшего п-в-туннеля к отражателю. Или наоборот.

– И рудовоз в него... э-э-э... влетел? – уточнил Форкосиган. Он казался не менее озадаченным, чем Катриона.

Дядя Фортиц тоже выглядел не лучше.

– Мне бы не хотелось делать публичное заявление, это уж точно.

– Гравитационная сила? – спросил Форкосиган. – Или, возможно... Луч гравиколлапсера?

– Ну, выглядит это уж точно не как известные мне гравиколлапсеры. Нда-с... – Он взял свой кофе и собрался вернуться к своему комму.

– Мы как раз планировали, куда нам пойти, – сказала Катриона. – Вы не хотите еще что-нибудь посмотреть в Серифозе? Купить подарок тете?

– Я бы с удовольствием, но, полагаю, сегодня мой черед остаться дома и поработать, – ответил дядя. – А вы вдвоем идите и развлекайтесь. Хотя, если тебе попадется что-то, что, по-твоему, может понравиться твоей тете, я буду чрезвычайно признателен, если ты это купишь. Затраты я тебе компенсирую.

– Хорошо... – Идти только с Форкосиганом? Вдвоем? Катриона предполагала, что дядя пойдет с ними в роли дуэньи. Впрочем, если они будут ходить по общественным местам, то у Тьена не будет повода для подозрений. Хотя, как ни странно, Тьен, кажется, и не воспринимает Форкосигана как возможную угрозу. – Вам больше не нужно посещать департамент Тьена?

Ой, Боже, кажется, я не очень удачно сформулировала... Что, если он скажет, что нужно?

– Я еще не успел просмотреть первую партию их отчетов, – вздохнул дядя. – Может, возьмешь это на себя, Майлз?

– Ага, я ими займусь. – Его глаза блеснули при виде озабоченного выражения, появившегося на лице Катрионы. – Попозже. Когда вернемся.

Катриона повела лорда Форкосигана через парк перед домом к ближайшей стоянке транспортных капсул. Ноги у него, возможно, и были короткими, но шагал он быстро, и она обнаружила, что ей нет необходимости подстраиваться под него. Более того, ей приходилось ускорять шаг. Некоторая затрудненность в движениях, которую она за ним заметила, судя по всему, в течение дня то появлялась, то исчезала. Взгляд его тоже был быстр, он живо оглядывал окрестности. В одном месте даже остановился и вернулся назад, чтобы внимательней рассмотреть что-то, что его заинтересовало.

– Есть у вас на примете конкретное место, куда вы хотели бы пойти? – спросила Катриона.

– Я Серифозу практически не знаю. Так что отдаюсь на вашу милость, сударыня, как моего гида. Когда я в последний раз совершал грандиозные покупки, то это было военное оборудование.

– Да, это совсем другое дело! – рассмеялась она.

– Не настолько, как вы можете подумать. Ради продажи действительно высокотехнологичного оборудования поставщики готовы для встречи с вами пролететь полгалактики. Моя тетя Элис Форпатрил именно таким способом покупает одежду – вообще-то если подумать, то это тоже высокотехнологичное оборудование, в некотором роде. Модельеры присылают к ней своих подхалимов. На старости лет я начал любить подхалимов.

Его старость лет измеряется годами тридцатью, решила Катриона. Причем недавно разменянными – как и ее собственные и до сих пор непривычные.

– А графиня, ваша матушка, тоже так совершает покупки?

И как его мать справляется с тем фактом, что он мутант? Судя по всему, очень даже неплохо.

– Мама просто покупает то, что ей скажет тетя Элис. Мне всегда казалось, что она чувствовала бы себя гораздо уютней в своей старой форме Бетанского астроэкспедиционного корпуса.

Знаменитая графиня Форкосиган была галактической эмигранткой, причем весьма редкостным видом – бетанкой с Колонии Бета. Прогрессивной, высокотехнологичной, процветающей Колонии Бета. Или коррумпированной, опасной, зловещей Колонии Бета. В зависимости от ваших политических взглядов. Неудивительно, что лорд Форкосиган ведет себя как гражданин галактики. Он в буквальном смысле слова наполовину инопланетник.

– А вы были на Колонии Бета? Там действительно все такое рафинированное, как они говорят?

– Да. И нет.

Они подошли к стоянке, и Катриона повела гостя к четвертой по счету капсуле, отчасти потому, что она была пустая, отчасти – чтобы выкроить себе еще несколько секунд и определиться, куда ехать. Как только они уселись на переднее сиденье, лорд Форкосиган машинально нажал кнопку на панели, закрыв кабину. Либо он привык ездить в одиночестве, либо еще не сталкивался с кампанией «Дождись попутчиков», которая сейчас велась в куполе «Серифоза». Как бы то ни было, Катриона была рада, что на сей раз ей не придется ехать с чужаками.

Комарра на протяжении столетий была космическим перекрестком и несколько десятилетий – торговым центром Барраярской империи. Даже в таком относительном болоте, как Серифоза, имелось огромное количество магазинов, как минимум не уступавших магазинам Форбарр-Султана. Катриона потерела губу, затем решительно вставила кредитную карточку в панель и указала местом назначения район шлюзов космопорта. Через несколько секунд они влетели в туннель и начали ускорение. Скорость набиралась медленно. Не очень хороший признак.

– Кажется, я несколько раз видела вашу мать по головиду, – нарушила молчание Катриона. – Она сидела рядом с вашим отцом во время какой-то официальной церемонии. Довольно давно, в бытность его еще регентом. Это странно... Когда вы смотрите на родителей по видео, вы воспринимаете их по-другому?

– Нет, я по-другому воспринимаю видео.

Капсула летела по темному туннелю, освещенному мелькающими перед глазами фонарями, затем резко выскочила на свет, поднимаясь по дуге к следующему комплексу. По мере подъема скорость все замедлялась. Катриона видела, что летящие над ними машины тоже ползут с черепашьей скоростью, похожие на бусины на нитке.

– О Боже, этого я и боялась! Похоже, мы застряли.

– Авария? – вытянул шею Форкосиган.

– Нет, просто система перегружена. В определенное время суток на некоторых дорогах можно стоять минут по двадцать – сорок. У них сейчас идет местная дискуссия по поводу системы транспортных капсул. Одна группа желает сократить безопасное расстояние между машинами и увеличить скорость движения. Вторая желает построить больше дорог. Третья – чего-то там еще...

Его глаза весело блеснули.

– А, понимаю! И сколько лет уже длится эта дискуссия?

– Как минимум пять лет, насколько мне известно.

– Ну разве местная демократия не великолепна? – пробормотал он. – И подумать только, комаррцы считают, что мы оказываем им *любезность*, оставляя наземные проблемы под традиционным контролем их секторов!

– Надеюсь, вы не боитесь высоты, – неуверенно сказала Катриона, когда их машина практически совсем остановилась на самой высокой точке дуги. Несколько искаженные стеклом кабины и туннеля хаотически разбросанные строения Серифозы предстали перед их взором. Сидевшая через две машины впереди них пара воспользовалась случаем, чтобы слиться в затыжном поцелуе. Катриона всячески делала вид, что не замечает этого. – Или... Небольших замкнутых пространств.

– Нет, если в этом небольшом пространстве температура выше заморозки.

Намек на криозаморозку, через которую он прошел? Катриона не осмелилась спросить. Она попыталась вернуть разговор к его матери в надежде узнать, как та справлялась с его мутацией.

– Астроэкспедиционный корпус? Я полагала, что ваша мать служила в бетанских экспедиционных войсках во время эскобарской войны.

– До войны она одиннадцать лет прослужила в астроэкспедиционном корпусе.

– В администрации или... Она ведь не прыгала вслепую в новые п-в-туннели, правда? То есть я хочу сказать, что все космолетчики немного чудные, но первопроходцы считаются психами из психов.

– Так и есть. – Он глянул наружу, когда машина, чуть подпрыгнув, начала двигаться, спускаясь к следующему сектору города. – Я с некоторыми из них встречался. Должен признаться, что никогда не ставил на одну доску правительственные исследовательские службы и вольных стрелков. Независимые исследователи совершают слепые прыжки к возможной смерти в надежде разбогатеть. А астроэкспедиционный корпус... совершает прыжки к смерти за зарплату, премии и пенсию. Хм. – Он уселся поудобнее, на лице его вдруг появилось веселое выражение. – До войны она дослужилась до капитана корабля. Возможно, она была более подготовлена к Барраяру, чем я думал. Интересно, а не надоело ли и ей прошибать стены? Надо будет у нее спросить?

– Прошибать стены?

– Извините, это личная метафора. Когда вы рискуете слишком часто, то впадаете в странное состояние. От адреналиновой зависимости довольно трудно избавиться. Я всегда полагал, что мою... хм... былую любовь к такого рода эскападам я унаследовал от барраярских предков. Но близкое общение со смертью вынуждает тебя пересмотреть приоритеты. Так много рисковать, и так долго... В конечном итоге ты либо становишься абсолютно уверенным в том, кто ты есть и чего ты хочешь, либо ты становишься... ну, не знаю, бесчувственным, что ли.

– А ваша мать?

– Ну, уж она-то точно не бесчувственна.

Она осмелилась на более рискованный вопрос:

– А вы?

– Хм. – Он чуть улыбнулся. – Знаете, а ведь большинство людей, если им удастся зажать меня в угол, пытаются прокачать меня насчет отца.

– О! – Катриона вспыхнула от смущения и выпрямилась. – Простите. Я была непозволительно груба.

– Вовсе нет. – Он действительно не выглядел раздраженным, когда придвинулся к ней поближе. – Вовсе нет.

Несколько успокоившись, Катриона решила попробовать развить тему дальше. В конце концов, когда еще ей представится такая возможность?

– Возможно... то, что произошло с вами, было для нее тоже своего рода стеной.

– Да, полагаю, вы способны посмотреть на это с ее позиции.

– А что... что на самом деле произошло...

– Со мной? – закончил он за нее фразу. Но вовсе не напрягся, как это произошло тогда за столом, а задумчиво посмотрел на нее с такой серьезностью, что она едва не всполошилась. – А что вам известно?

– Не очень многое. Я слышала, что сын лорда-регента родился калекой во время дворцового переворота Фордариана. Лорд-регент славился тем, что его личная жизнь всегда была очень скрыта. – Вообще-то Катриона слышала, что наследник регента – мутант и его прячут подальше от глаз.

– И все? – Он казался едва ли не оскорбленным. Чем? Что он не настолько знаменит? Или одиозен?

– Я не входила в высшие слои общества, – поспешила объяснить она. – Мой отец – мелкий провинциальный бюрократ. Боюсь, что в большинстве провинциальных форов больше провинциального, чем форского.

Его улыбка стала шире.

– Верно! Вам бы следовало познакомиться с моим дедом... А может, и нет... Ну... Хм. Вообще-то особо рассказывать нечего. Убийца, покушавшийся на моего отца, умудрился отравить обоих моих родителей ядовитым газом, называемым солтоксин.

– Во время переворота?

– Буквально перед ним. Моя мать была на пятом месяце беременности. И надышалась этой пакостью. И вот результат. – Он провел рукой вдоль своего тела, дернув при этом головой в нервном тике, причем оба жеста одновременно выглядели как вызов. – На самом деле повреждения носят тератогенный характер, а не генетический. – Он искоса бросил на нее странный взгляд. – В свое время для меня было очень важно, чтобы окружающие это знали.

– Было? А сейчас уже нет? – Однако *ей* он рассказал об этом довольно быстро. Но правда ли, что у него поражено лишь тело, а не хромосомы?

– Сейчас... Сейчас я полагаю, что, возможно, оно и к лучшему, если меня считают мутантом. Если я смогу сделать так, чтобы это действительно не имело значения для окружающих, возможно, для других мутантов все будет гораздо проще. В некотором роде дополнительная услуга, не требующая от меня никаких особых усилий.

Но было совершенно очевидно, что ему это все же чего-то стоило. Катриона подумала о Никки, который вскоре должен был вступить в подростковый возраст, а этот период никогда не был простым даже для нормальных детей.

– Как вы себя тогда ощущали? Когда росли?

– Ну, безусловно, я был в некотором роде защищен высоким постом и титулом моего отца.

Она обратила внимание на это «в некотором роде». «В некотором роде» – далеко не то же, что «полностью».

– Я сдвинул несколько гор, чтобы попасть на Имперскую военную службу. После нескольких... хм... фальстартов я в конце концов нашел подходящее для себя место в службе безопасности, среди оперативников. Работал с нерегулярными частями. СБ больше заинтересована в результатах, чем во внешней оболочке, а я обнаружил, что могу давать очень неплохие результаты. Не считая того – небольшой просчет с моей стороны, – что все мои достижения, на которые я так рассчитывал, погребены в недрах Имперской безопасности, будучи классифицированы как секретные. Так что я закончил свою тринадцатилетнюю карьеру уволенным по состоянию здоровья практически никому не известным капитаном, – вздохнул он.

– Имперские Аудиторы не бывают неизвестными!

– Нет, лишь скрытными. – Он просветлел. – Так что еще есть надежда!

Почему он вызывает у нее желание рассмеяться? Катриона с трудом подавила смех.

– Вы желаете прославиться?

Его глаза на мгновение сузились.

– В свое время я бы не отказался. А теперь полагаю... Я просто хотел быть кем-то значительным сам по себе. Не обманывайтесь, мне нравится быть сыном своего отца. Он великий человек. Во всех смыслах. И знать его – большая честь. И тем не менее есть у меня тайная мечта, чтобы когда-нибудь, где-нибудь в исторических трудах Эйрела Форкосигана представляли значительной фигурой в основном потому, что он был отцом Майлза Нейсмита-Форкосигана.

И тут она расхохоталась, хотя и мгновенно приглушила смех, зажав рот рукой. Но лорд Форкосиган не обиделся, лишь сверкнул глазами.

– Это действительно очень забавно, – уныло пробурчал он.

– Нет... нет, не в этом дело, – поторопилась заверить она. – Просто звучит несколько... ну, высокомерно, что ли.

– О, это и есть высокомерие из высокомерия. – Вот только он вовсе не казался смущенным перспективой, а скорее просчитывающим варианты.

Лорд Форкосиган задумчиво поглядел на нее, затем прокашлялся и начал:

– Когда я вчера утром работал на вашем комме... – И остановился, когда машина начала тормозить. – Черт... – пробормотал он, потирая шею.

– Что-нибудь не так? – озабоченно спросила Катриона.

– Нет-нет! – Он нажал на кнопку панели, открывая кабину. – Итак, давайте посмотрим, чем радует район доков и шлюзов.

Лорд Форкосиган, казалось, наслаждался прогулкой по организованному хаосу района шлюзов космопорта, хотя маршрут выбрал, надо сказать, весьма необычный. Он пробирался зигзагами в те места, которые Катриона считала изнанкой района, туда, где люди и машины грузили и разгружали грузы и где находились бары и гостиницы для небогатых космолетчиков. В этом районе было полно странной публички, всех цветов и размеров, в необычной одежде. До ее ушей доносилась многоязычная речь. Взгляды, которыми они одаривали обоих барраярцев, были Форкосиганом замечены, но полностью проигнорированы. Катриона решила, что он не реагирует потому, что инопланетники смотрят так не только на него, а на всех.

А еще она обнаружила, что его притягивают самые мерзкие магазины из представленных здесь. Он действительно в течение нескольких минут серьезно размышлял, не приобрести ли якобы настоящую лампу XX века, сделанную на Архипелаге Джексона и состоящую из двух колб с цветной жидкостью, переливающейся вверх и вниз.

– Это выглядит как плавающие в плазме кровяные тельца, – заявил он, зачарованно глядя на светящиеся колбы.

– Но как *свадебный* подарок?! – выдохнула Катриона, позабавленная и несколько ошарашенная. – Что подумают люди, глядя на это?

– Грегор посмеется, – ухмыльнулся он. – Такого рода подарки ему редко доводится получать. Но вы правы, подходящий свадебный подарок должен быть... хм... подходящим. Не личным, а с общественным и политическим смыслом. – С сожалением вздохнув, он поставил лампу обратно на полку. Но через некоторое время передумал и взял ее опять, купил и отослал. – На свадьбу я ему куплю что-нибудь еще, а это ему на День рождения.

После этого он позволил Катрионе отвести себя в более приличный квартал, где продавались ювелирные изделия, произведения искусства и антиквариат, а также творения местных модельеров, которые вполне могли засылать своих подхалимов к его тете. Форкосиган, судя по всему, нашел все это гораздо менее забавным, чем галактическую свалку. Он помрачнел и ходил довольно унылый, пока не углядел что-то необычное в ювелирном киоске.

Крошечные модели планет, размером с кончик ее большого пальца, вращались в гравитационной камере на черном фоне. Маленькие шарики демонстрировались под разным увеличением и представляли собой точную копию тех миров, которые изображали. На них виднелись

не только горы и океаны, но и города, дороги и плотины, причем с полным соблюдением цветовой гаммы. Более того, терминатор двигался по миниатюрным ландшафтам в точном соответствии с суточным циклом данной планеты. Находящиеся на ночной стороне города зажигали огни, как живые драгоценности. Их можно было носить парно, как серьги, или как подвеску или браслет. В продаже имелись почти все планеты, включая Колонию Бета и Землю, вокруг которой вращалась ее знаменитая Луна, хотя как эту пару можно носить, было не совсем понятно. Цены, на которые Форкосиган даже не глянул, были кошмарными.

– Очень даже неплохо, – одобрительно бормотал он, зачарованно глядя на крошечный Барраяр. – Интересно, как они это делают?

– Они больше похожи на игрушки, чем на драгоценности, но, должна признать, они потрясающие.

– О да, типичная инженерная игрушка – почти нигде нет в этом году, повсюду на следующий год, затем вообще исчезает, пока не всплывет у антикваров. И все же... Было бы забавно составить имперский набор – Барраяр, Комарра и Зергияр. Впрочем, мне что-то не попадались женщины с тремя ушами... Возможно, серьги и кулон, хотя немедленно возникает социально-политическая проблема, в каком порядке распределять миры...

– Можно повесить все три на шею.

– Верно. Или... Думаю, маме определенно понравится Зергияр. Или Колония Бета. Хотя нет, это может вызвать у нее ностальгические воспоминания. Да, Зергияр будет очень кстати. К тому же вскоре Зимнепраздник и куча Дней рождения... Так, прикинем: мать, Лаиса, Делия, тетя Элис, сестрицы Делии, Дру... Пожалуй, мне придется заказать дюжину комплектов и еще пару на всякий случай.

– Э-э... – Список произвел на Катриону большое впечатление. – А эти дамы знакомы друг с другом?

Это все его любовницы? Наверняка он не стал бы перечислять их в одном ряду с матерью и тетей. Или он их поклонник? Но... поклонник их всех?

– О, конечно!

– Вы действительно уверены, что стоит дарить всем одинаковые подарки?

– Нет? – с сомнением в голосе спросил он. – Но... ведь они все знают меня...

В конечном итоге он обуздал свои аппетиты и ограничился покупкой двух комплектов сережек, в каждый из которых входили Барраяр и Комарра, для обеих невест. И Зергияр на цепочке для матери. В последний момент он купил еще один Барраяр, но не сказал, для кого. Крошечные планетки завернули в подарочную упаковку.

Чувствуя себя несколько обалдевшей от комаррского базара, Катриона повела его любоваться одним из ее самых любимых парков. Он располагался в конце района и обрамлял очень красивое озеро. Когда они обходили озеро по пешеходным дорожкам, Катриона мысленно запланировала зайти выпить кофе с пирожными.

Они остановились у перил на краю невысокого крутого берега, откуда виднелись самые высокие башни Серифозы. Поврежденный отражатель светил сквозь прозрачный купол парка, и освещенные им воды озера красиво искрились. Издалека доносились веселые голоса людей, играющих на искусственно-натуральном пляже.

– Здесь очень красиво, – сказала Катриона. – Его содержание стоит огромных денег. Городское озеленение здесь – основной вид деятельности. Все здесь создано человеческими руками – леса, камни, трава, – все.

– Мир в коробочке, – пробормотал Форкосиган, глядя на блестящую поверхность. – Требуется сборки.

– Некоторые жители Серифозы считают, что их парковая система – прообраз будущего, своего рода банк, – продолжила Катриона. – Но другие, я подозреваю, не знают разницы между их крошечными парками и настоящими лесами. Я иногда думаю, что к тому времени, когда

атмосфера на планете станет пригодной для дыхания, прапраправнуки современных комаррцев будут уже настолько подвержены агорафобии, что не осмелятся покинуть купола.

– Многие бетанцы уже этим страдают. Когда я там был в последний раз... – То, что он хотел сказать, осталось тайной, поскольку раздался внезапный глухой взрыв. Катриона не сразу сообразила, что это груз сорвался с крана, работающего на какой-то стройке за деревьями буквально у них за спиной. Форкосиган мгновенно развернулся с ловкостью кошки, отбросил в сторону пакет с подарками, который держал в правой руке, левой рванул Катриону себе за спину, а освободившейся правой выхватил из кармана парализатор, о наличии которого Катриона и не подозревала. И все это он проделал за считанные доли секунды, прежде чем тоже определил, что это за звук.

– Виноват, – извинился он, увидев широко раскрытые глаза женщины. – Немного перестарался.

Оба внимательно оглядели купол над головой. Тот был в целости и сохранности.

– Ну, в любом случае парализаторы бесполезны против того, что издает звук наподобие этого. – Он засунул оружие в карман.

– Вы уронили ваши планеты, – заметила Катриона, оглядываясь в поисках пакета.

Форкосиган перегнулся через перила.

– Вот черт!

Она проследила за его взглядом. Пакет перелетел за ограждение и теперь болтался примерно в метре под ними на ветке какого-то растения, нависшего над водой.

– Думаю, что смогу его достать... – Он перелез через ограждение, на котором виднелась предупреждающая надпись «Осторожно! Не сходите с дорожки!», и лег на землю прежде, чем она успела произнести «Но ваш прекрасный костюм...». Катриона сильно подозревала, что Форкосиган не из тех, кто привык сам себя обстирывать. Он потянулся к пакету, и перед ней на мгновение предстало жуткое видение летящего головой в пруд Имперского Аудитора, находящегося под ее попечением. Не обвинят ли ее в государственной измене? Берег был высотой метра четыре. Какая же здесь может быть глубина?

– Давайте я, у меня руки длиннее, – предложила она, пролезая за ним.

На мгновения отвлекшись, он сел.

– Мы можем найти палку. Или еще лучше – подхалима с палкой. – Он злорадно посмотрел на прикрепленный к запястью комм.

– Думаю, что вызывать в данном случае службу безопасности – это немножко перебор, – мягко заметила Катриона. Она легла и потянулась вниз. – Все в порядке, думаю, что смогу...

Ее пальцы тоже не дотягивались до пакета, но лишь чуть-чуть. Она продвинулась немного вперед, чувствуя, что ненадежная почва под ней проваливается. Катриона подалась назад...

Кусок берега под ней просел, и она заскользила вперед. Катриона взвизгнула и попыталась отскочить, но лишь еще больше ускорила процесс падения. И тут ее руку как тисками зажали чьи-то пальцы, но тело продолжало скользить, и в считанные секунды она оказалась висящей над водой, беспомощно болтая ногами. Ее вторую руку тоже поймали, и Катриона увидела над собой лицо Форкосигана. Он лежал на краю, крепко держа ее запястья. Майлз напряженно стиснул зубы, серые глаза горели огнем.

– Отпустите, идиот! – закричала Катриона.

Его лицо стало вдруг совершенно диким.

– Ни за что! – выдохнул он. – Ни за что снова...

Его ноги цеплялись за... воздух, сообразила она, когда он начал скользить за ней следом. Но мертвая хватка не ослабевала. В его глазах вдруг мелькнул ужас. А в следующую секунду законы физики победили героизм, и оба баррарейца практически одновременно свалились в довольно прохладную воду, взметнув кучу брызг и грязи.

Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, глубина здесь не превышала метра. Дно было мягким и илистым. Катриона вскочила на ноги. Одна туфелька куда-то исчезла. Катриона отбросила с лица волосы, озираясь в поисках Форкосигана. Лорда Форкосигана. Вода ей доходила до груди, значит, ему точно не выше головы, и ноги в сапогах тоже нигде не торчали. Плавать-то он хоть умеет?

Он вынырнул рядом с ней, отплевываясь и протирая глаза. С уха свисала водоросль. Отбросив водоросль, он увидел Катриону, потянулся к ней и замер.

– Ой! – пискнула Катриона. – Кошмар...

Повисла пауза, затем Форкосиган заговорил.

– Госпожа Форсуассон, – мягко протянул он, – вам никогда не приходило в голову, что вы чуточку слишком чопорны?

Она ничего не могла с собой поделать и расхохоталась. Но тут же зажала рот ладонью, с испугом ожидая всплеска мужской ярости.

И не дождалась. Он лишь ухмыльнулся. Оглядевшись по сторонам, он увидел пакет, теперь издевательски висевший у них над головой.

– Ха! Наконец-то сила тяжести работает на нас! – Форкосиган добрал до остатков куста, нырнул и вытащил пару камней. Сбив камнем пакет с ветки, он одной рукой поймал его прежде, чем тот коснулся воды. Снова ухмыльнувшись, он подобрел к Катрионе и предложил ей руку таким светским жестом, будто они собирались на официальный прием.

– Сударыня, не соблаговолите ли вы побрести со мной?

Устоять перед его юмором было невозможно. Она обнаружила, что кладет руку на его рукав.

– Почту за честь, милорд.

Она перестала нашаривать ногой исчезнувшую туфельку. Они побрели к ближайшему берегу с таким достоинством, какое Катрионе редко доводилось видеть. Взяв пакет в зубы, он полез впереди нее, ухватился за тонкое деревце и протащил ее по грязи с видом оруженосца, помогающего госпоже выйти из машины. К великому облегчению Катрионы, их маленькое шоу прошло незамеченным. Интересно, высокий статус лорда Форкосигана как Имперского Аудитора спас бы их от ареста за купание в запрещенном месте?

– Вы не огорчены этим несчастьем? – застенчиво спросила она, все еще не способная до конца поверить, что ей повезло и он не сердится. Пробегавший мимо спортсмен уставился на них и замер. Форкосиган жестом велел ему убираться.

– Поверьте мне, госпожа Форсуассон. – Он сунул пакет под мышку. – Иглограната – это несчастье. А то, что сейчас произошло, – лишь забавное недоразумение. – Но тут улыбка пропала, лицо напряглось, а дыхание стало прерывистым. Он быстро заговорил: – Должен предупредить вас, что у меня в последнее время иногда бывают припадки. Я отключаюсь и бьюсь в конвульсиях. Припадок длится примерно пять минут, затем все проходит, я прихожу в себя и никаких проблем. Если такое произойдет, не пугайтесь.

– У вас сейчас будет припадок? – запаниковала она.

– Я себя чувствую несколько странно, – признался он.

Неподалеку на дорожке стояла лавочка.

– Вот, присядьте. – Она подвела его к скамейке.

Форкосиган рухнул на лавку и уронил голову на руки. Его начало трясти от холода в мокрой одежде, как и ее, но бьющая его дрожь была настолько сильной, что сотрясала все его маленькое тело. Уж не начинается ли припадок? Катриона с ужасом уставилась на него.

Через пару минут его дыхание восстановилось. Он крепко потер лицо и поднял глаза. Он был очень бледен, до зелени. Его улыбка была настолько натянутой, что Катриона предпочла бы видеть его хмурым.

– Прошу прощения. Со мной такого не случалось довольно давно. Во всяком случае, когда я бодрствую. Извините.

– Это припадок?

– Нет-нет! Ложная тревога. Запоздалая реакция на давний бой. Я вдруг пережил его снова. Извините... Обычно я... Я никогда... Обычно со мной такого не бывает, правда. – Он говорил прерывисто и неуверенно, в совершенно непривычной для него манере, и ему не удалось успокоить Катриону.

– Мне сходить за помощью? – Она не сомневалась, что его нужно отвести куда-нибудь, где он сможет согреться, причем чем скорее, тем лучше.

– Ха! Нет. Слишком поздно, и намного. Нет, правда, со мной все будет в порядке через пару минут. – Он искоса глянул на нее. – Просто сделанное мной благодаря вам открытие меня сильно поразило.

Катриона судорожно сжала руки.

– Либо прекратите нести чушь, либо замолчите вовсе! – резко заявила она.

Он решительно поднял голову, и его улыбка стала чуть более живой.

– Да, вы заслуживаете объяснения. Если хотите. Но должен предупредить, рассказ будет несколько страшноватый.

Катриона к этому времени уже настолько устала, что с удовольствием вырвала бы объяснения из его глотки. Выход обуревавшим ее чувствам она нашла в издевательской светскости, которая помогла им с таким достоинством вылезти из пруда.

– Будьте так любезны, милорд!

– А, ну вот... Дело было на Дагуле. Не знаю, слышали ли вы...

– Кое-что.

– Это была эвакуация под огнем. Такая каша! Перегруженные катера взлетали один за другим. Подробности сейчас не важны, кроме одной. Там была одна женщина, сержант Беатрис. Гораздо выше ростом, чем вы. На нашем катере возникли проблемы с трапом. Его заклинило. И мы не могли выйти из атмосферы, пока не избавимся от него. К этому моменту мы уже взлетели не знаю на какую высоту. Но уже вошли в облака. Нам удалось сбросить трап, но она полетела вниз следом за ним. Я кинулся к ней, чтобы удержать, даже коснулся ее руки, но промахнулся.

– Она... погибла?

– О да. – Он как-то странно улыбнулся. – К этому времени мы уже поднялись на большую высоту. Но, видите ли... Есть кое-что, чего я не понимал все эти годы, до нашего с вами падения в пруд. Шесть лет я прокручивал в голове те события. Нет, не постоянно, поймите, а лишь тогда, когда по какой-то причине вспоминал. Если бы я был тогда чуть проворней, держал крепче, не выпустил бы ее, то смог бы втащить ее обратно. Я не переставал себя корить. И все эти годы я так и не представлял себе, что бы действительно произошло, держи я ее крепче. Она весила почти вдвое больше, чем я.

– Она потянула бы вас за собой, – тут же ответила Катриона.

Несмотря на простоту его слов, она немедленно и очень ярко представила себе, как бы все происходило. Катриона потеряла красные пятна на запястьях. *Потому что ты ни за что ее бы не выпустил.*

Тут Форкосиган впервые увидел следы на ее руках.

– Ой, прошу прощения!

– Все в порядке. – Она, застеснявшись, перестала массировать запястья.

Тогда он взял ее руки и нежно потер синяки, будто хотел их стереть.

– Кажется, я как-то неправильно оцениваю свое тело, – сказал он.

– Вы мысленно считаете, что вы шести футов ростом?

– Судя по всему, мое подсознание именно так и полагает.

– Осознание истины... улучшило дело?

– Нет, не думаю. Просто все стало восприниматься... по-другому. Непривычно.

Руки у них обоих были ледяными. Катриона встала, сделав вид, что не заметила его попытки ее удержать.

– Нам нужно обсохнуть и согреться, не то мы оба... окажемся в том еще состоянии.

Поймаешь смерть, как говорила обычно в таких случаях ее двоюродная бабушка. Довольно неудачная сейчас цитата. Она выбросила оставшуюся туфлю в ближайшую урну.

По дороге к стоянке Катриона осмелилась заскочить в ближайший магазинчик и купила пачку цветных полотенец. Когда они сели в машину, Катриона включила обогрев на максимальную мощность.

– Вот, – протянула она полотенца лорду Форкосигану, едва машина тронулась. – Снимите хотя бы мокрый китель и обсушитесь немного.

– Логично. – Китель, шелковая рубашка и термическая футболка шлепнулись на пол, и он начал энергично растирать голову и торс. Его кожа приобрела красноватый оттенок и покрылась пятнами. Розовые и белесые шрамы отчетливо выделялись на более темном фоне. Шрамы, шрамы, шрамы, множество шрамов. Большей частью тонкие хирургические швы, налагающиеся друг на друга, ставшие с годами бледнее и тоньше. Шрамы на плечах, предплечьях и пальцах, на шее и уходящие под волосы, опоясывающие грудную клетку и идущие вдоль позвоночника. А на груди – более свежие, розовые, кривые и уродливые, похожие на переплетенные щупальца.

Катриона смотрела с немим изумлением. Он перехватил ее взгляд.

– Насчет иглогранаты вы ведь не шутили, да? – косвенно извинилась она за любопытство. Форкосиган коснулся ладонью груди.

– Нет. Но по большей части это все старые хирургические швы, которые я приобрел благодаря пораженному солтоксином хрупким костям. Постепенно мне почти все кости заменили искусственными. По частям, так сказать, но я полагаю, что с медицинской точки зрения было бы не очень практично просто вытряхнуть из меня старый скелет, стряхнуть меня с него, как мешок, и натянуть на новый костяк.

– О Боже!

– Достаточно иронично, но все это шоу отражает успешную починку. Рану, вышибившую меня со службы в СБ, увидеть нельзя. – Он коснулся лба и завернулся в пару полотенец, как в тогу. Полотенца оказались с огромными желтыми маргаритками. Он уже не так дрожал, и кожа постепенно приобретала нормальный цвет. – Я не хотел вас тогда напугать.

Катриона немного поразмышляла, затем сказала:

– Вам следовало бы сказать мне об этом раньше.

Ну да. Что, если бы с ним внезапно приключился припадок сегодня утром? Что бы она тогда стала делать? Она хмуро посмотрела на него.

Форкосиган неловко заерзал.

– Вы совершенно правы. Хм. Совершенно правы. Нечестно утаивать некоторые секреты от... членов своей команды. – Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на нее и напряженно улыбнулся. – Тогда, утром, я начал вам рассказывать, но в последний момент струсил. Когда я работал на вашем комме вчера утром, я случайно наткнулся на ваш файл о дистрофии Форзонна.

У Катрионы перехватило дыхание.

– Разве я... Как вы могли случайно... – Может, она каким-то образом оставила файл незакрытым? Быть не может!

– Я могу вам показать как, – предложил он. – Начальная подготовка сотрудников СБ действительно начальная. Думаю, что смогу вас обучить этому фокусу минут за десять.

Слова вылетели прежде, чем она успела подумать.

– Вы специально его открыли!

– Ну да. – Улыбка его стала виноватой. – Меня одолело любопытство. Я как раз решил передохнуть от просмотра результатов аутопсии. Кстати, ваши... хм... сады просто великолепны.

Она пораженно глядела на него. В груди клокотал ураган страстей – унижение, ярость, страх... и облегчение? *Ты не имел права!*

– Да, я не имел права, – согласился он, что-то прочитав в ее взгляде. Катриона попыталась обуздать себя и надеть беспристрастную маску. – И приношу свои извинения. В свое оправдание могу лишь сказать, что на службе в Имперской безопасности приобретаешь ряд скверных привычек. – Он глубоко вздохнул. – Что я могу для вас сделать, госпожа Форсуассон? Все, что вам понадобится... Я к вашим услугам.

Маленький человечек отвесил ей полупоклон – совершенно неуместный архаичный жест. Завернутый в полотенца, он походил на старого мудрого графа Периода Изоляции в официальной мантии.

– Вы ничего не можете для меня сделать, – холодно ответила Катриона. Осознав, что сидит скрючившись, крепко сжав руки, она с усилием выпрямилась. О Господи, как отреагирует Тьен на то, что она выдала, хоть и непроизвольно, его смертельную – ну, во всяком случае, он ведет себя так, будто она смертельная, – тайну? Теперь, когда практически впервые за все время он почти преодолел себя и наконец предпринял активные шаги для лечения?

– Прошу прощения, госпожа Форсуассон, но, боюсь, я по-прежнему не очень четко понимаю ситуацию. Совершенно очевидно, что вы держите это в строжайшей тайне, если даже ваш дядя не знает, и я готов поспорить, что он не...

– Не говорите ему!

– Конечно, без вашего позволения я этого не сделаю, госпожа Форсуассон, заверяю вас. Но... если вы больны или ожидаете, что заболите, то для вас очень многое можно сделать. – Он колебался. – Содержание файла показало, что вы уже об этом знаете. Кто-нибудь вам помогает?

Помощь. При одной только мысли об этом ей показалось, что она тает, но Катриона стойко отринула соблазн.

– Я не больна. И нам не требуется никакая помощь. – Гордо вскинув голову, она добавила ледяным тоном: – Очень нехорошо с вашей стороны читать мои личные файлы, лорд Форкосиган.

– Да, – просто ответил он. – Ошибка, которую мне не искупить, поскольку я не могу скрыть от вас обман и не преуспел в предложении вам помощи – любой, которую только способен оказать.

А какую помощь и в каких размерах может оказать Имперский Аудитор Форкосиган... Лучше об этом не думать. Слишком больно. Она запоздало сообразила, что, объявив себя здоровой, фактически сказала, что болен Тьен. Разброду в ее мыслях положило конец торможение машины. Они приехали.

– Все это вас совершенно не касается.

– Тогда умоляю вас, подумайте о том, чтобы обратиться к вашему дяде. Я абсолютно уверен, он сделает все возможное.

Покачивая головой, она резко нажала на клавишу, открывая колпак кабины.

Домой они возвращались в напряженном молчании, резко контрастирующим, как остро ощутила Катриона, с их прежней легкостью в общении. Форкосиган тоже не казался счастливым.

Дядя Фортиц встретил их в дверях квартиры, все еще в рубашке с закатанными рукавами и диском в руке.

– А! Форкосиган! Вернулся раньше, чем я думал. Отлично! Я собирался уже связаться с тобой по комму. – Он на секунду замолчал, оглядев их странные мокрые одеяния, затем пожал плечами и продолжил: – Нас навестил второй курьер. И принес кое-что для тебя.

– Второй курьер? Должно быть, что-то горяченькое. Прорыв? – Форкосиган вытащил руку из-под наброшенного на плечи полотенца и взял диск.

– Пока не уверен. Они нашли еще одно тело.

– Но число погибших было известно точно, и все тела уже найдены. Наверняка речь идет о какой-то части тела. Руке пилота, возможно?

Дядя Фортиц покачал головой.

– Тело. Практически целое. Мужчина. Они сейчас проводят идентификацию. А число погибших действительно было точно известно. – Фортиц скривился. – Теперь, похоже, мы имеем запасного.

Глава 6

Майлз долго отмокал под горячим душем, пытаясь привести себя в порядок. Тогда, во время их прогулки, он довольно быстро сообразил, что все вопросы госпожи Форсуассон о его матери скрывали ее глубокую озабоченность по поводу собственного сына, поэтому Майлз отвечал ей настолько искренне, насколько мог. И был вознагражден, видя, как она постепенно оттаивает и приоткрывается. Когда она смеялась, ее голубые глаза сияли и лицо светилось. Она постепенно расслабилась. Ее чувство юмора, медленно вылезавшее из укрытия, пережило даже их дурацкое падение в пруд.

Мгновенный ошарашенный взгляд, когда он разделся по пояс в машине, чуть было не вернул Майлза в то время, когда он так переживал из-за своего искореженного тела, но все обошлось. Похоже, он наконец достаточно повзрослел, чтобы принимать себя таким, какой он есть, и именно это придало ему мужества объясниться с ней. Поэтому, когда после его признания в проявленном любопытстве ее лицо мгновенно помрачнело... Майлзу стало больно.

Он ведь справился с паршивой ситуацией настолько хорошо, насколько это вообще возможно, так? Да? Или нет? Как он жалел, что не удержал рот на замке! Нет. Лгать госпоже Форсуассон было невыносимо. *Невыносимо? Не слишком ли сильно сказано?* Неловко, быстро поправил себя Майлз. Короче, паршиво.

Но раскаяние заслуживает прощения. Если бы чертова машина снова где-нибудь зависла, если бы у него было еще хотя бы минут десять, он смог бы довести дело до конца. И не стоило ему отпускать эту дурацкую шуточку насчет того, что он ей покажет, как...

Ее ледяное «Нам не требуется никакая помощь» вызвало у него такое ощущение... будто он не удержал хватку. Его бы пронесло дальше, а она бы упала вниз и исчезла в тумане, и он бы ее больше не увидел.

Ты слишком все драматизируешь, мальчик. Госпожа Форсуассон ведь не на поле боя, кажется.

Нет, как раз именно там. И с изящной медлительностью скользит к смерти.

Майлзу отчаянно хотелось выпить. Желательно рюмок несколько. Но вместо этого он вытерся, надел чистый костюм и пошел к профессору.

Облокотившись на комм-пульт в гостиной – по совместительству домашнем кабинете Тьена Форсуассона, – Майлз изучал на головиде изуродованное лицо мертвеца. Он надеялся обнаружить в застывших чертах удивление, ярость или страх, которые могли бы подсказать, как и отчего погиб этот малый. Но перед ним находилось самое обычное мертвое лицо. Ничего примечательного.

– А они уверены, что он действительно наш? – спросил Майлз, подтаскивая стул и усаживаясь. Изображение сопровождалось голосом медика, дававшего обычным ровным тоном свои комментарии. – Полагаю, он не придрейфовал откуда-то еще?

– Увы, нет, – вздохнул Фортиц. – Судя по скорости и траектории в момент столкновения, он находился непосредственно в точке катастрофы, предварительные данные о времени наступления смерти свидетельствуют о том же.

Майлзу давно хотелось, чтобы в расследовании появились какие-то новые данные, позволившие продвинуться в более плодотворном направлении. Однако он даже не предполагал, что его желания обладают волшебным свойством сбываться. *Будь осторожен в своих желаниях...*

– Они могут сказать, откуда он: с корабля или со станции?

– На основании одной лишь траектории – нет.

– М-м, пожалуй... Вообще-то его не должно было быть ни там, ни там. Что ж, подождем результатов идентификации. Надеюсь, новости об этой находке еще не поступили в СМИ?

– Нет. Даже ни намек, что удивительно.

– Если доказательства того, что он там находился, не будут железными, то вряд ли мы сможем удовлетвориться приблизительными данными. – За последние две недели Майлз, видит Бог, изучил столько данных, что сыт ими как минимум на год.

– Тела – это по твоей части, – добродушно отмахнулся профессор. Предварительный просмотр видеозаписи закончился, но ни один из лордов Аудиторов не потянулся, чтобы запустить ее заново.

Что ж, откровенно говоря, политические последствия шли по ведомству Майлза. Похоже, ему действительно вскоре придется побывать в Солстисе, хотя в столице у Имперского Аудитора больше шансов «ходить на поводке». Именно поэтому Майлз сначала и оправился в провинцию, откуда проще смотреть на вещи без столичного официоза.

– Инженерное оборудование – на мне, – добавил Фортиц. – Они отловили некоторые части контрольных систем корабля, которые я ждал. Думаю, мне придется вскоре возвращаться на орбиту.

– Сегодня вечером? – Под этим предлогом Майлз смог бы перебраться в какую-нибудь гостиницу. К своему великому облегчению.

– Если я отправлюсь сейчас, то буду там к ночи. Так что подожду до утра. А еще они обнаружили какие-то странные штуковины. Не входящие в инвентарный список.

– Странные штуковины? Старые или новые?

На станции валялись тонны неучтенного сломанного оборудования, вековые скопления устаревшей и неисправной техники, которые дешевле было оставить валяться, чем выбрасывать. Если аварийщикам сейчас придется заниматься рассортировкой этого добра, это должно означать, что первоочередные задачи уже практически выполнены.

– Новые. Вот что и странно. И их траектория совместима с траекторией этого трупца.

– Мне ни разу не попадался корабль, на котором в каком-нибудь углу не имелись запрещенный дистиллятор или контрабандное оборудование.

– Как и станции. Но наши комаррские ребята достаточно сообразительны, чтобы узнать дистиллятор.

– Возможно... Я поеду завтра с вами, – задумчиво проговорил Майлз.

– Хорошо бы...

Собрав в кулак остатки воли, Майлз отправился на поиски госпожи Форсуассон. У него был последний шанс поговорить с ней наедине. Но, к разочарованию Майлза, в пустых комнатах раздавался лишь звук его шагов, и никто не откликнулся на зов. Она ушла, может быть, за Никки или еще куда. Опять мимо! Черт!

Майлз зашел в ее кабинет, чтобы еще раз просмотреть последнюю запись, а потом полученные вчера отчеты по терраформированию. Он смущенно включил комм, совершенно иррационально ожидая, что Катриона может в любой момент заглянуть сюда и посмотреть, чем он занят. Хотя нет, скорее она будет его всячески избегать. Огорченно вздохнув, Майлз запустил головид.

Он обнаружил, что к словам профессора можно мало что добавить. Таинственная восьмая жертва оказалась мужчиной средних лет, среднего роста и плотного для комаррца телосложения. Если это, конечно, комаррец. Невозможно определить, был ли он при жизни красавцем или уродом. Вся одежда в момент катастрофы либо сгорела, либо изорвалась, самое печальное, что исчезли и карманы, где могли бы храниться кредитки и всякие документы, что могло бы помочь установить личность погибшего. Оставшиеся на теле обрывки походили на клочки обычного для космоса комбинезона, на который легко за считанные секунды натянуть скафандр.

И все-таки – кто же это такой? Майлз прокрутил в голове десяток возможных вариантов. Ему до смерти хотелось галопом помчаться на орбитальную станцию, куда доставили труп, но, если он прибудет наверх и начнет дышать в затылок экспертам, это будет только отвлекать их и еще сильнее замедлит дело. Если вы сами выделили для работы лучших людей, вы просто обязаны доверять и им, и своему собственному выбору.

Но вот что он реально может сделать в этом направлении, так это побеспокоить другого высокопоставленного контролера. Майлз набрал личный номер шефа Имперской безопасности на Комарре, который тот, как и положено, дал ему, едва лорд Имперский Аудитор прилетел в пространство Комарры.

Генерал Ратьенц появился на экране сразу. Средних лет, подтянутый и очень занятой. Как и положено человеку его ранга и должности. Но вот что интересно: генерал предпочитал комаррский стиль одежды имперской зеленой форме. Из чего следовал вывод, что он либо хороший политик, либо любит комфорт. Майлз посчитал, что скорее первое. Ратьенц был главой СБ на Комарре и подчинялся напрямую Дуву Галени в штаб-квартире Имперской службы безопасности в Форбарр-Султане.

– Слушаю вас, милорд Аудитор. Чем могу быть полезен?

– Насколько мне известно, сегодня утром обнаружили еще одно тело, и оно, судя по всему, как-то связано с аварией на отражателе. Вы слышали об этом?

– Только что узнал. И еще не успел просмотреть предварительный доклад.

– А я просмотрел. Не слишком-то он информативен. Скажите, каковы стандартные процедуры по установлению личности? Как скоро вы ждете конкретных результатов?

– Выяснение личности жертвы несчастного случая, в космосе или на планете, обычно производится местными службами. Но, поскольку обнаруженный труп связан с делом о возможной диверсии, мы ведем собственное расследование параллельно с комаррскими властями.

– Вы с ними сотрудничаете?

– Да, конечно. Точнее, они сотрудничают с нами.

– Понятно, – невозмутимо кивнул Майлз. – И сколько времени, по-вашему, уйдет на идентификацию?

– Если это комарец или инопланетник, прошедший через контроль на одной из скачковых станций, то результат будет в считанные часы. Если же барраярец, то это займет чуть дольше. Если он каким-то образом миновал регистрацию... Ну, тогда это уже другая проблема.

– Как я понимаю, по спискам пропавших он не проходит?

– Это бы значительно ускорило дело. Нет, не проходит.

– Значит, он пропал почти три недели назад, но его никто не разыскивает? Хм-м.

Генерал Ратьенц посмотрел на свой внутренний комм.

– Вы знаете, что звоните с открытого комм, лорд Форкосиган?

– Да. – Именно поэтому дискеты из местной СБ им доставляли с курьером. Аудиторы не рассчитывали задерживаться здесь надолго, поэтому не имело смысла устанавливать специальный закрытый комм. *А стоило бы.* – Я сейчас просто собираю первичные сведения. А когда устанавливают личность, то как об этом сообщают родственникам?

– Обычно местная служба безопасности посылает своего офицера. В случае, если дело касается Имперской безопасности, мы направляем и нашего агента, чтобы произвести начальную оценку и просчитать дальнейший ход следствия.

– Хм. В данном случае сначала поставьте в известность меня. Возможно, я тоже поеду и понаблюдаю.

– Но это может случиться в самое неурочное время.

– Не важно. – Майлзу хотелось занять мысли чем-то более живым, чем чьи-то отчеты. Его обуревала жажда деятельности. И еще ему безумно хотелось выбраться из этой квартиры. Он думал, что ему было неудобно здесь в первую ночь потому, что Форсуассоны – незнакомые

ему люди, но это ничто по сравнению с тем, насколько неловко он чувствовал себя сейчас, познакомившись с ними поближе.

– Хорошо, милорд.

– Благодарю, генерал. Пока на этом все. – Майлз выключил комм.

Вздыхнув, он вернулся к материалам по Проекту Терраформирования, начав с отчета отдела использования избыточного тепла об энергетическом обеспечении купола. Но в его воображении на него по-прежнему смотрела пара гневных голубых глаз.

Дверь в комнату он оставил открытой на случай – или в надежде? – что госпожа Форсуассон пройдет мимо и пожелает вернуться к разговору. Бесполезность своего ожидания сидящий спиной к дверям Майлз осознал одновременно с ощущением, что он больше не один. Услышав шорох в дверях, он нацепил на себя самую доброжелательную улыбку и развернул стул.

В дверях, опершись на косяк, стоял Никки, что-то неуверенно прикидывая в уме. Он застенчиво улыбнулся.

– Привет, – несмело проговорил мальчик.

– Привет, Никки. Уже пришел из школы?

– Ага.

– Тебе там нравится?

– Не-а!

– Вот как? А как было сегодня?

– Тощища!

– Что же ты такое скучное изучаешь?

– Ничего.

Эти односложные ответы должны несказанно радовать родителей, которые явно платят немалые деньги за обучение сына. Улыбка Майлза стала ехидной. Успокоенный промелькнувшей в глазах взрослого усмешкой, мальчик осмелился войти. Он оглядел Майлза с ног до головы более откровенно, чем осмеливался раньше. Майлз мужественно вынес Пристальное Изучение. Да, ты можешь осваиваться со мной, малыш.

– Вы правда были шпионом? – внезапно спросил Никки.

Майлз откинулся на стуле, изогнув бровь.

– С чего ты это взял?

– Дедушка Фортиц сказал, что вы работали в Имперской безопасности. Галактические операции, – напомнил Никки.

Ах да, в первый вечер их пребывания здесь, за ужином.

– Я был курьером. Знаешь, что это такое?

– Не-а, не очень. Я думал, что курьер – это скачковый корабль...

– Корабль так называется как раз из-за той работы, которую выполняют курьеры-люди. Курьер – это своего рода громко называемый посыльный. Я возил туда-сюда имперскую почту.

Никки недоверчиво нахмурился.

– Это опасно?

– Ну, считается, что нет. Обычно я долетал до нужного места и немедленно возвращался обратно. А в дороге много читал. Составлял доклады. Ну, и учился. У СБ есть специальные обучающие программы, которые ты предположительно должен выполнять в свободное время и за которые по возвращении из рейса должен отчитаться.

– О! – Никки казался несколько озадаченным тем, что, оказывается, и взрослым приходится делать домашнее задание. Он с большим сочувствием поглядел на Майлза, затем глаза его блеснули.

– Но вы ведь летали на скачковых кораблях, да? Имперских скоростных курьерах?

– Да.

– Мы летели сюда на скачковом корабле. Это был Форсмит-Дельфин-776 с двойным пространственным двигателем, четырьмя двигателями Неклина, катерами и командой из двенадцати человек. Он вез сто двадцать пассажиров. – На лице Никки появилось задумчивое выражение. – Вообще-то по сравнению со скоростным курьером это просто корыто. Но маме удалось уговорить пилота, и он разрешил мне посмотреть его кабину. И позволил посидеть в его кресле, и еще дал померить шлем. – Горевшая в глазах искорка превратилась в пламя при воспоминании о столь достопамятном событии.

Майлз всегда мог распознать страсть.

– Готов поспорить, ты восторгаешься скачковыми кораблями.

– Я хочу быть скачковым пилотом, когда вырасту. А вы? Или... вам не разрешили бы? – Лицо мальчика стало озабоченным. Уж не предупреждали ли его взрослые, что нельзя упоминать необычный облик Майлза? *Да, давайте дружно делать вид, что не замечаем очевидное. Это должно облегчить ребенку освоение мира.*

– Нет, я хотел быть стратегом. Как мой па и дедушка. И в любом случае на скачкового пилота я не прошел бы медкомиссию.

– Мой па был солдатом. По-моему, это довольно скучно. Он почти все время просидел на одной базе. Я хочу быть имперским пилотом, водить самые быстрые корабли и повидать разные места.

Подальше отсюда. Да. Такое желание Майлз как раз понимал очень хорошо. И тут до него дошло, что даже если сейчас ничего никому не известно, армейская медицинская комиссия все равно выявит у Никки дистрофию Форзонна. И даже если ее успешно вылечить, все равно этот врожденный дефект закрывает перед Никки все пути стать военным пилотом.

– Имперским пилотом? – удивленно поднял брови Майлз. – Ну, я думаю... Знаешь, если ты действительно хочешь увидеть разные миры, то военная карьера не лучший вариант.

– А почему?

– Если не считать редких курьерских или дипломатических миссий, военные скачковые пилоты в основном летают с Барраяра на Комарру, Зергияр и обратно. Старым добрым маршрутом, из года в год. И ты все время ждешь, когда наступит твой черед по списку, как рассказывали мне знакомые пилоты. Так что если ты действительно хочешь повидать миры, то полеты с комаррским торговым флотом откроют перед тобой гораздо больше возможностей – весь путь до Земли и дальше. Их маршруты куда как длиннее, и остановок в пути больше. И еще можно выбрать самому класс корабля. Пилоты проводят гораздо больше времени в рейсах. А когда прилетают в разные интересные места, они могут спокойно изучать окрестности.

– О! – Никки некоторое время переваривал информацию. – Подождите! – вдруг воскликнул он и куда-то умчался.

Буквально через пару минут мальчик вернулся, таща коробку, битком набитую игрушечными моделями скачковых кораблей.

– Вот это Дельфин-776, на котором мы летели, – протянул он Майлзу игрушку. Затем порылся и достал другой корабль. – Вы летали на курьерах, как вот этот?

– Сокол-9? Да, пару раз. – Одна из моделей привлекла внимание Майлза. Он опустился на пол рядом с Никки, расставлявшим свою коллекцию. – Бог мой, это ведь грузовик РГ?

– Это древность. – Никки протянул Майлзу корабль.

Майлз взял игрушку. Глаза его горели.

– Когда мне было семнадцать, мне принадлежал один такой, из самых последних. Вот это точно было корыто!

– Такая игрушечная модель, как эта? – неуверенно спросил Никки.

– Нет, у меня был настоящий корабль.

– У вас был настоящий скачковый корабль?! Ваш лично?! – захлебнулся мальчик.

– Ну... На самом деле я владел им совместно с кучкой кредиторов. – Майлз улыбнулся воспоминаниям.

– А вы его пилотировали? Ну, то есть в обычном пространстве, не пятимерном?

– Нет, тогда я не умел пилотировать даже катера. Этому я научился позже, уже в академии.

– А что случилось с РГ? Он еще у вас?

– Да нет. Хотя... я не уверен. Он угодил в аварию у Тау Верде, протаранив... э-э-э... столкнувшись с другим кораблем. Разнес вдребезги свои двигатели Неклина. После этого совершать скачки он больше уже не мог, так что я сдал его в аренду местному торговцу, и мы бросили его там. Я сказал Арду – это мой друг, скачковый пилот, – что если он сможет заменить двигатели, то пусть забирает старый РГ себе.

– У вас был скачковый корабль, и вы отдали его?! – Глаза Никки округлились. – А еще у вас есть?

– В данный момент нет. Ой, смотри, крейсер класса «Генерал»! – Майлз взял модель. – Когда-то таким командовал мой отец, если не ошибаюсь. А у тебя нет кораблей Бетанского астроэкспедиционного корпуса?

Сидя голова к голове, они расставили миниатюрный флот на полу. Никки, как с удовольствием отметил Майлз, неплохо знал технические характеристики каждого звездолета. Мальчик буквально расцвел на глазах, и его голосок, сначала неуверенный, стал громче и оживленнее, когда он с энтузиазмом описывал свою технику. Акции Майлза заметно возросли, когда он сообщил мальчугану, что лично знаком с доброй дюжиной оригиналов из представленных моделей, а заодно рассказал несколько интересных историй на тему скачковых кораблей, пополнив и без того довольно богатую коллекцию Никки.

– Но как можно стать пилотом, если не пойти в армию? – через некоторое время поинтересовался Никки.

– Сначала поступаешь в училище, затем летаешь учеником. Мне известно как минимум четыре таких училища здесь, на Комарре, и еще парочка дома, на Барраяре. На Зергияре пока таких нет.

– А как туда поступить?

– Подать заявление и заплатить деньги.

Мальчик сник.

– Много денег?

– М-м, не больше, чем в любую другую школу или торговое училище. Дороже всего хирургическое имплантирование чипа. К тому же если уж ставить, то наилучший, а это дорогое удовольствие. Но можно кое-что предпринять, чтобы увеличить шансы, – ободряюще добавил Майлз. – Существуют контракты на оплату обучения и договоры между учеником и хозяином, которые облегчают поступление, если их заключить. Но в любом случае для этого тебе должно быть не меньше двадцати лет, так что у тебя еще впереди много времени на размышление.

– Ой! – Для Никки такой срок, вдвое больше, чем он прожил, должно быть, казался просто немыслимым. Майлз посочувствовал мальчику. А если бы сейчас ему сказали, что придется ждать тридцать лет, чтобы получить то, что ему хочется больше всего? Он попытался сообразить, чего бы ему хотелось больше всего и что он мог бы получить. Но как-то ничего не выплывало.

Никки принялся складывать модели в коробку. Положив на место Сокол-9, он погладил на нем знаки Имперских военных сил.

– А у вас все еще есть серебряные глаза Имперской службы безопасности? – спросил он.

– Нет, мне пришлось их отдать, когда меня вы... когда я ушел в отставку.

– А почему вы ушли?

– Я не хотел. Но у меня возникли проблемы со здоровьем.

– И тогда вас вместо этого сделали Имперским Аудитором?

– Ну, примерно так.

Никки ненадолго задумался, соображая, как бы продолжить вежливый взрослый разговор.

– И вам это нравится?

– Ну, пока еще рано что-либо говорить. Но, похоже, на этом посту придется делать много домашней работы. – Майлз виновато посмотрел на стопку дискет с отчетами, поджидавших его у комм-пульта.

Никки с сочувствием поглядел на него.

– Ой, это плохо!

Голос Тьена Форсуассона заставил обоих вздрогнуть.

– Никки, ты что здесь делаешь? Встань с пола!

Никки быстро вскочил, а Майлз остался сидеть по-турецки, внезапно осознав, что его совсем недавно продрогшее тело снова задеревенело.

– Ты что тут надоедаешь лорду Аудитору? Мои извинения, лорд Форкосиган! Дети не умеют себя вести!

– Да нет, он вел себя прекрасно. Мы очень интересно побеседовали о скачковых кораблях.

Майлз прикинул, как бы ему достаточно грациозно встать перед соотечественником-бар-рарцем без какого-нибудь несвоевременного спазма или колики, которые могли бы создать ложное впечатление инвалидности. Готовясь встать, он потянулся.

Форсуассон изобразил кислую улыбку.

– Ах да, самое последнее увлечение. Не наступите босой ногой на одну из этих чертовых штуковин, иначе покале... будет очень больно. Что ж, полагаю, все мальчишки проходят эту стадию. Мы это перерастем. Собери все, Никки.

Майлз из своего сидячего положения видел, как опущенные глаза Никки на мгновение протестующе сощурились. Мальчик нагнулся, чтобы подобрать остатки своего миниатюрного флота.

– Некоторые, вырастая, наоборот воплощают свои мечты в жизнь, а не перерастают их, – пробормотал Майлз.

– Это зависит от того, насколько реальны мечты, – возразил Форсуассон, скривившись в мрачной усмешке. Ах да! Форсуассон наверняка прекрасно осведомлен о тайном препятствии медицинского порядка, стоящем между Никки и его мечтой.

– Вовсе нет. – На губах Майлза промелькнула улыбка. – Это зависит от того, насколько упорным ты вырастешь.

Было трудно сказать, понял ли Никки эту фразу, но он ее услышал. Направляясь к двери со своей коробкой под мышкой, мальчик сверкнул глазами на Майлза.

Форсуассон подозрительно нахмурился, но сказал лишь:

– Кэт послала меня сообщить всем, что ужин готов. Никки, иди мыть руки и позови дедушку Фортица.

Последний ужин Майлза с семейством Форсуассонов оказался довольно напряженным. Госпожа Форсуассон весь вечер занималась тем, что подавала отличную, надо отметить, еду. Ее поведение явно говорило: «Оставь меня в покое». Так что поддерживать беседу было предложено профессору, чьи мысли, совершенно очевидно, витали где-то в другом месте, и Тьену, который, не зная толком, о чем еще говорить, жестко, но без глубоких познаний рассуждал о комаррских политиках, весьма авторитетно разясняя ход мысли людей, с которыми, насколько понял Майлз, лично никогда не встречался. Никки, опасаясь отцовского гнева, не осмеливался в его присутствии снова заговорить о скачковых кораблях.

А Майлз размышлял, как это его угораздило в первый вечер принять молчаливость госпожи Форсуассон за безмятежность, а напряженное состояние Этьена Форсуассона – за кипучую энергию. До тех пор, пока Катриона ненадолго не оживилась сегодня днем, он и не предполагал, насколько ее суть скрыта от глаз. Точнее, насколько она замкнута в присутствии мужа.

Теперь, когда он уже знал, что искать, он видел под свойственной всем обитателям купола бледностью Тьена серый оттенок и замечал мелкое подрагивание мышц, выдаваемое за неловкое обращение крупного мужчины с мелкими предметами. Сначала Майлз боялся, что носитель болезни – Катриона, и был готов едва ли не вызвать Тьена на дуэль за пренебрежение женой и за то, что тот не предпринял кардинальных и решительных мер. Будь госпожа Форсуассон его, Майлза, женой... Но, судя по всему, Тьен сам откладывал решение проблемы, играя со своим заболеванием. Майлз как никто другой знал, насколько коренные барраярцы боятся генетических нарушений. «Смертельно неудобно» – не просто идиоматический оборот. Он и сам не особенно широко рекламировал свои припадки, хотя в глубине души и испытывал облегчение, что поделился секретом с госпожой Форсуассон. Хотя теперь, когда он уезжает, это, конечно, не имеет большого значения. Нежелание принимать меры – полное право Тьена, это его выбор, каким бы глупым он ни был. Может, этот малый надеется, что его прихлопнет метеоритом прежде, чем болезнь разовьется дальше. Майлз, с его собственными, загнанными глубоко внутрь суицидальными наклонностями вполне понимал такой подход. *Да, но ведь тем самым Этьен сделал выбор и за Николаса!*

В середине ужина – как раз подали рыбное филе с картофелем в чесночном соусе – раздался звонок в дверь. Госпожа Форсуассон поспешила открыть. Полагая, что с точки зрения безопасности не следует отпускать ее одну, Майлз направился следом. Николас – возможно, в предвкушении чего-то необычного, – попытался пройти с ними и был усажен отцом доедать ужин. Госпожа Форсуассон оглянулась на Майлза, но промолчала.

Она посмотрела на установленный у двери монитор.

– Очередной курьер. О, на этот раз – капитан! Обычно к вам приходит сержант. – Госпожа Форсуассон открыла дверь, за которой стоял молодой барраярец в зеленой форме с Глазами Гора на воротнике. – Проходите.

– Госпожа Форсуассон, – кивком приветствовал ее офицер и, войдя, перевел взгляд на Майлза. – Лорд Аудитор Форкосиган, я капитан Тумонен, начальник отделения Имперской службы безопасности Серифозы. – Темноволосому и кареглазому, как большинство барраярцев, Тумонену было около тридцати. Чуть более вылощенный и подтянутый, чем обычный кабинетный служака, хотя и бледнокожий, как все жители купола. В одной руке он держал коробочку с дисками, в другой – ящик побольше, поэтому, не имея возможности отсалютовать, ограничился доброжелательным кивком.

– Да, генерал Ратьенц говорил о вас. Мы польщены визитом столь высокопоставленного курьера.

– Отделение Имперской безопасности Серифозы небольшое, милорд, – пожал плечами Тумонен. – Генерал Ратьенц отдал приказ, чтобы вас проинформировали как можно быстрее, как только личность найденного будет установлена.

Майлз бросил быстрый взгляд на запечатанную коробочку с диском.

– Отлично. Проходите, садитесь. – Он провел капитана в гостиную Форсуассонов и указал на диванчик. Как и почти вся мебель здесь, диванчик был комаррского производства. Может, госпожа Форсуассон чувствует себя тут скорее как в гостинице? – Госпожа Форсуассон, не будете ли так любезны пригласить вашего дядю присоединиться к нам? Только пусть сначала закончит ужин.

– Я бы так же хотел побеседовать с администратором Форсуассоном, когда он поест, – добавил Тумонен.

Кивнув, Катриона ушла. В ее глазах светилось любопытство, но она по-прежнему старалась быть как можно более незаметной, будто желала стать невидимой для Майлза.

– И что мы имеем? – поинтересовался Майлз, усевшись. – Я говорил Ратьенцу, что хочу присутствовать при первой встрече с родственниками.

Тогда он сможет прямо сейчас собрать вещи и больше не возвращаться.

– Да, милорд. Потому я и здесь. Ваш таинственный мертвец оказался местным, из Сери-фозы. Этот человек является, точнее, являлся служащим местного Департамента Проекта Терраформирования.

Майлз моргнул.

– Это случаем не инженер по фамилии Радоваш?

Тумонен изумленно уставился на него:

– Откуда вы знаете?

– Такое предположение просто напрашивается, поскольку Радоваш исчез несколько недель назад. Вот черт! Ведь Форсуассон мог опознать его с первого взгляда! А может, и нет... Он довольно сильно изуродован. Хм. Шеф Радоваша считает, что его подчиненный смылся с одной из лаборанток, Марией Трогир. Ее тела, случаем, там, наверху, не обнаружили?

– Нет, милорд. Но, судя по всему, придется начать поиски.

– Да. Следует провести тщательный поиск и проверку, я полагаю. И не исходите из того, что она мертва. Если она жива, то мы наверняка захотим задать ей ряд вопросов. Вам нужен от меня особый приказ?

– Не обязательно, но готов поспорить, что это значительно ускорит события. – Глаза Тумонена загорелись энтузиазмом.

– Значит, вы его получите.

– Благодарю, милорд. Я подумал, что вам понадобится вот это. – Он протянул Майлзу запечатанную коробку. – Перед уходом из конторы я составил полное досье на Радоваша.

– У Имперской безопасности есть досье на всех граждан Комарры, или он какой-то особенный?

– Нет, досье на всех мы не держим. Но у нас есть специальные поисковые программы, которые могут при необходимости выудить самые обширные сведения из сети. В первой части его биография, школьное досье, медицинское, финансовые и проездные документы, все как обычно. Я на них лишь глянул. Но на Радоваша также имеется небольшое досье Имперской безопасности, еще со студенческих времен, когда было Комаррское Восстание. Оно закрыто по амнистии.

– Представляет интерес?

– На основании только его одного я бы не стал делать глубоких выводов. Тогда половина комаррской молодежи принимала участие либо в студенческих митингах протеста, либо в деятельности так называемых революционных групп, моя теща в том числе. – Тумонен напряженно замер, ожидая реакции Майлза.

– А, так, значит, вы женаты на местной?

– Вот уже пять лет.

– А сколько лет вы служите в Серифозе?

– Почти шесть.

– Рад за вас. – И даже очень! Потому что таким образом для нас высвободилась еще одна баррарская женщина! – Значит, насколько я понимаю, вы хорошо ладите с местными.

Тумонен расслабился.

– В основном, да. Кроме тещи. Но сомневаюсь, что в данном случае дело в политике. – Тумонен подавил усмешку. – Зато наша дочурка вертит ею, как хочет!

– Понятно, – улыбнулся Майлз офицеру. Задумчиво нахмурившись, он перевернул коробку, достал из кармана аудиторскую печать и открыл замок. – Ваш аналитический сектор что-нибудь пометил здесь для меня?

– Аналитический сектор Серифозы – это я, – уныло признался Тумонен. И тут же взгляд его стал более пронзительным. – Насколько я понял, вы сами – бывший офицер Имперской безопасности, милорд. Так что я подумал, что лучше вам сначала все прочесть самому, без моих комментариев.

Брови Майлза поползли вверх. Тумонен что, не доверяет своим суждениям? Прибытие двух Имперских Аудиторов на вверенную ему территорию его нервирует? Или он просто пытается ухватиться за возможность для взаимной проверки на вшивость?

– И какое же досье на некоего Майлза Форкосигана вы быстренько прочли, прежде чем сегодня прийти сюда?

– На самом деле я прочел ваше досье еще позавчера, милорд, когда мне сообщили о вашем прибытии в Серифозу.

– И что показал анализ?

– Почти две трети вашего досье – под грифом «совершенно секретно», и для доступа необходимо разрешение из штаб-квартиры Имперской службы безопасности в Форбарр-Султане. Но в открытых материалах содержится довольно внушительный список наград и отличий. Весьма необычно для человека, выполняющего рутинную работу курьера. Приблизительно в пять раз больше, чем у следующего по количеству имеющихся наград имперского курьера за всю историю существования Имперской службы безопасности.

– И какой же вывод, капитан Тумонен?

На губах Тумонена зазмеилась улыбка.

– Вы отродясь не были никаким курьером, капитан Форкосиган!

– А знаете, Тумонен, кажется, мне понравится с вами работать!

– Надеюсь, что так, сэр. – Он оглянулся на вошедших профессора и Тьена Форсуассона. Фортиц вытер губы салфеткой, рассеянно сунул ее в карман и обменялся рукопожатием с Тумоненом. Затем представил своего зятя. Когда все расселись, Майлз сообщил:

– Тумонен привез сведения об идентификации нашего лишнего покойника.

– Отлично! И кто же этот бедолага? – спросил Фортиц.

Майлз бросил взгляд на Тумонена, не сводившего глаз с Тьена Форсуассона, и изрек:

– Как ни странно, администратор Форсуассон, это один из ваших служащих. Доктор Барто Радоваш.

Тьен, и без того бледный, сделался еще бледнее.

– Радоваш?! Какого черта он там забыл, наверху?

Майлз готов был поклясться, что изумление и ужас, отразившиеся на лице Форсуассона, были подлинными и удивление в голосе – не наигранным.

– Я надеялся, что у вас найдутся какие-нибудь предположения на это счет, сэр, – ответил Тумонен.

– О Боже! Ну... Он был на корабле или на станции?

– Мы этого еще не выяснили.

– Вообще-то я мало что могу вам о нем рассказать. Он работал в отделе Судхи. И Судха никогда мне не жаловался на его работу. Радоваш получал повышения в положенный срок. – Тьен покачал головой. – Но какого черта он делал... – Он озабоченно посмотрел на Тумонена. – Он ведь уже не мой служащий, знаете ли. Уволился несколько недель назад.

– По нашим подсчетам, за пять дней до гибели, – уточнил Тумонен.

Тьен нахмурился.

– Ну... тогда он никак не мог быть на борту рудовоза, верно? Как он мог оказаться на втором кольце астероидов и сесть там на рудовоз, если в это время он еще не покинул Комарру?

– Он мог попасть на рудовоз по дороге, – заметил Тумонен.

– Ну, думаю, такое возможно. Боже! Он ведь женат. Был женат. Его жена еще здесь, в городе?

– Да, – кивнул Тумонен. – У меня в самое ближайшее время назначена встреча с местным офицером безопасности, которому поручено официально уведомить вдову Радоваша о случившемся.

– Она три недели ничего о нем не слышала, – сказал Майлз. – Так что еще час роли не играет. Думаю, перед уходом мне стоит ознакомиться с вашим докладом, капитан.

– Конечно, милорд.

– Присоединитесь, профессор?

Кончилось тем, что они пошли в кабинет Форсуассона всей командой. Лично Майлз считал, что вполне обошелся бы без Форсуассона, но Тумонен не сделал попытки исключить Тьена.

Доклад содержал даже не поверхностный анализ, а скорее просто упорядоченные сведения со сделанными Тумоненом на скорую руку пометками. Полный анализ наверняка вскоре придет из штаб-квартиры Имперской безопасности на Комарре. Взяв стулья, они устроились возле монитора. После общего обзора Майлз предоставил профессору отслеживать пути карьеры Радоваша.

– Он потерял два года в середине обучения во время Восстания, – заметил Фортиц. – Тогда университет Солстиса на некоторое время закрыли.

– Но, похоже, он добрал баллы во время двухгодичной стажировки на Эскобаре, – указал Майлз.

– Там с ним могло произойти что угодно, – высказал мнение Тьен.

– Согласно вот этому, не очень многое, – сухо бросил Фортиц. – Работа по контракту на их орбитальных верфях... Он даже не смог подготовить приличный научный отчет... Университет Солстиса не возобновил с ним контракт. Судя по всему, педагогическим даром он не обладал.

– Его отказались взять в Имперский исследовательский институт из-за участия в Восстании, – пояснил Тумонен. – Несмотря на амнистию.

– Амнистия гарантировала лишь, что его не расстреляют, – чуть нетерпеливо бросил Майлз.

– Но ему отказали не на основании недостаточной компетенции, – пробормотал Фортиц. – Так вот, он пошел на работу гораздо ниже уровня полученного им образования, на комарские орбитальные причалы.

Майлз быстренько произвел проверку.

– Да, но к этому моменту у него уже было трое маленьких детей. Надо было зарабатывать деньги.

– Затем несколько лет он сидел на месте, – продолжил профессор. – Менял место работы лишь раз, из-за существенного повышения в зарплате и должности. Затем его нанимает Судха. Сам недавно назначенный, он берет Радоваша в Проект Терраформирования. И Радоваш переезжает на постоянное жительство на планету.

– Но без увеличения жалования. Профессор, – жалобно протянул Майлз и ткнул пальцем в одну точку последнего периода карьеры Радоваша, – вам не кажется странным перелет вниз, на планету, для человека, специально обученного и имеющего опыт работы со скачковыми технологиями? Он ведь специалист по пятимерной математике.

Тумонен натянуто улыбнулся, из чего Майлз сделал вывод, что в буквальном смысле попал пальцем в ту самую точку, что беспокоила капитана.

– Ну, тут может быть много разных причин, – пожал плечами Фортиц. – Ему могла надоест прежняя работа. Могли появиться новые интересы. Госпоже Радоваш могла попросту надоест жизнь на космической станции. Думаю, вам придется спросить ее.

– Но ведь это довольно необычно, – закинул пробный шар Тумонен.

– Может быть, – хмыкнул Фортиц. – А может, и нет.

– Ну что же, – вздохнул Майлз после долгого молчания. – Пора заняться самой трудной частью.

Дом, где жили Радоваши, оказался в другом конце города, но, поскольку в столь позднее время проблем с движением транспортных капсул не было, они добрались быстро. Следуя за Тумоненом, Майлз, Фортиц и Тьен – которого, если память Майлзу не изменяла, никто не приглашал, но который каким-то образом увязался с ними, – вошли в холл, где их довольно нетерпеливо поджидала молодая женщина в форме СБ купола «Серифоза».

– А, значит, местный коп – женского пола, – шепнул Майлз Тумонену. Он оглядел их кавалькаду. – Отлично. Значит, мы будем меньше смахивать на оккупационную армию.

– Я на это и рассчитывал, милорд.

После краткого знакомства они поднялись на лифте в коридор, практически ничем не отличающийся от всех виденных Майлзом в домах Серифозы. Дама-полицейский, представившаяся им как участковый Ригби, позвонила в дверь.

После паузы, достаточно продолжительной для того, чтобы Майлз успел усомниться, дома ли хозяйка, дверь открылась. Стоящей в дверях изящной, со вкусом одетой женщине на барраярский взгляд Майлза было лет сорок пять, что скорее всего означало, что ей около шестидесяти. На ней были обычные комаррские брюки с блузкой, на которую она натянула толстый свитер. Женщина казалась бледной и слегка замерзшей, но в ней явно не было ничего отталкивающего, от чего мог сбежать муж.

При виде людей в форме глаза ее расширились: появление такой делегации означает плохие новости.

– Ох! – слабо выдохнула она.

Майлз, приготовившийся к истерике, слегка расслабился. Судя по всему, эта дама не относилась к категории истеричек. Ее реакция скорее всего проявится значительно позже, причем в какой-нибудь странной форме, и будет тяжелой.

– Госпожа Радоваш? – спросила Ригби. Женщина кивнула. – Я участковый инспектор Ригби. Мне очень жаль, но я вынуждена сообщить вам, что ваш муж, доктор Барто Радоваш, был найден мертвым. Мы можем войти?

Госпожа Радоваш зажала ладонью рот и некоторое время не издавала ни звука.

– Что ж, – произнесла она наконец, глядя в сторону. – Я не так этому рада, как, думала, обрадуюсь. И что же с ним произошло? Эта молодая женщина... С ней все в порядке?

– Мы можем войти и присесть? – повторила Ригби. – Боюсь, нам придется побеспокоить вас несколькими вопросами. Мы же, в свою очередь, попытаемся ответить на ваши.

Госпожа Радоваш с опаской глянула на Тумонена, облаченного в зеленый мундир Имперской безопасности.

– Ладно. Входите.

Шагнув назад, она жестом пригласила всех войти.

В ее гостиной стоял круглый стол. Майлз уселся в углу, позволив Тумонену сесть вместе с Ригби напротив госпожи Радоваш. Ригби представила пришедших. Тьен устроился на стуле – живое воплощение человека не в своей тарелке. Профессор Фортиц легонько покачал головой и остался стоять, взглядом изучая комнату.

– Что случилось с Барто? – глухо произнесла госпожа Радоваш. Она наконец начала осознавать происшедшее.

– Мы точно не знаем, – ответила Ригби. – Его тело обнаружили в космосе, и его гибель, судя по всему, как-то связана с аварией на отражателе, произошедшей три недели назад. Вы знали, что он покинул планету? Он не оставил ничего, что могло бы прояснить ситуацию?

– Я... – Она отвела взгляд. – Он не разговаривал со мной перед отъездом. Думаю, храбрости не хватило. Оставил мне сообщение на комме. И пока я его не обнаружила, то считала, что это обычная командировка.

– Мы можем посмотреть сообщение? – Тумонен впервые за все время открыл рот.

– Я его стерла. Извините, – хмуро глянула она на него.

– А идея этого... отъезда... Как по-вашему, она принадлежала вашему мужу или Марии Трогир? – спросила Ригби.

– Вижу, вам о них все известно. Понятия не имею. Для меня это было полнейшей неожиданностью. Не знаю. – Голос ее зазвенел. – Моего совета никто не спрашивал.

– Он часто ездил в командировки? – задала следующий вопрос Ригби.

– Он довольно часто ездил на полевые испытания. Иногда – на конференции по терраформированию в Солстисе. Туда я обычно ездила вместе с ним. – Ее голос едва не сорвался, но она совладала с собой.

– Что он взял с собой? Что-нибудь необычное? – терпеливо продолжала Ригби.

– Лишь то, что всегда брал в длительную полевую командировку. – Она помолчала и добавила: – Он забрал все свои личные файлы. Именно поэтому я и поняла, что он никогда не вернется.

– У него на работе вы кому-нибудь говорили об этом?

Тьен покачал головой, но госпожа Радоваш сказала:

– Я разговаривала с администратором Судхой. После того как нашла сообщение. Пыталась понять... почему.

– Администратор Судха помог вам? – спросил Тумонен.

– Не очень. – Она опять нахмурилась. – По-моему, он считал, что это его совершенно не касается, поскольку Барто уволился.

– Мне очень жаль, – произнес Форсуассон. – Судха мне об этом не говорил. Я сделаю ему выговор. Я не знал.

А ты и не спрашивал. Но, как бы Майлзу ни хотелось, даже он не мог бы винить Тьена в желании держаться подальше от чужих семейных неурядиц.

Хмурый взгляд, которым госпожа Радоваш одарила Тьена, стал совсем пасмурным.

– Насколько мне известно, вы с мужем перебрались жить на планету примерно пять лет назад, – вступил Тумонен. – Довольно необычная смена рода деятельности – с проблем пятимерного пространства на простые инженерные задачи. Он интересовался терраформированием?

Какое-то мгновение вдова казалась озадаченной.

– Барто волновало будущее Комарры. Я... Мы устали жить на станциях. И хотели чего-то более стабильного для детей. Доктор Судха набирал себе сотрудников с самым разнообразным опытом и подготовкой. Он посчитал ценным опыт работы Барто на космических станциях. Инженерное дело есть инженерное дело, я полагаю.

Профессор Фортиц все это время потихоньку бродил по комнате, прислушиваясь к разговору и изучая сувениры и портреты детей, запечатленных в разном возрасте и представляющих собой основное украшение комнаты. Он остановился перед библиотекой, заставленной дисками, и начал рассматривать названия. Госпожа Радоваш кинула на него быстрый любопытный взгляд.

– Учитывая необычность ситуации, в которой было обнаружено тело доктора Радоваша, по закону требуется полная медицинская экспертиза, – продолжила Ригби. – С учетом вашего

несколько неловкого положения, когда его закончат, хотите ли вы, чтобы его тело или прах передали вам или каким-либо другим родственникам?

– О да! Мне, пожалуйста! Должна быть соответствующая церемония захоронения. Ради детей. Ради всех. – Она была близка к тому, чтобы потерять над собой контроль, в глазах ее блеснули слезы. – Не могли бы вы... Я не знаю... Вы занимаетесь этим?

– Консультант по семейным проблемам нашего департамента охотно поможет вам. Я дам вам ее номер перед уходом.

– Благодарю вас.

Тумонен откашлялся.

– Учитывая таинственные обстоятельства гибели доктора Радоваша, Имперскую службу безопасности на Комарре тоже попросили заняться этим делом. И мне хотелось бы знать, позволите ли вы осмотреть ваш комм-пульт и личные записи на предмет выяснения, нет ли в них какой-либо нужной нам информации.

Госпожа Радоваш потеряла губу.

– Барто забрал все свои личные записи. Там не осталось ничего, кроме моих.

– Иногда специалистам удастся многое извлечь.

Она покачала головой, но все же согласилась.

– Ну, полагаю, что да. – И добавила несколько сварливо: – Хотя сомневаюсь, что Имперской службе безопасности так уж необходимо мое разрешение.

Тумонен не стал отрицать, но заметил:

– Я предпочитаю проявлять к людям максимум уважения, госпожа Радоваш, когда позволяют наши жестокие обстоятельства.

– И займитесь библиотекой тоже, – рассеянно добавил профессор Фортиц, стоя у стенки с дисками в руках.

– Зачем вам понадобилась *библиотека* моего несчастного мужа?! – с внезапной вспышкой гнева воскликнула госпожа Радоваш.

Фортиц одарил ее ласковой обезоруживающей улыбкой.

– Библиотека, которую собрал человек, говорит о структуре его мышления, как одежда о структуре тела. Связь между кажущимися на первый взгляд не связанными друг с другом вещами может существовать лишь в его мозгу. Когда хозяин умирает, библиотека становится некоторым образом печально бесприютной. Думаю, мне понравился бы ваш муж, если бы я с ним познакомился, когда он был жив. И возможно, косвенным образом в какой-то мере я могу познакомиться с ним и сейчас.

– Не понимаю зачем... – Она недоуменно поджала губы.

– Мы постараемся вернуть ее вам через пару дней, если хотите, – успокоил женщину Тумонен. – Вам что-нибудь из нее необходимо прямо сейчас?

– Нет, но... О Господи... Не знаю, право... Заберите ее. Берите что хотите, мне уже все равно. – Наконец у нее по щекам потекли слезы. Ригби извлекла из кармана формы платок и протянула женщине, хмуро взглянув на барраярцев.

Тьен неловко заерзал, Тумонен хранил профессиональную невозмутимость. Воспользовавшись эмоциональным взрывом хозяйки, капитан взял свою коробку и направился к комм-пульту, стоявшему в углу, включил его и вставил стандартный черный ящик СБ. Подчиняясь жесту Фортица, Майлз с Ригби поспешили помочь собрать библиотеку и упаковать для транспортировки. Тумонен, начисто выпотрошив содержимое комм, пробежал сканером по библиотеке, в которую, по оценке Майлза, входило порядка тысячи дисков, и выдал расписку госпоже Радоваш. Она не глядя сердито сунула пластинку в карман серых брюк и стояла, скрестив руки на груди, пока они не собрались уходить.

В последний момент, закусив губу, она спросила:

– Администратор Форсуассон! Будут ли... получу ли я... после смерти Барто будут ли обычные выплаты наследникам?

У нее финансовые затруднения? По сведениям, полученным от Тумонена, двое ее младших отпрысков еще учились в университете и материально зависели от родителей. Конечно, ей нужны деньги. Но Форсуассон печально покачал головой:

– Боюсь, что нет, госпожа Радоваш. Медицинская экспертиза показала, что он погиб уже после того, как уволился.

Будь оно иначе, это представляло бы гораздо больший интерес для Имперской безопасности.

– Значит, она ничего не получит? – спросил Майлз. – Несмотря на то что госпожа Радоваш ни в чем не виновата, она лишена обычной вдовьей выплаты из-за безответственности ее, – тут Майлз опустил некоторые вертевшиеся на языке эпитеты, – покойного мужа?

Форсуассон, беспомощно пожав плечами, отвернулся.

– Погодите-ка, – продолжал Майлз. – Грегор не одобряет, когда вдовы остаются без средств к существованию. Уж поверьте мне, Форсуассон, лучше выберите для нее деньги.

– Я не могу... Каким образом... Вы хотите, чтобы я изменил дату его увольнения?

И создал забавный прецедент, когда человек пишет заявление об уходе на следующий день после своей смерти? Каким способом? Призрачным пером, что ли?

– Конечно, нет! Просто сделайте это в форме императорского указа.

– Но у нас нет формы бланка императорского указа! – воскликнул ошарашенный Форсуассон.

Майлз ненадолго озадачился. Тумонен, слегка зарумянившись, очарованно следил за происходящим широко раскрытыми глазами. Даже госпожа Радоваш подняла бровь, позабавленная разговором. Она посмотрела на Майлза с таким видом, будто впервые видит его. Наконец Майлз ласково проговорил:

– Недоработка, которую вам придется исправить, администратор Форсуассон.

Тьен открыл рот, собираясь запротестовать, но затем мудро предпочел его закрыть. Профессор Фортиц казался довольным. Госпожа Радоваш, с чем-то вроде изумления прижав ладонь к щеке, проговорила:

– Благодарю вас... лорд Форкосиган.

После обычного «если-что-то-вспомните-пожалуйста-позвоните-по-этому-номеру-всего-доброго» толпа следователей двинулась в обратный путь. Фортиц вручил Тьену упакованную библиотеку. Когда они спустились в холл, участковый инспектор Ригби тоже собралась их покинуть.

– И что Имперская безопасность хочет, чтобы мы делали дальше? – спросила она Тумонена. – Судя по всему, смерть доктора Радоваша – вне юрисдикции Серифозы. Обычно при внезапной смерти в первую очередь в категорию основных подозреваемых попадают ближайшие родственники, но она все время сидела на планете. Я не вижу никаких возможных связей с телом в космосе.

– Я тоже пока что, – согласился Тумонен. – Проводите пока обычные действия и пришлите мне копии всех ваших материалов и файлов с уликами.

– Полагаю, ждать от вас взаимной любезности не стоит. – Судя по тому, как скривились ее губы, ответ Ригби знала заранее.

– Посмотрим, что я смогу сделать, если появится что-то, представляющее интерес для службы безопасности купола, – с готовностью пообещал Тумонен. Услышав даже столь туманное обещание от офицера Имперской безопасности, Ригби изумленно подняла бровь.

– Мне придется возвращаться наверх завтра утром, – сообщил Фортиц Тумонену. – И у меня не будет времени на внимательное изучение этой библиотеки. Боюсь, мне придется этим озадачить Имперскую службу безопасности.

Тумонен обалдело посмотрел на ящик с тысячью дискет.

– Сошлитесь на мой авторитет и запросите в штаб-квартире для этой работы аналитика высокого ранга, – быстро вмешался Майлз. – Одного из подвальных мудрецов. Со специализацией в области математики и инженерного дела. Верно, профессор?

– Да, безусловно. И самого лучшего, какого сможете раздобыть, – кивнул Фортиц.

На лице капитана явственно читалось облегчение.

– А что вы хотите, чтобы он искал, милорд Аудитор?

– Я толком не знаю. – Профессор потер подбородок. – Поэтому и хочу, чтобы этим занялся аналитик службы безопасности, а? Главным образом я хочу, чтобы он создал на основании этих данных психологический портрет Радоваша, который мы потом сравним со сведениями, полученными из других источников.

– Внутри этой библиотеки скрыто отражение склада ума владельца, – хмыкнул Майлз. – Понятно.

– Нисколько не сомневался, что ты поймешь. Поговори с этим аналитиком, Майлз, ты ведь знаешь, как они работают. И знаешь, что нужно нам.

– Непременно, профессор.

Они торжественно вручили библиотеку Тумонену, и участковый Ригби отбыла восвояси. Время шло к полуночи.

– Тогда я все это заберу к себе в контору, – заявил Тумонен, оглядывая свою разнообразную кладь. – И сообщу в штаб-квартиру новости. Сколько вы намерены пробыть в Серифозе, лорд Форкосиган?

– Пока не знаю. Во всяком случае, прежде чем уехать, поговорю с Судхой и другими коллегами Радоваша. И... э-э-э... я полагаю, что завтра после отъезда профессора переберусь в гостиницу.

– Мы рады оказать вам гостеприимство в моем доме, лорд Форкосиган, – без особого энтузиазма сказал Тьен.

– Благодарю вас, администратор Форсуассон. Кто знает, возможно, я смогу улететь уже завтра вечером. Посмотрим, как пойдут дела.

– Буду чрезвычайно признателен, если вы сообщите моему ведомству о ваших передвижениях, – настойчиво проговорил Тумонен. – Безусловно, это ваше право – отказаться от охраны, лорд Форкосиган, но теперь, когда расследуемое вами дело совершенно определенно имеет какую-то связь с Серифозой, я вам настоятельно советую пересмотреть ваше решение.

– Охранники Имперской безопасности, как правило, очаровательные ребята, капитан, но я и правда терпеть не могу спотыкаться о них каждый раз, как поворачиваюсь, – хмыкнул Майлз. Он многозначительно постучал по комму, широченный ремешок которого обвивал его запястье. – Давайте пока придерживаться нашего компромисса. Обещаю в случае необходимости громко звать на помощь.

– Как вам угодно, милорд, – с неодобрением в голосе сказал Тумонен. – Нужно ли вам еще что-нибудь?

– Сегодня уже нет, – зевнув, ответил Фортиц.

Мне много что нужно, чтобы разобраться в этой ерунде. Мне позарез нужны штук шесть ретивых информаторов. Я хочу остаться наедине в запертой комнате с Марией Трогир и суперпентоталом. Я жалею, что не могу допросить с суперпентоталом и эту горькую вдову. Но для таких враждебных и грубых действий Ригби потребует ордер. Майлз мог бы ей его предоставить в мгновение ока своим заимствованным Голосом императора, если он не возражает быть действительно ну оч-чень противным Имперским Аудитором. Вообще-то пока для этого просто-напросто недостаточно оснований. Но Судхе лучше завтра быть поосторожней.

Майлз покачал головой:

– Нет. Идите спать.

– Лучше поздно, чем никогда, – криво ухмыльнулся Тумонен. – Спокойной ночи, милорды, администратор.

И они разошлись от дома вдовы в противоположных направлениях.

Глава 7

Катриона дремала, свернувшись калачиком на продавленном диване в салоне, поджидая возвращения мужчин. Закатав рукава, она поглядела на синяки, оставленные пальцами лорда Форкосигана.

Обычно она никогда особо не смотрела на фигуры людей, размышляла Катриона. Как правило, она смотрела на лица, практически не обращая внимания на то, что ниже шеи, если, конечно, не считать одежды, обозначающей социальный статус собеседника. Это... нет, не отвращение, а всего лишь дань вежливости, составная часть ее верности мужу, почти такая же автоматическая, как дыхание. Так что для нее было вдвойне обескураживающе поймать себя на том, что она внимательно рассматривает маленького лорда. И должно быть, это было очень грубо с ее стороны, учитывая необычность его телосложения. Лицо Форкосигана, как только она научилась проникать за внешнюю невозмутимость, оказалось... очаровательным, за бесстрастной маской скрывалась бездна остроумия, готового в любой момент превратиться в открытый юмор. И было очень странно видеть это лицо вкупе с телом, на котором отпечатались следы колоссальной боли. Ее немедленной реакцией после шока было желание расспросить его о полученных им боевых ранениях. Все получены далеко отсюда, казалось, шептали эти выдавленные на его коже иероглифы, обещая экзотические повествования. А еще они гласили: «Я выжил. Хочешь узнать, как мне это удалось?»

Да, я хочу это узнать. Катриона помассировала переносицу, как бы желая снять давящую на глаза пульсирующую головную боль. Раздался шелест открываемой двери, и она едва не подпрыгнула от неожиданности. Но, услышав знакомые голоса Тьена и дяди Фортица, успокоилась. Это всего-навсего вернулась охотничья команда, которую она поджидала. Интересно, какую необычную добычу они принесли?

Катриона села и опустила рукава. Было уже далеко за полночь. Выйдя в коридор, она с облегчением обнаружила, что Тумонена с ними нет. Так что она спокойно может запереть дом на ночь, как и положено уважающей себя хозяйке замка. Тьен выглядел напряженным, Форкосиган – усталым, а дядя Фортиц – как всегда.

– Полагаю, Форсуассон, не стоит напоминать о том, что завтрашняя инспекция должна быть неожиданной, – тихо проговорил Форкосиган.

– Безусловно, милорд Аудитор.

– Узнали что-нибудь интересное? – спросила Катриона, запирая замок.

– М-м-м... Госпожа Радоваш не имеет представления, каким образом ее бродяга-муж убред в обломки нашего отражателя, – ответил дядя Фортиц. – А я надеялся, что она что-то знает.

– Очень печально все это. Они казались такой милой парой, когда я с ними встречалась несколько раз.

– Ну, ты же знаешь, что собой представляют стареющие мужчины, – осуждающе пожал плечами Тьен, явно не относя себя к этой категории.

Ах, Тьен, ну почему ты не можешь сбегать с более молодой и богатой женщиной? Может, с ней ты стал бы счастливее. Потому что вряд ли ты можешь стать несчастней, чем ты есть сейчас. Ну почему одним из твоих немногочисленных достоинств является именно верность?

Ну, во всяком случае, насколько ей известно. Хотя в тот, слава Богу, уже миновавший период, когда Тьен обвинял ее в измене, она частенько задумывалась, почему он так одержим мыслью о деянии, представлявшимся для нее совершенно невозможным? Может, именно потому, что он-то как раз на такое вполне способен? Хотя ей в общем-то уже все равно.

Катриона предложила мужчинам перекусить перед сном, но согласился лишь дядя Фортиц. Остальные пошли спать. Когда дядя Фортиц поел и тоже удалился, а она, убрав на кухне, пришла в спальню, заглянув по дороге к Никки, Тьен уже лежал в кровати с закрытыми глазами. Но еще не спал. Потому что во сне он довольно громко храпел. Когда Катриона скользнула под одеяло, он повернулся и крепко обнял ее.

В какой-то абсурдной манере он действительно любит меня. От этой мысли ей захотелось плакать. Какие еще человеческие привязанности есть у Тьена, кроме нее и Никки? Мать, живущая где-то далеко и снова вышедшая замуж, призрак покойного брата? Иногда ночью Тьен цепляется за нее, как утопающий за соломинку.

Если ад существует, то Катриона очень надеялась, что брат Тьена пребывает именно там. В форском аду. Он сделал все правильно, о да, покончив с собой и положив таким образом конец идущей через него мутационной цепочке, показал Тьену пример того, к чему ему следует, если можно так сказать, стремиться. Тьен пытался этому примеру последовать – дважды уже довольно давно и в третий раз относительно недавно. Но его попытки самоубийства как-то больше походили на симуляцию. Первые два раза она пришла в ужас. И какое-то время верила, что ее верность и зависимость от него – единственное, что держит его в этой жизни. Но в третий раз она не почувствовала ничего. Еще чуть-чуть, и она вообще перестанет быть человеком. Она и сейчас почти себя им не ощущала.

Надеясь, что в конечном итоге все же заснет, Катриона закрыла глаза и сделала вид, что спит. Через некоторое время Тьен, тоже лишь делавший вид, что уснул, встал и прошел в ванную. Но, выйдя оттуда, в кровать не вернулся, а направился на кухню. Может, все-таки решил перекусить? Может, разогреть ему молока и смешать его с бренди и пряностями? Старый рецепт ее двоюродной бабушки – успокаивающее питье для внучатой племянницы, хотя большая часть солидной порции в конечном итоге каким-то образом оказывалась в чашке старой леди. Она, улыбаясь воспоминаниям, тихо скользнула за мужем.

Но на кухне горел огонек не от открытого холодильника, там мерцал экран комма. Катриона озадаченно остановилась в дверях. В доме ее родителей в такое несусветное время можно было звонить кому-то только в экстраординарных случаях, как правило, чтобы сообщить о чем-то рождении или смерти. Катриона впитала это с молоком матери.

– Какого черта труп Радоваша делал в космосе? – резко, но тихо говорил кому-то Тьен. Изумленная Катриона узнала одного из подчиненных мужа, администратора Судху. Судха, несмотря на глубокую ночь, был не в пижаме, а в обычной одежде. Работает дома допоздна? Что ж, многие инженеры – трудоголики. Она чуть отошла в тень коридора. – Вы мне сказали, что он уволился!

– Уволился, – подтвердил Судха. – И нас совершенно не касается, что произошло с ним потом.

– Черта лысого не касается! Завтра в нашем департаменте будут кишмя кишеть ищейки из Имперской безопасности! И на сей раз по делу, а не на экскурсии, которую можно поводить кругами, накормить обедом и выпроводить! Отсюда вижу, как Тумонен при одной мысли о завтрашнем дне хищно щурит свои пороссячы глазки!

– Мы с ними справимся. Идите спать, Форсуассон.

Лорд Аудитор Форкосиган сказал тебе открытым текстом, что завтрашняя проверка должна быть неожиданной, Тьен. А он говорит Голосом самого императора. Что ты творишь? Она беззвучно задышала ртом, пытаясь подавить дурноту.

– Они очень быстро обнаружат вашу миленькую схемку, и тогда мы все окажемся в дерьме по уши, – продолжил Тьен.

– Ничего они не найдут. В городе все чисто. Просто не пускайте их на опытную станцию, и мы спокойненько выпроводим их без всякого ущерба.

– Опытная станция – это пустая оболочка. Ваш отдел существует лишь на бумаге. Что, если они пожелают поговорить с кем-нибудь из ваших «мертвых душ»?

– Вроде вас? – Губы Судхи искривились в тонкой улыбке. – Успокойтесь.

– Я не собираюсь тонуть вместе с вами!

– Думаете, у вас есть выбор? – рявкнул Судха. – Слушайте. Все будет в порядке. Они могут заниматься проверкой весь день напролет и обнаружат лишь четкие цифры, которые абсолютно сходятся. Лена Фоскол в бухгалтерии – одна из самых хитрых воровок, которых я когда-либо встречал. Мы настолько их опережаем, что им нас сроду не догнать.

– Судха, они наверняка захотят поговорить с людьми, которых не существует! И что тогда?

– Они в отпуске. Или в поле. Продержимся.

– И как долго? И что потом?

– Идите спать, Форсуассон, и прекратите дергаться.

– Дьявольщина! Это у меня дома три дня отираются два Имперских Аудитора! – Оборвав себя, он сделал глубокий вдох. Судха сочувствующе дернул плечом. Тьен заговорил снова, но уже гораздо спокойней: – И еще одно. Мне нужен аванс. Мне необходимо еще двадцать тысяч марок. И немедленно.

– Немедленно? Ну да, конечно, когда вокруг бродит СБ. Вы заговариваетесь, Форсуассон.

– Я должен получить это деньги, черт подери! Или...

– Или что? Вы пойдете в СБ и сдадитесь? Послушайте, Тьен. – Судха провел рукой по волосам. – Лгите им сейчас. Держите рот на замке. Будьте с этими симпатичными ребятками из Имперской безопасности сахаром медовичем, притащите их ко мне, и мы с ними разберемся. Давайте волноваться последовательно, ладно?

– Судха, я знаю, что вы можете добыть двадцать тысяч. В ваш карман ежемесячно перетекает из бюджета департамента как минимум пятьдесят тысяч марок за счет одних лишь «мертвых душ», и одному Богу известно, сколько еще, – хотя уверен, что ваша милашка бухгалтерша тоже это знает. Что, если они допросят ее с суперпентоталом?

Катриона шагнула еще дальше назад, босые ноги тихо ступали по полу. *О Господи! Что Тьен наделал?* Ответ прост. Как минимум злоупотребление служебным положением и взяточничество, причем в особо крупных размерах. *И как долго это тянется?*

Приглушенные голоса на кухне обменялись еще парой коротких фраз, и голубое мерцание экрана погасло. Теперь в коридор падал лишь свет фонарей из парка. Катриона с колотящимся сердцем скользнула в ванную и закрыла дверь. Быстро подлетев к зеркалу, она, дрожа, уставилась на свое отражение. Через пару минут кровать скрипнула. Тьен улегся обратно.

Она просидела в ванной довольно долго, но, когда наконец выползла, он еще не спал.

– М-м? – промычал Тьен, когда она снова заползла под одеяло.

– Не очень хорошо себя чувствую, – пробормотала она. Что полностью соответствовало истине.

– Бедная Кэт. Съела что-нибудь не то?

– Не знаю. – Она отодвинулась от него. Изображать боль в желудке не было необходимости. Он действительно болел.

– Прими что-нибудь, а? Если ты будешь колобродить всю ночь, мы оба не выспимся.

– Посмотрим. – *Я должна знать.* Через некоторое время она спросила: – Ты сегодня что-нибудь предпринял насчет поездки?

– Нет. Был слишком занят.

Но тем не менее нашел время перевести ее накопления на свой новый счет, как она успела заметить.

– Хочешь... чтобы я занялась организационными вопросами? Тебе не обязательно взваливать все это на себя, у меня полно свободного времени. Я уже выяснила кое-что о возможности лечения на других планетах.

– Не сейчас, Кэт! Мы можем разобраться с этим позже. На следующей неделе, после отъезда твоего дяди.

Она не стала дальше развивать тему, молча глядя во тьму. *Для чего бы ни понадобились ему эти двадцать тысяч марок, они не для того, чтобы сдержать данное мне слово.*

Наконец часа через два он уснул. Катриона смотрела, как течет время, черное и тягучее как смола. *Я должна знать.*

А когда узнаешь, то что? Что ты будешь с этим делать?

Она лежала, дожидаясь рассвета.

Собирая утром Никки в школу, Катриона несколько успокоилась. Дядя Фортиц уехал очень рано, чтобы успеть на катер.

– Вы еще прилетите сюда? – несмело спросила она дядю, помогая ему надеть пиджак в прихожей.

– Надеюсь, что смогу, но обещать не буду. Это расследование и так затянулось несколько дольше, чем я планировал, и приняло довольно неожиданный оборот. Я понятия не имею, когда мы его закончим. – Он чуть поколебался. – Если мы просидим здесь до конца семестра в университете графства, то, возможно, твоя тетя присоединится ко мне. Тебе бы этого хотелось?

Не уверенная, что совладает с голосом, она лишь кивнула.

– Отлично. Отлично. – Дядя собрался сказать что-то еще, но затем пожал плечами и улыбнулся. Обняв ее на прощание, он ушел.

Катрионе практически удалось избежать утренних встреч с Тьеном и Форкосиганом, проведив Никки в транспортной капсуле до школы, чего он терпеть не мог. И домой она вернулась длинной дорогой. Как она и надеялась, к ее приходу квартира была пуста.

Запив таблетки кофе, Катриона нехотя пошла в кабинет Тьена и села за комм.

Жаль, что я не приняла предложения лорда Форкосигана научить меня, как это делается. Ее вчерашнее возмущение лордом-мутантиком сегодня казалось ей чрезмерным. И не к месту. Насколько ее хорошее знание Тьена заменит недостаток практики в такого рода подглядывании? Она подозревала, что практически не насколько, но она все равно должна попытаться.

Приступай. Ты тянешь время специально.

Нет. Я отчаянно его тяну.

Катриона включила комм.

Счета Тьена не были защищены паролем. Доход соответствовал его зарплате. Траты... Если они все зафиксированы, то остаток должен быть довольно скромным. Тьен не позволял себе роскоши в одиночку. Но этот счет оказался пустым. Несколько тысяч марок исчезли бесследно, включая и переведенные вчера ее сбережения. Нет, стоп, трансферт еще сохранился, введенный на скорую руку, и пока не стерт и не спрятан. И это именно трансферт, а не оплата, перечисленная на какой-то счет, которого не видно.

Она проследила его до скрытого счета. На комме возле монитора появился сенсорный замок.

Когда они с Тьеном впервые открывали счета на Комарре меньше года назад, то предусмотрительно позаботились о том, чтобы каждый из них имел доступ к счетам другого, на всякий случай. Эту программу Тьен устанавливал отдельно, или это дочерняя программа от его общей финансовой программы? *Может, не все преимущества только у оперативников СБ,* мрачно подумала она и прижала правую ладонь к замку. *Когда хочешь предать чье-то доверие, то перед тобой открывается широкий спектр возможностей.*

И файл открылся.

Глубоко вздохнув, она приступила к чтению.

Большая часть содержимого оказалась материалами по дистрофии Форзонна. Количество не уступало собранному ею сведениям. Но, судя по всему, новой страстью Тьена был комаррский торговый флот.

Вся экономика Комарры, естественно, строилась на изобилии п-в-туннелей и обеспечении всяческих услуг для проходящих по ним торговых кораблей. Но когда ты скопил такие громадные средства, то куда их реинвестировать? Как ни крути, а количество п-в-туннелей в пространстве Комарры все же ограничено. И Комарра начала развивать свой собственный торговый флот, ее торговые корабли отправлялись в дальние рейсы, длящиеся месяцами, а иногда и годами, и иногда возвращались с умопомрачительной прибылью.

А иногда нет. Рассказы о самых лучших рейсах, вошедших в легенду, были Тьеном выделены. А неудачи, хоть и немногие, надо признать, были им отброшены. Тьен, как всегда, неисконный оптимист. Каждый день должен приносить ему удачу, успех, который вознесет его сразу на вершину без промежуточных ступеней. Будто он и вправду верил, что именно так оно и происходит.

Некоторые из торговых флотилий принадлежали знаменитым семейным корпорациям, олигархам Комарры, таким как семейство Тоскане. Другие пускали свои акции в открытую продажу, и любой комаррец мог стать акционером. И практически каждый комаррец и был таковым, хоть и очень мелким. Катриона как-то слышала шутку одного баррарского чиновника, что это заменяет комаррцам все прочие азартные игры.

А живя на Комарре, живи, как комаррец? С тяжелым сердцем она приступила к финансовой части файла.

Где, во имя Господа, Тьен взял сто тысяч марок, чтобы купить акции флота? Его зарплата – пять тысяч марок в месяц. И зачем он вложил их все в один флот?

Катриона вернулась к изучению первого вопроса, на который в принципе можно было отыскать ответ в файлах, не прибегая к умозрительным заключениям. У нее ушло некоторое время, чтобы разделить кредитный поток на несколько источников. Частичный ответ заключался в том, что Тьен взял под очень высокий процент краткосрочный кредит на шестьдесят тысяч марок, подтвержденный его пенсионным вкладом и акциями флота на сорок тысяч, которые он приобрел... на что? Судя по всему, на деньги, полученные от Судхи. На деньги, пришедшие из ниоткуда.

От Судхи? Это то, что он получал как «мертвая душа»?

Катриона начала читать дальше. Флот, в который Тьен вложил деньги, отбыл с большой помпой и под фанфары. Его акции в течение недели после отлета с Комарры продавались на рынке по растущей цене. Тьен даже нарисовал разноцветный график, чтобы отследить свою прибыль. А потом произошло несчастье. Целый корабль, со всем грузом и командой, погиб из-за ошибки при скачке через п-в-туннель. Флот, теперь неспособный совершить большую часть из запланированной торговой цепочки, поскольку едва ли не большая часть необходимого груза находилась на погибшем корабле, развернулся и прибыл обратно, поджав воображаемый хвост. Некоторые флотилии приносили своим инвесторам прибыль два к одному, хотя обычно средняя прибыль составляла порядка десяти процентов. Золотое Путешествие Марата Галена в прошлом веке вошло в историю тем, что принесло на каждую акцию прибыль сто к одному, дав жизнь как минимум еще паре новых кланов олигархов.

А флот Тьена вернулся с убытком четыре к одному.

Унаследованных им двадцати пяти тысяч, собранных Катрионкой четырех тысяч, его личных сбережений и тощего пенсионного вклада едва хватало, чтобы выплатить две трети долга. А он еще к тому же и просрочил выплаты, судя по разъяренным посланиям кредиторов, собранным в файле. Так что, когда он кричал Судхе, что ему необходимы немедленно двадцать

тысяч марок, Тьен вовсе не преувеличивал. Она не удержалась и подсчитала, за сколько лет она сможет наскрести двадцать тысяч, если будет экономить на хозяйственных нуждах.

Какой кошмар! Его можно даже пожалеть.

Если не считать маленькой проблемки происхождения этих волшебных первых сорока тысяч.

Катриона выпрямилась и потеряла занемевшее лицо. У нее было жуткое ощущение, что она может просчитать скрытую часть цепочки. Эта явно сложная и глубоко зарытая финансовая афера в Департаменте Проекта Терраформирования не была задумкой Тьена. Все его прошлые нечестные поступки были мелкими: невозвращенная неправильно выданная сдача, небольшие приписки в расходных ордерах, обычные проступки, которые совершает практически каждый взрослый человек в минуту слабости. Но Тьен никогда не крал. Судха работает здесь уже пять лет. Значит, это наверняка доморощенное комаррское преступление. А Тьен, только что назначенный главой Департамента сектора «Серифоза», должно быть, что-то пронюхал. И Судха купил его молчание. Итак... барраярский предшественник Тьена тоже брал взятки? Задача для Имперской безопасности.

Но Тьен явно прыгнул выше головы и наверняка это понимает. Отсюда и игра с акциями торгового флота. Если бы флот принес прибыль четыре к одному, а не наоборот, то Тьен смог бы вернуть полученные от Судхи деньги, выплатить долги и вырваться из сетей. Может, такие панические мысли и сидели у него в голове?

И если бы ему повезло – то воплотились бы они в реальность?

И если бы Тьен, как фокусник, вытащил из шляпы сто тысяч марок и рассказал, что заработал их на акциях торгового флота, ты стала бы задавать вопросы об их происхождении? Или прыгала бы от радости и считала его непризнанным гением?

Она сидела скрючившись. У нее болело все: спина, руки, ноги, шея, голова. Болело сердце. Глаза ее были совершенно сухими.

Фор-леди должна быть верной своему супругу. Даже в измене, даже в смерти. Шестая графиня Форвейн последовала за своим мужем и сидела под клеткой, в которой он висел, приговоренный к голодной смерти за участие в Селитряном Заговоре. Объявив голодовку протеста, она умерла на день раньше него от истощения. Великая трагедия, на ее основе поставлена одна из лучших кровавых мелодрам из истории Периода Изоляции. Есть даже видеофильм, хотя в этой версии супруги умирают одновременно, как после совместного оргазма.

Значит, у фор-леди своей чести нет? Разве до появления Тьена в моей жизни я не была цельной личностью?

Да, и я променяла это на клятвы. Что-то вроде того, что поставить деньги на один флот.

Если бы Тьен был охвачен какой-нибудь политической страстью, пусть и неверной, например, встал бы на сторону Фордариана во время последнего дворцового переворота, если бы он следовал своим убеждениям, то она, возможно, последовала бы за ним добровольно. Но то, что он сделал, не имеет никакого отношения к убеждениям, и назвать это трагической ошибкой тоже нельзя.

Это банальная глупость, помноженная на коррупцию. Это не трагедия, это фарс. И в этом весь Тьен. Но и сдав больного мужа властям, чести тоже не восстановишь.

Если я стану еще меньше, стараясь быть ниже него, то скоро исчезну вовсе.

Но если она не фор-леди, то кто же? Шаг в сторону от клятвы быть рядом с Тьеном – шаг во тьму, где можно потерять себя самое вообще.

Но есть, как говорят, одна открытая форточка. Если она уйдет до того как разразится скандал, прежде чем чудовищная правда выплывет наружу, то ведь тогда не будет считаться, что она покинула Тьена в годину бедствий, верно?

Спроси свое сердце воина, женичина. Дезертирство в ночь перед битвой лучше дезертирства в разгар битвы?

И все же если она не уйдет, то станет косвенно причастна к этому фарсу. Только незнание есть невинность, есть благо. А знание... все что угодно, только не сила.

Никто ее не спасет. И никто не может спасти. Даже прошептать «помогите!» означает обречь Тьена на уничтожение.

Она долго сидела молча, неподвижная как статуя.

Глава 8

Капитан Тумонен договорился о встрече с Майлзом и Тьеном в холле дома, где жили Форсуассоны, а не в помещении Департамента Проекта Терраформирования. Казалось бы, элементарная вежливость, но Майлз по этому поводу не обманывался ни секунды. Судя по всему, Имперский Аудитор таки получит телохранителя, хочет он этого или нет. Майлз чуть ли не с нетерпением ожидал возможности понаблюдать, какие чудеса невидимости будет демонстрировать эта жертва вежливой изобретательности Тумонена.

На станции транспортных капсул Майлз воспользовался возможностью запихнуть Тьена в другую машину, заявив, что ему нужно обсудить с Тумоненом дела. Несколько ранних пассажиров сели вместе с администратором, и Тьен уехал. Но как только очередная пара комаррцев, и так мнущаяся при виде зеленой имперской формы, приблизилась достаточно, чтобы разглядеть Глаза Гора в петлицах капитана, то мгновенно передумала присоединяться к маленькой группе Майлза.

– Вы всегда ездите в одиночестве? – поинтересовался Майлз у Тумонена, когда кабина закрылась и машина двинулась вперед.

– Когда я в мундире. Действует как чары, – чуть улыбнулся Тумонен. – Но если хочу подслушать, о чем болтают серифозцы, то всегда езжу в гражданской.

– Ха. Так в каком состоянии библиотека Радоваша нынче утром?

– Я ночью отправил гвардейца из взвода охраны отвезти ее в штаб-квартиру в Солстисе. Солстис в трех временных поясах от нас. Сейчас их аналитик уже приступил к работе.

– Отлично. – Майлз выгнул бровь. Взвод охраны? – Хм... А какова численность отделения Имперской безопасности Серифозы, капитан Тумонен?

– Ну... Я, мой секретарь сержант и два капрала. У нас есть база данных, мы переправляем сведения в штаб-квартиру и оказываем помощь всем следователям, которых присылают из центра. И еще мой заместитель, лейтенант, который командует взводом гвардейцами, охраняющим консульство в Серифозе. У него в подчинении десять человек.

Имперский советник – так в виде реверанса туземцам титуловали барраярского вице-короля Комарры. Прибытие Майлза инкогнито избавило его – или он пожелал считать, что избавило, – от вежливого звонка представителю советника в Серифозе.

– Всего десять человек? Круглосуточно? Всю неделю?

– Боюсь, что так, – криво ухмыльнулся Тумонен. – В Серифозе мало что происходит, милорд. Это был один из наименее активных куполов во время Восстания, и здесь царит традиционная политическая апатия, которую здесь с тех времен культивируют. Из этого сектора оккупационные войска вывели в первую очередь. Один из моих комаррских родственников с пеной у рта доказывает, что дома в центральной секции купола до сих пор не подверглись реконструкции лишь потому, что предыдущее поколение не догадалось сделать так, чтобы имперские силы сровняли их с землей. – Этот старый квартал как раз виднелся вдалеке, когда машина достигла верхней точки дуги, прежде чем нырнуть в следующий туннель. Они скользнули вниз к следующему сектору.

– И все же... апатичные или нет, как вы справляетесь со всеми делами?

– У меня есть фонд для платных осведомителей. Мы платили им, так сказать, по факту, пока я не узнал, что, когда у них нет ничего интересного на продажу, они это сами выдумывают. Так что я сократил их численность вдвое, оставшихся, самых лучших, посадил на зарплату. Мы встречаемся раз в неделю, я даю им задания, и мы с ними немного сплетничаем о том о сем. Я пытаюсь сделать так, чтобы они считали себя гражданскими аналитиками, а не доносчиками. Это значительно улучшило качество и достоверность предоставляемых ими сведений.

– Понятно. У вас есть кто-нибудь в Департаменте Проекта Терраформирования?

– Увы, нет. Он не считается подозрительным с точки зрения безопасности. У меня есть люди в порту, в районе шлюзов, в полиции купола и в некоторых местных правительственных органах. Также мы приглядываем за реактором, воздушной станцией и водными ресурсами – как сами, так и совместно с местными властями. Они проверяют тех, кто приходит к ним на работу, на предмет уголовных досье и психических заболеваний, мы же проверяем на предмет опасных политических связей. Терраформирование находится практически в конце моего списка, а охватить всех мне бюджет не позволяет. Добавлю также, что их требования к проверке служащих одни из самых низких из всех гражданских служб.

– Хм. А эта политика не способствует скоплению там неблагонадежных?

– Многие из комаррской интеллигенции до сих пор не очень жалуют империю, – пожал плечами Тумонен. – Но им тоже надо зарабатывать себе на жизнь. Для того чтобы получить работу в Проекте Терраформирования, возможно, вполне достаточно, чтобы они любили Комарру. Там у них просто нет политических мотивов для подрывной деятельности.

Барто волновало будущее Комарры, говорила вдова Радоваша. Мог ли Радоваш быть одним из неблагонадежных? А если и был, то что? Майлз озадаченно нахмурился, когда капсула остановилась возле здания Проекта.

Тьен Форсуассон ждал их на станции. Как и в прошлый раз, он провел их через атриум наверх, в свою резиденцию. Хотя кое-какие двери и были открыты и там уже, несмотря на раннее утро, кипела работа, сперва они зашли в кабинет Форсуассона.

– У вас есть какие-либо пожелания, как нам поделить работу? – поинтересовался Майлз у Тумонена, задумчиво оглядываясь по сторонам, когда Форсуассон включил свет.

– Я с утра успел быстро переговорить с Андро Фарром, – сообщил Тумонен, – и он назвал мне нескольких коллег Марии Трогир, с которыми она дружила. Думаю, что начну с них.

– Хорошо. Раз вы начнете с Трогир, то я начну с Радоваша, а потом поговорим. Администратор Форсуассон, я, пожалуй, в первую очередь побеседую с шефом Радоваша, доктором Судхой.

– Как вам угодно, милорд Аудитор. Хотите воспользоваться моим кабинетом?

– Нет, лучше я встречу с ним на его территории.

– Тогда я провожу вас вниз. И через несколько минут буду уже в вашем распоряжении, капитан Тумонен.

Тумонен, устроившись за комм-пультом Форсуассона, задумчиво глядел на аппарат.

– Можете не торопиться, администратор.

Форсуассон, озабоченно оглядываясь, повел Майлза на этаж ниже, где находился отдел использования избыточного тепла. Судха еще не пришел. Майлз отправил Форсуассона к Тумонену и медленно обошел кабинет инженера, рассматривая декор и обстановку.

Помещение оказалось довольно пустым. Может, у начальника отдела есть еще одно, более обжитое помещение на его опытной станции? На полке стояло несколько дисков, главным образом по технике. Были работы по космическим станциям и их строительству, поскольку эти сооружения были схожи в чем-то с комаррскими куполами. Но в отличие от библиотеки Радоваша практически отсутствовали материалы по п-в-туннелям и пятимерной математике, за исключением тех, что Судха хранил, видимо, еще со студенческих времен.

Тяжелые шаги известили о прибытии владельца апартаментов. При виде открытой двери и зажженного в кабинете света на лице Судхи мелькнуло удивление, мгновенно сменившееся пониманием, когда он разглядел Майлза.

– А! Доброе утро, лорд Аудитор Форкосиган!

– Доброе утро, доктор Судха. – Майлз водрузил диски на место.

Судха выглядел немного усталым. Он слабо улыбнулся Майлзу.

– Так чем обязан чести вновь лицезреть вас? – Подавив зевок, он придвинул стул к своему столу и жестом предложил Майлзу сесть. – Хотите кофе?

– Нет, спасибо. – Майлз сел и подождал, пока Судха устроится за коммом. – У меня довольно неприятные новости. – Судха стал весь внимание. – Барто Радоваш мертв.

Майлз пристально смотрел на Судху, ожидая реакции.

Доктор моргнул, рот его удивленно раскрылся.

– Какой ужас! Я считал, что для его возраста у него отменное здоровье. Что-то с сердцем? О Господи, бедная Трогир!

– Ничье здоровье не выдержит столкновения с вакуумом без скафандра, каким бы отменным оно ни было. – Майлз решил пока что не вдаваться в подробности о полученных Радовашем травмах. – Его труп обнаружили в открытом космосе.

Судха удивленно поднял брови.

– Они считают, что это как-то связано с аварией с отражателем?

А иначе почему еще это может интересовать Имперского Аудитора? Все верно.

– Возможно.

– А они... А что с Марией Трогир? – Судха задумчиво поджал губы. – Вы не сказали, что она...

– Ее не нашли. Или пока не нашли. Аварийщики продолжают поиски в космосе, а Имперская безопасность ищет во всех остальных местах. И конечно, их следующей задачей будет отследить путь этой парочки от того места, где их в последний раз видели. Что, насколько я понимаю, было несколько недель назад здесь, у вас. И конечно, нам понадобится помощь вашего отдела.

– Безусловно, мы окажем всяческое содействие. Это... это действительно чудовищный поворот событий. Независимо от мнения других по поводу того, как они себя повели...

– А что думаете вы, доктор Судха? Мне бы очень хотелось иметь четкое представление о Радоваше и Трогир. У вас имеются какие-либо соображения?

Судха покачал головой.

– Должен признаться, такой поворот в их взаимоотношениях застал меня полностью врасплох. Но я никогда не интересуюсь личной жизнью моих сотрудников.

– Вы говорили. Но вы тесно сотрудничали с этим человеком целых пять лет. Чем еще он интересовался, кроме работы? Каковы его политические взгляды? Хобби? Увлечения?

– Я... – Судха раздраженно пожал плечами. – Я могу предоставить вам полный список его работ. Радоваш был спокойным человеком, никогда не создавал никаких проблем, выполнял первоклассную техническую работу...

– Да, кстати, а почему вы его наняли? Использование избыточного тепла не очень-то вяжется с его основной специальностью.

– О, просто у него огромный опыт работы на космических станциях. Как вам известно, избыточное тепло в космосе – вечная головная боль для инженеров. Я полагал, что его недюжинный опыт сильно поможет нам в решении стоящих перед нами проблем, и оказался прав. Я очень доволен его работой. Второй раздел отчета, что я предоставил вам вчера, главным образом подготовлен им, так что, если хотите получить представление об этом человеке, то ознакомьтесь с отчетом. Силовые установки и дистрибуция. Гидравлика, представленная в Разделе III, – моя. Жидкостный теплообмен может оказаться весьма перспективным...

– Я ознакомился с вашим отчетом, спасибо.

– Полностью? – изумился Судха. – Я полагал, что доктору Фортицу он понадобится. Боюсь, отчет несколько перегружен техническими подробностями...

Да, представь себе, я прочел вчера все двести тысяч слов перед сном.

Майлз холодно улыбнулся.

– Я принимаю вашу оценку рабочих качеств доктора Радоваша. Но если он был настолько хорош, то почему он уволился? Ему надоело? Он был счастлив? Разочарован? Почему изменения в семейных отношениях привели к смене работы? Я не вижу здесь никакой связи.

– Ну, об этом, я боюсь, вам придется спросить Марию Трогир, – пожал плечами Судха. – Я сильно подозреваю, что движущей силой в данном случае была именно она, хотя уволились и уехали они вместе. Ей было гораздо меньше что терять, увольняясь отсюда. И в зарплате, и в должности, и в статусе.

– Расскажите мне о ней.

– Ну, я действительно мало что могу сказать. Ее нанимал лично Барто и работал с ней ежедневно он. Она ничем не привлекала моего внимания. Ее квалификация была вполне соответствующей. Хотя если подумать, то эта оценка исходит от Барто. Не знаю. – Судха потер лоб. – Все это очень печально. Барто мертв. Почему? – Огорчение в его голосе, на опытный слух Майлза, было неподдельным, но казалось вызванным скорее неожиданностью новости, чем глубокой скорбью о потере близкого друга. Возможно, придется выяснять подробности о Радоваше где-то еще.

– Мне бы хотелось осмотреть кабинет доктора Радоваша и место, где он работал.

– О! Боюсь, его кабинет был вычищен и передан другому.

– Вы взяли кого-то на его место?

– Пока нет. Я пока занимаюсь подбором. И скоро, надеюсь, приступлю к собеседованиям с желающими.

– Радоваш наверняка дружил с кем-то. Я хочу поговорить с его коллегами.

– Конечно, милорд Аудитор. На какое время вы хотите, чтобы я назначил встречи?

– Думаю, что просто зайду к ним.

Судха пожевал губу.

– Многие из моих сотрудников в отпусках, несколько – на опытной станции. Проводят там сегодня утром кое-какие опыты. И я не думаю, что они закончат до вечера. Но вы можете начать с тех, кто сейчас здесь, а когда закончите с ними, возможно, подойдут и другие.

– Хорошо...

С видом человека, приносящего жертву духам вулкана, Судха вызвал двух подчиненных, с которыми Майлз побеседовал по очереди в том же конференц-зале, где вчера походила встреча. Ароцци, инженер, временно исполняющий обязанности Радоваша, оказался молодым человеком, едва ли старше самого Майлза. И возможно, как он сам намекнул, рассчитывающий официально занять место покойного. Не желает ли лорд Аудитор посмотреть что-нибудь из его работ? Нет, он не был близким другом своего начальника. Нет, этот служебный роман оказался для него полной неожиданностью, но Радоваш всегда был скрытным. Трогир – умница и красавица. Ароцци прекрасно понимал, что нашел в ней Радоваш. Что она нашла в Радоваше? Он понятия не имеет, но ведь он не женщина, верно? Радоваш мертв? О Господи... Нет, он не имеет представления, что его бывший шеф делал в космосе. Может быть, парочка пыталась эмигрировать?

От Каппеля, ведущего математика отдела, толку было не намного больше. Чуть старше Ароцци и чуть циничнее. Он воспринял весть о смерти Радоваша внешне более спокойно, чем Ароцци и Судха. Он тоже не был в приятельских отношениях ни с Радовашем, ни с Трогир, хотя и часто работал с инженером. Да, выверял расчеты, делал прикидки. И он с радостью покажет милорду Аудитору еще несколько тысяч страниц своих работ. Не надо? Что собой представляет Трогир? Ну, довольно симпатичная, но несколько хитроватая. Посмотрите, что она сделала с беднягой Радовашем, а? Думает ли он, что Трогир тоже мертва? Нет, вряд ли. Женщины ведь как кошки, всегда приземляются на четыре лапы. Нет, он ни разу не пробовал проверить эту старинную поговорку на живых кошках. У него вообще нет домашних животных. И жены тоже нет. И котенок ему не нужен, спасибо за предложение, милорд Аудитор...

Майлз встретился с Тумоненом за ленчем в местной столовой для руководящего состава, где подавали довольно скверную пищу. Выселенный руководящий состав был вынужден отпра-

виться обедать в другое место. Они обменялись впечатлениями об утренних встречах. Тумонен тоже не обнаружил ничего стоящего.

– Никто не выказал неприязни в отношении Трогир, но такое впечатление, что она была довольно скользкой дамочкой, – заметил Тумонен. – Судя по всему, отдел использования избыточного тепла славится тем, что он вещь в себе. Единственная дама в отделе, которая, предположительно, была ее подругой, мало что смогла сказать. Может, мне стоит прислать сюда следователя-женщину?

– М-м... Может быть... Хотя я считал, что комаррцы равнодушны к таким вещам. Возможно, следователя-женщину из местных? – Майлз вздохнул. – А вам известно, что согласно статистике половина барраярских женщин, получивших образование на Комарре, не возвращается домой? Даже существует группа холостяков паникеров, пытающихся заставить императора отказывать им в выездной визе. Грегор отказывается принимать их петицию.

– Ну, у этой проблемы есть несколько решений, – усмехнулся Тумонен.

– Кстати, а как ваша комаррская родня восприняла помолвку императора с наследницей клана Тоскане?

– Некоторые считают, что это очень романтично. Некоторые – что это разумная деловая сделка со стороны императора Грегора. Между прочим, из уст комаррцев это большой комплимент.

– Реально Грегору принадлежит Зергияр. Вы можете указать на это тем, кто рассуждает о том, что он женится на Лаисе ради денег.

– Да, но разве Зергияр – это наличные? – ухмыльнулся Тумонен.

– Только с точки зрения имперских финансов, утекающих туда рекой, по словам отца. Но это уже совсем другой комплекс проблем. А что думают об этой женитьбе живущие здесь барраярские эмигранты?

– В целом одобряют. – Тумонен сдержанно улыбнулся в чашку с кофе. – Пять лет назад мои коллеги полагали, что своей женитьбой я гроблю себе карьеру. Говорили, что я никогда не выберусь из Серифозы и не получу повышения. А теперь меня считают скрытым гением и смотрят с уважением и опаской. По-моему... это лучше, чем когда надо мной потешались.

– Хе! Вы мудрец, капитан. – Майлз прикончил склизкую порцию макарон с чем-то там и запил остатками остывшего кофе. – Так что же друзья Трогир думают о Радоваше?

– Ну, он, безусловно, сумел оставить о себе вполне определенное мнение. Славный малый, благоразумный, никогда не гнал волны, привязанный к своему отделу, его выходка для большинства оказалась полной неожиданностью. Одна из дам вообще считала, что неровно дышал к Трогир этот ваш математик, Каппель, а вовсе не Радоваш.

– Мне показалось, что он скорее ее терпеть не мог, чем неровно дышал. Может, разочаровался? – В мозгу Майлза быстренько выстроился симпатичный сценарий убийства из ревности, в который входило выталкивание Радоваша из шлюза, откуда он полетел по траектории, лишь случайно совпавшей с траекторией обломков отражателя. Ну да, мечтать не вредно, мой мальчик. К тому же гораздо более логично, что маньяку, желающему освободить для себя местечко возле Трогир, пришлось бы начать с Андро Фарра. И что вся эта любовная дребедень имеет общего с рудовозом, сбившимся с курса и влетевшим в отражатель? Если, конечно, ревнивый маньяк не сам Андро Фарр... Полиция Серифозы теоретически должна изучить и эту возможность.

– Я бы сказал, что получил гораздо большее представление о Трогир из краткой беседы с Фарром, чем от всей остальной команды за все утро, – хмыкнул Тумонен. – Думаю, надо будет поговорить с ним еще раз.

– А я хочу вверх, черт побери! Но если конец этой истории пришел в космосе, то начало ее, безусловно, здесь, внизу. Ну что же... Двигаем дальше, капитан!

Судха обеспечил Майлза еще несколькими человеческими жертвами из числа сотрудников, отозванных с опытной станции. Все они казались более заинтересованными в своей работе, чем в сплетнях, но, возможно, размышлял Майлз, это срабатывает эффект присутствия постороннего. Часам к пяти Майлз вынужден был ограничить свое развлечение тем, что бродил по кабинетам департамента и терроризировал сотрудников, снимая с их коммов выборочные данные, изредка издавая многозначительное «хм», когда они смотрели на него с испуганным восхищением. В этом занятии не было ничего интересного, даже задачки типа взлома скрытых файлов, поскольку аппараты государственного учреждения, повинуюсь печати Аудитора, открывали для него все, независимо от степени секретности материалов. Майлз узнал, что Проект Террафирмирования – огромный проект со столетней научной и бюрократической историей и что любой человек, пытающийся найти какие-то ключи в гигантском скопище данных, – законченный псих.

Хотя если озадачить этим кого-то... *Кого я достаточно сильно ненавижу в Имперской безопасности?*

Он все еще обсасывал эту мысль, когда лениво просматривал файлы Венье на комме в приемной администратора. Нервный Венни сбежал после четвертого «хм», судя по всему, не в силах более выдержать напряжение. Тьен Форсуассон, который почти весь день благоразумно не путался у Майлза под ногами, просунул голову в дверь и неуверенно улыбнулся.

– Милорд Аудитор? Обычно в это время я ухожу домой. Вам что-нибудь еще от меня нужно?

Последние несколько минут мимо двери то и дело проходили направлявшиеся по домам сотрудники, и в кабинетах дальше по коридору везде погас свет. Майлз откинулся на стуле и потянулся.

– Вряд ли, администратор. Я просмотрю еще кое-какие файлы и переговорю с капитаном Тумоненом. Так что вы можете идти. Не стоит опаздывать на ужин. – Образ госпожи Форсуассон, грациозно передвигающейся по кухне, чтобы приготовить ужин супругу, предстал перед его мысленным взором. Майлз прогнал его. – Я заеду попозже за вещами. – Хотя лучше будет... – Или пошлю за ними кого-нибудь из ребят Тумонена. Передайте миледи вашей жене мою глубочайшую признательность за гостеприимство.

Вот так. И все. Конец. Ему даже не придется прощаться с ней лично.

– Непременно, милорд Аудитор. Э-э... Вы рассчитываете завтра прийти сюда снова?

– Это зависит от того, что произойдет за ночь. Всего доброго, администратор.

– До свидания, милорд.

Тьен тихо удалился.

Минут через пять ввалился Тумонен с кучей дисков в руках.

– Нашли что-нибудь, милорд?

– На мгновение я пришел в восторг, когда обнаружил закрытый файл, но это оказался файл Венье с анекдотами о барраярцах. Некоторые очень даже ничего. Хотите экземпляр?

– Это не тот, что начинается вот с этого: «Офицер СБ: То есть как это сбежал?! Ведь я приказал перекрыть все выходы! Солдат: Я перекрыл, сэр! Он ушел через вход».

– Ага. А следующий вот этот: «Цетагандиец, комаррец и барраярец входят в генетическую клинику...»

– Этот сборник я видел, – скривился Тумонен. – Теща прислала.

– Заложил неблагонадежных комаррских друзей, а?

– Ну, вряд ли это входило в ее намерения. Думаю, это скорее личное послание. – Оглядев пустое помещение, капитан вздохнул. – Итак, милорд Аудитор, когда приступим к применению суперпентотала?

– Я здесь и правда ничего не обнаружил. – Майлз задумчиво нахмурился. – Я бы сказал, подозрительно чисто. Может, мне стоит лечь спать, чтобы мое подсознание поиграло с этим.

И я, безусловно, хочу непременно посетить завтра утром их опытную станцию, прежде чем улечу наверх. Ох, капитан, меня так и тянет вызвать солдат, захватить здание, выстроить всех, провести полную финансовую проверку, накачать суперпентоталом все, что движется... Перевернуть это место вверх дном и встряхнуть как следует. Но мне нужен *повод*.

– Это мне нужен повод, – хмыкнул Тумонен. – Причем подтвержденный документами, иначе я рискую карьерой, если изведу впустую такую сумму из бюджета СБ. А вы в отличие от меня являетесь Голосом самого императора. Вы могли бы назвать это учениями.

– Я могу обозвать это хоть кадрилию, – криво усмехнулся Майлз. – Чем оно может и закончиться.

– Я могу связаться со штаб-квартирой, чтобы они держали десантный отряд в боевой готовности, – предложил Тумонен.

– Я вам дам знать завтра утром, – пообещал Майлз.

– Мне нужно вернуться в контору, чтобы разобраться с обычной рутинной, – сказал Тумонен. – Не хотите ли составить мне компанию, милорд Аудитор?

Чтобы ты меня охранял со всеми удобствами?

– Я побуду здесь еще немного. Что-то тут... Что-то меня беспокоит, и я пока никак не пойму, что именно. Хотя перед тем, как лечь спать, я бы хотел переговорить с профессором по закрытой линии.

– Тогда, может быть, когда вы тут все закончите, вы мне позвоните, и я пришлю за вами кого-нибудь из своих людей?

Майлз поразмышлял, не стоит ли отказаться от столь хитроумного предложения, но, с другой стороны, по дороге в контору Тумонена они смогут заскочить на квартиру Форсуассона и забрать вещи. Тумонен будет счастлив, что при лорде Аудиторе находится телохранитель, а лорд Аудитор, в свою очередь, будет несказанно рад сбегать багаж подхалиму, пусть тащит. Короче, все довольны. К тому же присутствие солдата будет поводом не задерживаться у Форсуассонов.

– Договорились.

Тумонен, частично удовлетворенный, кивнул и ушел. Майлз вернулся к содержимому коммента Венье. Кто знает, может, там найдется еще один список анекдотов.

Глава 9

Катриона закончила укладывать последние вещи Форкосигана в его чемодан, причем гораздо аккуратней, чем сам хозяин, судя по степени измятости одежды. Собрав его туалетные принадлежности, она сунула их туда же, затем положила странного вида коробочку с каким-то необычным, вроде бы медицинским прибором. Она понадеялась, что это не какая-то новая разновидность секретного оружия СБ.

Рассказ Форкосигана о сержанте Беатрис не выходил у нее из головы. Она поглядела на отметины на запястьях. О, счастливчик, ему несказанно повезло, что у него не было ни секунды на размышление. А если бы у него были годы, чтобы все обдумать? Часы? Чтобы вычислить массу, силу и скорость падения? Это смелость или трусость – не протянуть руку помощи товарищу, которого заведомо не можешь спасти, и спастись таким образом самому? Если ты командир, то несешь ответственность за других. *И чего бы вам стоило решение сознательно разжать руки и выпустить товарища на верную гибель, капитан Форкосиган?*

Закрыв чемодан, Катриона глянула на хроно. Устройство Никки у приятеля «на всю ночь» – это она сделала в первую очередь – заняло больше времени, чем она рассчитывала. Как и вызов служителей проката, чтобы забрали гравикойку. Лорд Форкосиган говорил о том, что переберется в гостиницу сегодня вечером, но никаких шагов в этом направлении не предпринял. Когда он вернется с Тьеном и обнаружит, что нет ни ужина, ни койки, а его вещи упакованы и стоят в коридоре, он наверняка поймет намек и уберется в мгновение ока. Их прощание будет сугубо официальным и, что самое главное, кратким. Времени почти не осталось, а она еще не собрала свои вещи.

Катриона выволокла чемодан Форкосигана в коридор, вернулась в свой кабинет и усталилась на растения, инструменты и оборудование. Все это совершенно невозможно уложить в сумку, она просто ее не дотащит. Вот еще один сад, который придется бросить. Что ж, во всяком случае, ее сады становятся все меньше и меньше.

Когда-то ей хотелось пестовать свой брак, как сад. Один из легендарных парков великих форов, на которые приезжают полюбоваться люди из дальних графств, восхищаясь сменой цветов по временам года. Такой, который достигает расцвета лет через десять, с каждым годом становясь все ярче и разнообразней. Когда все прочие желания умерли, осколки этой мечты еще продолжали жить, соблазняя ее призрачной надеждой типа «я попытаюсь еще один раз...».

Ее губы скривились в горькой усмешке. Пора уже понять, что ее брак умер. Надо его похоронить, залить цементом и покончить с этим.

Она начала собирать с полки свою библиотеку и складывать дискеты в коробку. Желание быстренько побросать кое-какие вещи в любую хозяйственную сумку и удрать до прихода Тьена было почти нестерпимым. Но ведь все равно рано или поздно придется с ним встретиться. Из-за Никки будет много формальностей, переговоров, юридических запросов и просьб. Неуверенность в исходе дела об опеке над сыном вызывала у нее тошноту. Но она годами шла к этому. Если она не разберется с Тьеном сейчас, когда ярость ее так и кипит, то как она сможет пройти через все остальное, когда к ней вернется хладнокровие?

Катриона прошлась по квартире, выискивая взглядом имеющие для нее ценность вещи. Таких было немного. Большая часть мебели стояла здесь еще до их приезда и здесь и остается. Она периодически пыталась создать уют, сделать это место хоть немного похожим на барраярский дом, посвящала этому долгие часы... Нет, это все равно что решать, что спасти из огня в первую очередь. А ничего. Да гори оно все!

Единственным исключением был бонсаи двоюродной бабушки. Это не только ее единственное материальное воспоминание о жизни до Тьена, но и память о покойнице. Держать нечто столь глупое и уродливое в течение семидесяти лет... Что ж, это типичная обязанность

фор-леди. Катриона горько улыбнулась, втащила деревце с балкона на кухню и начала оглядываться в поисках чего-нибудь, в чем можно его нести. При звуке открывающейся двери она затаила дыхание и постаралась придать лицу максимально бесстрастное выражение.

– Кэт? – Тьен сунулся на кухню и огляделся. – А где ужин?

А я бы сперва поинтересовалась, где Никки. Интересно, через сколько времени эта мысль придет в голову ему?

– Где лорд Форкосиган?

– Остался в конторе. Сказал, придет за вещами позже.

– А! – Катриона поняла, что исподволь надеялась покончить с неприятным разговором, пока Форкосиган будет завершать сборы в ее кабинете. Его присутствие гарантировало подобие безопасности, Тьену пришлось бы держать себя в руках. Что ж, может, так оно и к лучшему.

– Сядь, Тьен. Мне надо с тобой поговорить.

Недоуменно подняв бровь, он тем не менее сел за стол слева от нее. Катриона предпочла бы, чтобы он сел напротив.

– Я от тебя ухожу.

– Что? – Его изумление казалось искренним. – Почему?

Катриона поколебалась. Ей не хотелось начинать дискуссию.

– Думаю... Потому что я иссякла. – Только сейчас, оглядываясь на прожитые тоскливые годы, она начала отдавать себе отчет, сколько сил она вложила, чтобы сохранить брак. Неудивительно, что это тянулось так долго. Теперь все кончено.

– Но... но почему сейчас? – По крайней мере он не сказал «ты шутишь!» – Я не понимаю, Кэт. – Она видела, как его мозги начинают работать, но не в сторону понимания истинных причин, а, наоборот, в совершенно противоположном направлении. – Это из-за дистрофии Форзонна! Дьявольщина, я так и знал...

– Не будь дураком, Тьен. Если бы причина была в этом, я ушла бы уже много лет назад. Я поклялась быть тебе верной в здоровье и в болезни.

Откинувшись на стуле, он нахмурился еще сильнее.

– У тебя кто-то другой? У тебя появился кто-то другой, так?

– Уверена, тебе бы этого очень хотелось. Потому что в этом случае ты смог бы обвинить его, а не себя. – Голос ее звучал ровно и безжизненно. Желудок горел огнем.

Тьен был явно в шоке, его начало трясти.

– Дурдом какой-то! Не понимаю...

– Мне больше нечего сказать.

Катриона начала подниматься, больше всего на свете желая немедленно уйти, оказаться подальше от него. *Знаешь, дорогая, ты вполне могла сделать это по коммю.*

Нет, данные мною клятвы вросли в мою плоть. И я их должна вырвать с корнем.

Тьен поднялся тоже и схватил ее за руки.

– Нет, есть что-то еще!

– Ты знаешь об этом больше, чем я, Тьен.

И тут он заколебался, наконец-то действительно испугавшись. Хотя для нее это не более безопасно. *Впрочем, надо отдать ему должное, он ни разу в жизни меня не ударил.* Какая-то ее часть даже едва не сожалела об этом. Тогда по крайней мере была бы ясность, а не эта тягомотина.

– О чем ты?

– Пusti меня.

– Нет!

Она посмотрела на его ладони, сжимавшие ее руки сильно, но не больно. Все равно он намного сильнее ее. На полголовы выше и тяжелее килограммов на тридцать. Но она боялась

его физической силы гораздо меньше, чем думала. Возможно, потому что слишком одеревенела. Катриона подняла лицо и посмотрела ему в глаза.

– Пусти меня! – резко повторила она.

К ее изумлению, он послушался, руки его неловко повисли.

– Ты должна мне объяснить причину. Или я посчитаю, что здесь замешан любовник.

– Меня больше не волнует, что ты там считаешь.

– Он комаррец? Какой-то чертов комаррец?

Ну да, он в своем репертуаре. А почему нет? В свое время эта тактика сработала, ему удалось тогда меня приструнить. И до сих пор наполовину срабатывает. Катриона дала себе клятву, что словом не обмолвится о его деяниях. Жаловаться – значит косвенно просить помощи, каких-то изменений... продолжения. Жаловаться означает попытаться перевалить ответственность за свое деяние на другого. А действие исключает возможность жаловаться. Так что она должна либо действовать, либо не действовать. И не станет хныкать. Все тем же ровным тоном она заявила:

– Мне известно о твоей игре с акциями, Тьен.

Он открыл было рот и тут же закрыл.

– Я могу все исправить, – наконец сказал он. – Теперь я знаю, что сделал не так. Я могу восстановить потери.

– Сомневаюсь. Где ты взял сорок тысяч марок, Тьен. – Из-за отсутствия всякой интонации это не прозвучало вопросом.

– Я... – Катриона видела по его лицу, как он судорожно соображает, что бы такое соврать. И остановился на самом простом варианте. – Часть я скопил, часть занял. Не только ты умеешь экономить, знаешь ли.

– У администратора Судхи?

Он моргнул, но спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Не важно. Я не собираюсь тебя расспрашивать. – Она устало посмотрела на него. – Я больше не имею к тебе никакого отношения.

Он принялся ходить по кухне из угла в угол.

– Я сделал это ради тебя, – произнес он наконец.

Ну да. Теперь он попытается вынудить меня почувствовать себя виноватой. Во всем я виновата.

Все это было хорошо знакомо, как па некоего привычного танца. Она молча ждала продолжения.

– Все ради тебя. Ты хотела денег. Я вкалывал, как собака, но тебе всегда было мало, так?! – Он говорил все громче, пытаясь изобразить праведный гнев. Несколько фальшиво на ее опытный слух. – Это ты толкала меня на такой шаг своим постоянным нытьем и беспокойством. А теперь, когда у меня ничего не вышло, ты хочешь наказать меня, так?! Но если бы у меня получилось, ты готова была бы меня на руках носить!

А он молодец, вынуждена была признать Катриона. Его обвинения – отражение ее собственных сомнений. Она слушала его патетический монолог с отстраненным удовольствием, как жертва пыток, которая уже перешагнула болевой порог и, не чувствуя боли, любитесь цветом своей крови. *А теперь он попытается вынудить меня пожалеть его. Но я перестала чувствовать жалость. Я перестала чувствовать что бы то ни было.*

– Деньги, деньги, деньги! Это из-за них вся затея? Что ты так жаждешь купить, Кэт?

Твое здоровье, если помнишь. И будущее Никки. И мое.

На глаза мечущегося по кухне Тьена попался ярко-красный бонсаи.

– Ты меня не любишь. Ты любишь только себя! Эгоистка ты, Кэт! Ты любишь эти свои чертовы горшки больше, чем меня. И я тебе это сейчас докажу!

Он схватил горшок и нажал на замок балконной двери. Дверь открывалась слишком медленно для разыгрываемого им спектакля, но он тем не менее протиснулся на балкон и повернулся к жене.

– Так что сейчас полетит через перила, Кэт? Твое драгоценное растение или я? Выбирай!

Катриона не двинулась с места и не произнесла ни слова. *А теперь он попытается напугать меня угрозой самоубийства.* Это что, уже четвертый сценарий сегодняшней пьесы? Его козырная карта, которая прежде всегда решала исход игры в его пользу.

Тьен поднял бонсаи.

– Я или он?

Он пристально следил за ее лицом, ожидая, что она сломается. Нездоровое любопытство призывало ее сказать «ты», просто чтобы посмотреть, как он начнет выкручиваться, но она хранила молчание. Поскольку Катриона молчала, он несколько растерялся, не зная, что предпринять, а потом бросил древнее смешное растение вниз.

С пятого этажа. Она мысленно считала секунды, дожидаясь удара. Раздался глухой стук и треск разлетевшейся глины.

– Осел ты, Тьен. Ты даже не посмотрел, не идет ли кто вниз.

С внезапно появившимся во взгляде ужасом, при виде которого она едва не рассмеялась, Тьен опасливо выглянул вниз. Судя по всему, он все же ухитрился никого не убить, поскольку облегченно вздохнул, повернулся и вошел обратно на кухню.

– Да отреагируй как-нибудь, черт тебя поberi! Что мне еще сделать, чтобы до тебя достучаться?!

– Не утруждайся, – спокойно вымолвила Катриона. – Вряд ли тебе удастся придумать что-то, что сможет разозлить меня еще сильнее.

Тактический список Тьена иссяк, и он потерянно посмотрел на жену.

– Чего ты хочешь? – гораздо тише спросил он.

– Я хочу получить обратно мою честь. Но ты не можешь мне ее вернуть.

Он заговорил еще тише, умоляюще сложив руки:

– Прости меня за бонсаи твоей бабушки. Я не знаю, что...

– И тебе стыдно за воровство в особо крупных размерах, за взяточничество и измену?

– Я сделал это ради тебя, Кэт!

– За одиннадцать лет нашей совместной жизни, – медленно проговорила она, – ты так и не разобрался, кто я. И я этого не понимаю. Как можно прожить с человеком так долго и так близко и не разглядеть его. Может, ты живешь с какой-то придуманной тобой Кэт, не знаю.

– Да чего ты хочешь, черт возьми?! Не могу же я пойти и во всем сознаться! Это же публичный позор! Для меня, для тебя, для Никки, для твоего дяди... Ты ведь не этого хочешь?!

– Я больше никогда в жизни не хочу быть вынужденной лгать. А что станешь делать ты – твоя проблема. – Она глубоко вздохнула. – Но вот что я тебе скажу. Что бы ты впредь ни делал или, наоборот, не делал, отныне лучше делай это для себя. Потому что меня это отныне не касается.

Вот и все. Теперь уже конец. Больше ей не придется снова проходить через это.

– Я... я могу все исправить.

Он имеет в виду бонсаи, их брак, свое преступление? Что бы то ни было, все равно.

Поскольку она молчала, он в отчаянии бросил:

– По баррарским законам Николас мой!

Очень интересно. Никки был единственным средством, к которому он никогда прежде не прибегал. Она поняла, что до него наконец дошло, насколько серьезно ее решение. Отлично. Оглядевшись, он запоздало спросил:

– А где Никки?

– В безопасном месте.

– Ты не можешь его у меня отнять!

Могу, если ты будешь в тюрьме. Но произнести это вслух она не потрудилась. При сложившейся ситуации Тьен вряд ли рискнет прибегнуть к закону, чтобы отнять у нее Никки. Но ей хотелось избавить сына от лишних переживаний. Эту войну она начинать не станет, но, уж если Тьен осмелится ее начать, она доведет ее до конца. Она холодно смотрела на мужа.

– Я все исправлю. Я могу. У меня есть план. Я думал над этим весь день.

Тьен и его план – это примерно так же безопасно, как двухлетний малыш с плазмотроном.

Нет. Ты больше на себя ответственности за него не возьмешь. Не для того ты все это затевала, помнишь?

– Делай, что хочешь, Тьен. А я пошла заканчивать сборы.

– Подожди... – Он подошел к ней. Катриона занервничала, когда он оказался между ней и дверью, но вида не показала. – Подожди. Вот увидишь. Я все исправлю. Подожди здесь!

Махнув ей рукой, он метнулся к входной двери и исчез.

Она прислушалась к его удаляющимся шагам. И только когда услышала звук спускающегося лифта, вышла на балкон и глянула вниз. Внизу разбитый бонсаи лежал влажной кучкой на тротуаре, сломанные красные веточки – как капли крови. Прохожие с любопытством смотрели на него. Через минуту она увидела, как Тьен вышел из здания и направился через парк к стоянке, время от времени едва не переходя на бег. Он дважды оглянулся на их балкон, но Катриона отошла в тень. Тьен исчез в здании станции.

Казалось, от напряжения болели все мышцы. Ее тошнило. Катриона вернулась на кухню и выпила стакан воды. Потом она прошла в свой кабинет, взяла ведро, пластиковый пакет и совочек, чтобы собрать с тротуара останки бонсаи.

Глава 10

Майлз сидел за столом администратора Форсуассона, методично изучая досье на всех служащих отдела избыточного тепла. По сравнению с другими отделами в нем было очень много сотрудников. Этот отдел – явно любимое детище Финансового департамента Проекта. Предположительно большинство сотрудников проводит массу времени на опытной станции, поскольку в основном здании помещения этого отдела довольно скромные. Вечно беспокойное подсознание Майлза сожалело, что он сегодня не начал исследование жизненного пути Радоваша на опытной станции, где можно предпринять активные действия, вместо того чтобы переворачивать тонны бюрократической зануды. А еще больше он сожалел, что во время ознакомительной поездки не посетил опытную станцию... Хотя нет. Тогда он еще не знал, что искать.

А сейчас знаешь? Покачав головой, Майлз приступил к следующему файлу. Тумонен взял список сотрудников и в свое время переговорит со всеми, если не произойдет ничего такого, что повернет расследование в другом направлении. Например, найдется Мария Трогир. Этот пункт шел первым в списке составленных Майлзом для СБ пожеланий. Он повел плечами, разминая спину, затекшую от долгого сидения в холодном помещении.

В коридоре раздались быстрые шаги и кто-то свернул в сторону приемной. Майлз поднял голову. Тьен Форсуассон, слегка запыхавшийся, на мгновение остановился в дверях своего кабинета, затем решительно вошел. Он нес две толстые куртки, свою и своей жены, ту самую, что Майлз надевал в прошлый раз, и еще – респиратор с надписью «Посетитель. Размер средний». Форсуассон улыбнулся с едва сдерживаемым возбуждением.

– Милорд Аудитор! Как хорошо, что я вас застал!

Майлз закрыл файл и с любопытством посмотрел на Форсуассона.

– Приветствую вас, администратор. Что привело вас обратно?

– Вы, милорд. Мне срочно необходимо поговорить с вами. Я должен... показать вам кое-что, что я обнаружил.

Майлз жестом указал на комм-пульт, но Форсуассон покачал головой:

– Не здесь, милорд. На опытной станции отдела избыточного тепла.

Ага!

– Прямо сейчас?

– Да, ночью, пока никого нет. – Форсуассон положил принесенный респиратор на стол, подошел к стоящему у дальней стенки ящику и достал свой персональный респиратор. Повесив маску на шею, он торопливо застегнул нагрудные ремни, фиксирующие запасной кислородный баллон.

– Я реквизировал флайер, он ждет нас внизу.

– Хорошо... – Так, и к чему все это? Вряд ли стоит надеяться на то, что Форсуассон отыскал Марию Трогир, запертую на станции в каком-нибудь шкафу. Майлз проверил респиратор – индикаторы питания и уровня кислорода показывали полную зарядку – и надел его. Сделав пару проверочных вдохов и выдохов, чтобы убедиться, что все работает нормально, он стянул маску вниз и напялил куртку.

– Сюда... – Форсуассон шел широким шагом, несказанно раздражающим Майлза. Бежать за длинноногим Тьеном он не собирался. Так что администратору пришлось дожидаться его у лифтовой шахты, нетерпеливо постукивая ногой. На сей раз, когда они спустились в гараж, флайер их уже поджидал. Стандартный двухместный аппарат без всяких наворотов, но в отличном состоянии.

Зато в пилоте Майлз был далеко не так уверен.

– Так из-за чего все же весь сыр-бор, Форсуассон?

Форсуассон, упершись рукой о кабину, посмотрел на Майлза с вызывающей тревогой настойчивостью.

– Каковы правила объявления себя Имперским Свидетелем?

– Ну... Самые разные. В зависимости от обстоятельств, я полагаю. – Майлз несколько запоздало сообразил, что не настолько подкован в баррарском законодательстве, как следовало бы быть Имперскому Аудитору. Придется побольше читать. – То есть... Я не думаю, что человек может сам провозгласить себя таковым. Обычно это предмет торга между потенциальным свидетелем и той юридической инстанцией, которая ведет данное конкретное дело. – И случается крайне редко. После окончания Периода Изоляции и с появлением суперпентотала и прочих галактических медикаментозных средств властям, как правило, нет необходимости выторговывать правдивые показания.

– В данном случае этой властью являетесь вы, – сказал Тьен. – И правила могут быть такие, какие угодно вам, не так ли? Потому что вы – Имперский Аудитор.

– Э-э... Возможно...

Форсуассон удовлетворенно кивнул, открыл кабину и скользнул в кресло пилота. Майлз неохотно уселся рядом. Они пристегнули ремни безопасности, и флайер двинулся к выходу из гаража.

– А почему вы спрашиваете? – осторожно закинул удочку Майлз. Форсуассон выглядел как человек, которому действительно не терпится выдать что-то весьма интересное. Ни за что в мире Майлз не захотел бы спугнуть его. И в то же время надо быть предельно осторожным в обещаниях. Он – зять твоего коллеги Аудитора. Ты только что вляпался в этическую проблему.

Форсуассон ответил не сразу. Он поднял флайер вверх к ночному небу. Огни Серифозы освещали бегущие облака, частично закрывавшие звезды. Но когда они вылетели из городка-купола, звезды предстали во всей красе. Простиравшийся за пределами купола ландшафт, лишенный деревьев и вообще всяких следов человеческой деятельности, свойственных более гостеприимным мирам, таял во тьме. Лишь к юго-западу уходила монорельсовая дорога – тоненькая блестящая ниточка на мертвой земле.

– Мне, кажется... – начал наконец Форсуассон и судорожно слотнул. – Мне, кажется, наконец удалось собрать достаточно улик, свидетельствующих о попытке совершить преступление против Империи, чтобы возбудить дело. Надеюсь, я не слишком с этим затянул, но я хотел быть полностью уверенным.

– Уверенным в чем?

– Судха пытался подкупить меня. И я не уверен, что он не подкупил моего предшественника.

– Вот как? А зачем?

– Использование избыточного тепла. Весь отдел – сплошная туфта, одна оболочка. Я не знаю точно, сколько времени это тянется. Им удавалось дурачить меня... месяцами. Я хочу сказать... Целое строение, полное оборудования, в нерабочий день. Откуда мне было знать, что делает это оборудование? Или не делает? Или что там никаких других дней, кроме как нерабочих, просто не бывает?

– И как давно... – «вы это знаете», хотел спросить Майлз, но прикусил язык. Вопрос преждевременный. – Так что же они делали?

– Сосали деньги из бюджета. Насколько мне известно, все началось с малого, или вообще случайно – кого-то из уволившихся забыли вычеркнуть из ведомости, а Судха сообразил, как прикарманить предназначавшееся этому человеку жалованье. «Мертвые души». В его отделе полно фиктивных служащих, а зарплата на них идет. И оборудование закупается – у Судхи в бухгалтерии есть какая-то дамочка, которая все прикрывает. Все формы и балансы составлены как надо, все цифры сходятся. Они обвели вокруг пальца Бог знает сколько фининспекторов,

потому что бухгалтеры, которых направляют сюда с проверкой из центра, не знают, как проверять науку, они умеют проверять лишь финансовые отчеты.

– А кто проверяет научные результаты?

– В этом-то и весь фокус, милорд Аудитор. От Проекта Терраформирования никто и не ждет скорых результатов, во всяком случае, таких, которые можно немедленно оценить. Судха выдает научные отчеты в большом количестве, с этим у него все в порядке, и точно в срок. Но сдается мне, что он их попросту переписывает с предыдущих отчетов других секторов и добавляет немного отсебятины.

Комаррский Проект Терраформирования действительно был бюрократическим омутом, едва ли не последним в списке неотложных дел Баррарской империи. Не слишком существенный объект, к тому же отличное место отстоя для некомпетентных вторых сынков форских фамилий, чтобы убрать их с глаз долой. Место, где они не смогут причинить никакого вреда, поскольку Проект большой и медленный в реализации, и они могут там крутиться довольно долго, а потом уйти прежде, чем нанесенный ими ущерб, ежели таковой случится, вообще можно будет вычислить.

– Кстати о мертвых душах – какое отношение имеет смерть Радоваша к этому казнокрадству?

– Я не уверен, что связь есть, – поколебавшись, ответил Форсуассон. – Разве что она привлекла внимание Имперской службы безопасности и погнала волну. В конце концов, он же уволился за много дней до смерти.

– Это Судха говорит, что он уволился. А Судха, исходя из ваших слов, искусный лжец и специалист по фальсификации данных. Мог Радоваш, скажем, пригрозить Судхе выдать его, и Радоваша убили, чтобы обеспечить молчание?

– Но Радоваш сам в этом деле по уши увяз! Он сидел тут годами! Я хочу сказать, что наверняка все об этом знали. Они не могут не знать, что не делали той работы, что фигурирует в отчетах!

– М-м-м, это во многом зависит от того, насколько гениально Судха составлял свои отчеты. – Личное дело Судхи свидетельствовало о том, что он далеко не дурак и не посредственность. Может, досье персонала он тоже состряпал? Бог мой, это ведь означает, что я не могу доверять никаким данным на коммах этого проклятого отдела! А он сегодня угробил почти весь день на эти коммы! – Возможно, Радоваш пересмотрел свои позиции.

– Да не знаю я! – жалобно взвыл Форсуассон, искоса глядя на Майлза. – Я хочу, чтобы вы не забыли, что это я все раскопал. Я их сдал. Как только полностью удостоверился.

Его настойчивость подсказывала Майлзу, что администратор прознал о казнокрадстве задолго до того, как поведал об этом Майлзу. Может, взятка была не только предложена, но и принята? И все были довольны, пока не пошла волна? Это что, всплеск патриотического долга со стороны Форсуассона или же он поспешил сдать Судху и компанию прежде, чем те сдадут его?

– Я не забуду, – нейтрально ответил Майлз. Он задним числом сообразил, что отправиться на ночь глядя вдвоем с Форсуассоном на какой-то пустынный объект, даже не поставив в известность Тумонена, – не самый блестящий вариант. Хотя он сильно сомневался, что в присутствии капитана СБ Форсуассон стал бы так откровенничать. И пожалуй, лучше не обсуждать с Форсуассоном его шансы вылезти сухим из воды, пока они не вернутся в Серифозу и не окажутся в обществе Тумонена и еще парочки горилл из службы безопасности. Парализатор в кармане Майлза служил некоторым утешением. Надо будет немедленно связаться с Тумоненом по ручному комму, как только Форсуассон окажется за пределами слышимости.

– И расскажите об этом Кэт, – добавил Форсуассон.

А? Госпожа Форсуассон-то тут при чем?

– Давайте сначала посмотрим на эти ваши улики, а там видно будет.

– То, что вы главным образом увидите, это отсутствие улик, милорд, – сообщил Форсуассон. – Там здоровенное... пустое помещение.

Форсуассон выровнял флайер, и они начали спускаться к опытной станции. Станция была хорошо освещена внешними лампами, как предположил Майлз, автоматически включившимися с наступлением сумерек. Когда они подлетели ближе, Майлз заметил, что стоянка возле станции не пуста. Там стояло полдюжины легких и тяжелых флайеров. Несколько окон небольшого здания конторы светились мягким светом, и прозрачные переходы между секциями станции тоже были освещены. А еще здесь оказались два больших грузовых фургона-подъемника, один из них стоял на погрузочной площадке возле большого глухого серого цеха.

– Довольно шумно, на мой взгляд, – заметил Майлз. – Для пустой оболочки.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Форсуассон.

Растительность, выросшая здесь Майлзу по щиколотку, довольно успешно противостояла холоду, но ее явно не хватало, чтобы укрыть флайер. Майлз собрался было приказать Форсуассону погасить все бортовые огни и спрятать флайер за небольшую возвышенность, вне пределов видимости, хотя это и означало, что оттуда придется идти пешком. Но Форсуассон уже пошел на посадку. Посадив машину, он выключил двигатель и неуверенно посмотрел на цех.

– Может быть... может быть, вам сначала лучше держаться в стороне, – озабоченно сказал он. – Меня-то они не испугаются.

Он совершенно очевидно не понимал, что этими словами выдал себя с головой. Оба застегнули респираторы, и Форсуассон откинул колпак кабины. Прохладный ночной воздух лизнул кожу. Сунув руки в карманы, якобы чтобы согреть, Майлз коснулся парализатора и двинулся следом за Форсуассоном, держась в паре шагов позади. Оставаться за пределами видимости – это одно, а выпускать Форсуассона из поля зрения – совсем другое.

– Попробуйте сначала заглянуть в цех, – окликнул администратора Майлз. Из-под маски голос его звучал глухо. – Проверьте, не сможем ли мы разобраться, что здесь происходит, прежде чем вы столкнетесь с про... э-э... заговорите с кем-нибудь.

Форсуассон свернул к открытому погрузочному люку, возле которого стоял катер. Майлз прикинул, насколько велики шансы, что кто-то, ненароком выглянувший и заметивший чужака в неверном свете, спутает его, Майлза, с Никки? Таинственность Форсуассона, наложившись на его собственную паранойю, заставляла Майлза нервничать, хотя здоровая часть его мозга уже просчитала, что шансы на то, что все обойдется, а Форсуассон просто ошибся, довольно высоки.

Они поднялись по пешеходной дорожке в отгрузочный цех и обошли его. На уши немного давило. Когда они обогнули грузовой катер, Майлз на мгновение поднял респиратор. Сейчас он свяжется с Тумоненом, как только...

Майлз остановился слишком поздно, чтобы остаться незамеченным для парочки, спокойно стоявшей возле нагруженной оборудованием платформы. Женщина, направляющая при помощи панели дистанционного управления беззвучно плывущую в воздухе платформу в катер, оказалась госпожой Радоваш. А мужчина – администратором Судхой. Парочка в полном ошалении устала на неожиданных визитеров.

Мгновение Майлз разрывался между желанием включить комм и выхватить парализатор, но, когда Судха потянулся к отвороту куртки, боевая выучка возобладала, и рука Майлза нырнула в карман. Форсуассон полуобернулся, его рот раскрылся в готовом вырваться крике. Майлз мог бы решить, что этот идиот затащил его в засаду, только вот Форсуассон казался удивленным поворотом событий гораздо сильнее, чем сам Майлз.

Судха ухитрился извлечь парализатор буквально на полсекунды раньше. *Ах ты, черт! Я ведь не спросил у Ченко, какотреагирует мой контролирующий чип, если я попаду под удар парализатора...* Парализующий луч ударил ему прямо в лицо. Голова дернулась от боли, к счастью, недолгой. На цементный пол Майлз рухнул уже без сознания.

Он очнулся с обычной после удара парализатора мигренью, в глазах мельтешили круги, боль пронизывала всю голову, от лба до позвоночника. Он немедленно закрыл глаза, защищая их от слишком яркого света ламп. Мутило так, что вот-вот грозило вывернуть наизнанку. И тут Майлз сообразил, что респиратор по-прежнему на нем, и по привычке опытного астронавта подавил позыв к рвоте. Сглотнув, он сделал глубокий вдох, и опасный позыв миновал. Ему было холодно, и он сидел в очень неудобной позе, полуповиснув на руках. Майлз снова открыл глаза и осмотрелся.

Он находился снаружи, на прохладном комаррском воздухе, и был прикован к металлическим перилам, идущим вдоль наружной стены цеха опытной станции. Разноцветные лампочки, расставленные в зеленых насаждениях в нескольких метрах под ним, красиво освещали здание и бетонную дорожку, откуда и бил этот слепящий свет. За цветными лампочками практически все исчезало во тьме. Перила были самые обычные: вбитые через равные промежутки в бетон металлические стержни. А между ними – перекладины. Майлз стоял на коленях на холодном и жестком бетонном полу, с запястьями, прикованными (Прикованными? Да, прикованными) наручниками с простым замком к двум столбикам перил. Поэтому-то он и висит в полураспятом состоянии.

Комм все еще оставался у него на левой руке. Но дотянуться до него правой он, условно, не может. Или – Майлз таки попытался – головой. Майлз вывернул руку и прижал замок к перилам, но тот был отрегулирован на противоударный режим. Он тихо выругался в маску респиратора. Судя по всему, маска сидела плотно, и кислородный баллон тоже был на месте, пристегнутый под курткой на груди. Интересно, кто это застегнул ему куртку до самого подбородка? Ладно, не важно, главное – надо быть предельно осторожным, чтобы случайно не сдвинуть маску. Иначе он не сможет ее поправить.

Итак... парализатор спровоцировал припадок, пока он был без сознания, или все еще предстоит? Ведь очередной приступ уже на подходе. Оборвав льющиеся потоком ругательства, Майлз сделал несколько глубоких успокаивающих вдохов, которые, впрочем, несколько не обманули его тело.

В нескольких метрах справа от себя Майлз обнаружил Тьена Форсуассона, прикованного, как и он, между двумя столбами. Голова администратора безвольно свесилась на грудь. Он явно еще не очухался. Майлз попытался уговорить завязавшийся где-то в районе солнечного сплетения узелок ужаса, что во всем этом деле есть хоть одна светлая точка. И мрачно улыбнулся под маской. Вообще-то, если подумать, он предпочел бы, чтобы Форсуассон был на свободе и мог бы помочь. Хотя было бы гораздо лучше оставить Тьена прикованным и освободиться самому, чтобы позвать на помощь. Но попытки вывернуть руки из наручников привели лишь к тому, что он едва не стер в кровь запястья.

Если бы они хотели тебя убить, то ты был бы уже мертв, пытался он убедить свое дергающееся тело. *Если они, конечно, не садисты, жаждущие медленной и мучительной смерти своим противникам. Да что я им всем сделал? Кроме того, что я просто баррарец вообще и сын Эйрела Форкосигана в частности...*

Медленно текли минуты. Форсуассон пошевелился и застонал, затем снова впал в бессознательное состояние. Но теперь Майлз хоть был уверен, что Тьен жив. Пока. Наконец послышались приближающиеся шаги. Майлз осторожно повернул голову.

Из-за закрывающей лицо маски и толстой куртки Майлз сначала не понял, мужчина это или женщина. Но когда человек приблизился, он узнал выходящие светлые с проседью волосы и карие глаза женщины, которую им с Фортицем представили в первый день. Бухгалтер, та самая аккуратистка, которая потрудилась сделать копию своего отчета и для Майлза. Ха! На маске респиратора была написана фамилия женщины. Фоскол.

Она встретила с ним взглядом.

– О, добрый вечер, лорд Аудитор Форкосиган! – Женщина говорила достаточно громко, чтобы ее было хорошо слышно сквозь маску.

– Добрый вечер, госпожа Фоскол, – ответил Майлз, умудрившись говорить так же громко, как и она. Если только ему удастся ее разговорить...

Фоскол вытащила из кармана что-то металлическое и блестящее.

– Это ключ от ваших наручников. Я положу его вот сюда. – Она положила ключ на бетонную дорожку приблизительно посередине между Майлзом и Форсуассоном. – Не дайте кому-нибудь случайно сбросить его вниз. Иначе вы его там будете долго искать.

Она задумчиво посмотрела на растительность внизу.

Надо полагать, кто-то ожидается. Спасательная команда? Из этого вытекает, что Фоскол, Судха и госпожа Радоваш – кстати, а она-то что тут делает? – не собираются здесь оставаться, чтобы вручить ключ персонально.

Она снова полезла в карман и достала дискету, аккуратно упакованную в пластик.

– А вот это, милорд Аудитор, полный отчет о взятках, полученных администратором Форсуассоном. Сумма за последние восемь месяцев составляет порядка шестидесяти тысяч марок. Номера счетов, куда пошли деньги – все, что вам понадобится для суда. Я собиралась отправить ее капитану Тумонену, но сочла, что так даже лучше. – В уголках ее глаз появились веселые морщинки, когда она улыбнулась ему под маской. Наклонившись, женщина тщательно приклеила дискету Форсуассону на спину. – С моими наилучшими пожеланиями, милорд.

Выпрямившись, она отряхнула руки, как после грязной работы.

– Что вы делаете? – начал Майлз. – И вообще, что вы все тут делаете? Почему госпожа Радоваш...

– Ладно, ладно, лорд Форкосиган, – оборвала она. – Уж не думаете ли вы, что я специально задержалась, чтобы с вами покалякать?

Форсуассон дернулся, застонал и икнул. Несмотря на сквозившее в ее глазах презрение, с каким она смотрела на скрючившуюся фигуру администратора, женщина все же задержалась на минутку, желая убедиться, что Тьена не вырвет в маску. Форсуассон уставился на нее мутными глазами, моргая от удивления и – Майлз был совершенно уверен – боли.

Майлз сжал кулаки и дернул цепи. Фоскол ласково посмотрела на него:

– Не пораньтесь, пытаясь освободиться. Сюда непременно кто-нибудь явится и освободит вас. Но, к сожалению, я не смогу при этом присутствовать.

Повернувшись, она удалилась по дорожке и исчезла за углом. Поскольку они с Форсуассоном были прикованы с обратной от Серифозы стороны здания, Майлз не увидел, как улетел грузовик.

Судха опытный инженер. Не установил ли он реактор на саморазрушение? – пришла в голову Майлза непрошенная мысль. Взрыв уничтожит все следы, Форсуассона, а заодно и Майлза. А если Судха правильно рассчитал время, то взрыв может прихватить и спасательный отряд Имперской безопасности... Но Фоскол, судя по всему, хотела, чтобы приклеенной к спине Форсуассона дискетой с уликами могли воспользоваться. А это как-то противоречит сценарию, в который входит превращение опытной станции в нечто вроде радиоактивной ямы, в которую обратили в свое время цетагандийцы Форкосиган-Вашнуй. Кажется, Судха и компания военным мышлением не обладают. Слава Богу. Эта сценка явно задумана с целью максимально унижить, а от унижения еще никто не умирал.

Хотя их родственники... Майлз подумал об отце и содрогнулся. А еще Катриона с Николасом и, конечно, лорд Аудитор Фортиц... О да!

Форсуассон, наконец-то полностью придя в себя, дернулся и обнаружил, что скован. Выругавшись, он начал отчаянно дергаться. Примерно через минуту он прекратил это занятие, огляделся и увидел Майлза.

– Форкосиган! Кой черт здесь происходит?

– Судя по всему, нас убрали с дороги, чтобы не путались под ногами и не мешали Судхе и его друзьям смотреть удочки с опытной станции. Надо полагать, они сообразили, что их время вышло. – Майлз подумал, стоит ли сообщать Форсуассону о том, что приклеено к его спине, но решил, что нет необходимости. Мужик и так тяжело дышал от усилий. Форсуассон еще некоторое время монотонно ругался, затем обнаружил, что повторяется, и замолк.

– Расскажите-ка мне об этой схеме изъятия казенных денег, разработанной Судхой, – нарушил Майлз воцарившееся молчание. Тишину комаррской ночи не нарушало ни чириканье птиц, ни стрекот насекомых, ни шелест листвы на слабом прохладном ветерке. И из здания у них за спиной не доносилось ни звука. Только шум работы их респираторов. – Когда вы это обнаружили?

– Только... вчера. За неделю до вчерашнего дня. Я думаю, Судха запаниковал и попытался подкупить меня. Я не хотел ставить в неловкое положение дядю Фортица, обнаружив это, пока он был здесь. К тому же я должен был во всем окончательно убедиться, прежде чем обвинять всех подряд.

А Фоскол утверждает, что ты лжешь. И Майлз уже не знал, кому из них верить. Фоскол вполне могла состряпать улики против Тьена с той же легкостью, с какой подделывала бухгалтерские документы. В этом придется разбираться экспертам Имперской безопасности, и очень тщательно.

Майлз и сочувствовал Форсуассону, и не доверял ему – странное состояние, вызванное мигренью. Он никогда не рассматривал суперпентотал как средство от головной боли, но очень жалел, что у него нет под рукой инъектора, чтобы прямо сейчас всадить хорошую дозу Форсуассону. Позже, пообещал себе Майлз. Но всенепременно.

– И это все, что здесь происходит, вы считаете?

– Что значит «все»?

– Ну, я не совсем... На месте Судхи и его группы, если бы мне пришлось бежать с места преступления... У них был запас времени, чтобы подготовить отход. Возможно, недели три-четыре, если они знали, что тело Радоваша скорее всего найдут в космосе. – И какого черта тело Радоваша там все же оказалось? У меня по-прежнему нет ключа к разгадке. – И даже больше, если у них был подготовлен план эвакуации, а Судха – инженер, насколько я понимаю. В его схеме обязательно должны быть предохранители. Разве не проще было разбежаться в разные стороны, налегке, и попытаться покинуть Империю поодиночке или попарно... А не удирать всем скопом, да еще на двух грузовиках, полных... За каким чертом им могли понадобиться целых два грузовика? Уж наверняка не для их денег.

Форсуассон покачал головой, слегка сдвинув маску. Ему пришлось потереться лицом о перила, чтобы поставить ее на место. Через некоторое время он тихо позвал:

– Форкосиган?

По его жалкому тону Майлз подумал, что малый наконец собрался с духом рассказать все до конца.

– Да? – поощрительно проговорил он.

– У меня почти кончился кислород.

– Вы что, не проверили?..

В пульсирующем мозгу Майлза вспыхнула картинка: вот Форсуассон хватается свой респиратор из ящика в кабинете и натягивает его. Нет. Он его не проверил. При обычных условиях полностью заряженный респиратор рассчитан на двенадцать – четырнадцать часов активной работы. Маска Майлза предположительно взята со склада, где в обязанности техников входит проверка и дозарядка использованных респираторов перед тем, как снова пустить их в ход. «Не забудь заправить свой респиратор», – сказала Форсуассону жена, а он ее грубо оборвал. Может, Форсуассону свойственно бросать свою экипировку как попало? У него в конторе гос-

пожа Форсуассон не может присматривать за ним так же хорошо, как она это наверняка делает дома.

Когда-то Майлз мог запросто сломать свои хрупкие кости и вытащить руку из оков, пока она не начнет распухать. Как-то раз он проделал этот фортель, по одному весьма достопамятному случаю. Но теперь все кости у него искусственные, и их сломать куда сложнее, чем даже обычные здоровые кости. Единственное, чего он добьется, это просто в кровь изранит руки.

Запястья Форсуассона тоже начали кровоточить, когда он снова стал отчаянно пытаться сломать оковы.

– Не дергайтесь, Форсуассон! – рявкнул Майлз. – Берегите кислород. Скоро сюда кто-то придет. Сидите тихо, дышите медленней и реже. – Почему этот идиот не сказал ему об этом раньше? Или хотя бы не сказал Фоскол. Или Фоскол на это и рассчитывала? Может, она обрекла их обоих на смерть, одного за другим?.. Сколько времени пройдет, прежде чем пожалует обещанная помощь? Дня два? Убийство Имперского Аудитора в процессе следствия считается тяжелейшим государственным преступлением, даже хуже, чем убийство правящего графа, и лишь немногим уступает убийству самого императора. Это стопроцентная гарантия, что все силы Имперской службы безопасности обрушатся на казнокрадов, невзирая на расстояние и дипломатические барьеры. И будут преследовать их десятилетиями, если нужно. Пока не найдут. Это либо чистое самоубийство, либо фантастическая наглость. – Сколько у вас осталось?

Форсуассон прижал подбородок и попытался рассмотреть датчик на баллоне под курткой.

– О Боже! По-моему, он на нуле!

– У этих штук всегда есть аварийный запас. Сиди спокойно, парень! Попытайся взять себя в руки!

Но Форсуассон вместо этого начал рваться еще сильнее. Со всей своей немалой силой он раскачивался взад-вперед, пытаясь сломать перила. По его запястьям ручьем текла кровь, перила гнулись и скрипели, но не ломались. Тогда он подтянул колени и, оттолкнувшись, рухнул с дорожки вниз, стараясь своей массой оборвать наручники. Но наручники выдержали, а вот Форсуассон не смог уже подтянуть ноги и вылезти на дорожку. Подошвы сапог беспомощно заскребли по стене. Судорожный кашель привел к тому, что его таки вырвало в маску респиратора. Когда маска наконец при последних судорогах сползла ему на шею, это показалось едва ли не милостью, если бы при этом не открылось его искаженное багровое лицо. Но крики и мольбы прекратились, а затем затихли и всхлипы и клекот. Бьющиеся ноги дернулись в последний раз и обмякли.

Майлз был прав. У Форсуассона кислорода хватило бы еще минут на двадцать – тридцать, сиди он спокойно. Майлз сидел не шевелясь, дышал очень размеренно и трясся от холода. Он смутно помнил, что когда дрожишь, то изводишь больше кислорода, но ничего не мог поделать. Гробовая тишина нарушалась лишь шелестом фильтров и респиратора да пульсирующей кровью в ушах. Майлз повидал немало смертей, включая и свою собственную, но вот эта была, без сомнения, самой страшной. Дрожь сотрясала его тело, а мысли замерли. Они ушли настолько глубоко, что даже баррель суперпентотала вряд ли бы на него сейчас подействовал.

Если он забьется в припадке и у него собьется маска, то он задохнется раньше, чем придет в сознание. И Имперская безопасность обнаружит его висящим рядом с Форсуассоном и тоже залитым собственной рвотой. А ничто так не способствует его припадкам, как стресс.

Майлз наблюдал, как постепенно замерзает слизь на лице трупa, изучал темное небо и ждал.

Глава 11

Катриона поставила свои сумки в коридоре рядом с чемоданом лорда Форкосигана и повернулась, чтобы еще раз оглядеть дом, кинуть последний взгляд на свою прежнюю жизнь. Свет везде погашен. Окна закрыты. Все электроприборы отключены...

Комм запищал в тот момент, когда она уже собралась уйти с кухни.

Катриона колебалась. Пусть его. Пусть себе питит. Но затем подумала, что это может звонить Тумонен или еще кто-нибудь в поисках лорда Форкосигана. Или дядя Фортиц, хотя она вовсе не была уверена, что хочет сейчас с ним разговаривать. Она подошла к аппарату, но тут ей пришло в голову, что это может оказаться Тьен, и она снова замерла. Тогда я просто отключу комм. Если это Тьен с какими-нибудь новыми угрозами, или мольбами, или доводами, она по крайней мере будет точно знать, что он где-то в другом месте, а не здесь, и сможет спокойно уйти.

Но лицо, появившееся на головиде, принадлежало комаррианке из департамента Тьена, Лене Фоскол. Катриона встречалась с ней раза два за все время, но хорошо помнила слова Судхи, произнесенные по этому самому комму прошлой ночью: «Лена Фоскол – одна из самых хитрых воровок, которых я когда-либо встречал». О Господи! Она одна из них. Фон был размыт, но на женщине была толстая куртка, расстегнутая до пояса, из чего можно сделать вывод, что она либо собирается наружу, либо возвращается из поездки. Катриона смотрела на нее со скрытым отвращением.

– Госпожа Форсуассон? – радостно сказала Фоскол. И, не дожидаясь ответа, продолжила: – Пожалуйста, приезжайте за вашим мужем на опытную станцию. Он будет ждать вас снаружи на северо-западной стороне цеха.

– Но... – Как Тьена занесло на станцию посреди ночи? – А как он туда попал? У него что, нет флаера? Может, кто-нибудь еще его подвезет?

– Все остальные уже улетели. – Женщина улыбнулась еще шире и отключила комм.

– Но... – Катриона подняла руку, бессильно протестуя, но было уже поздно. – Черт. – И, после паузы: – Будь оно все проклято!

Чтобы забрать Тьена со станции, Катрионе придется убить часа два, не меньше. Сначала надо взять пузырьковое такси и долететь до станции проката общественных флаеров – она не могла затребовать служебный флаер на работе у Тьена. Она всерьез думала о том, чтобы провести сегодняшнюю ночь на скамье в парке – побережь свои жалкие гроши на черные дни, чтобы перебиться, пока не найдется хоть какая-нибудь работа. Но патруль купола не разрешал бездомным околачиваться в тех местах, где Катриона могла бы чувствовать себя в безопасности. Фоскол не сказала, Тьен там один или вместе с лордом Форкосиганом – видимо, один, а это значит, что ей придется лететь обратно в Серифозу с ним наедине, и он будет настаивать на том, чтобы управлять флаером самому; а вдруг он решит наконец выполнить свои угрозы и покончить жизнь самоубийством, на обратном пути, захватив с собой и Катриону? Нет. Слишком рискованно. Пускай преет там до утра, ну или пускай звонит кому-нибудь еще.

Она опять взялась за чемодан и снова задумалась. В этой передрыге заложником обстоятельств, или заложником хорошего поведения всех действующих лиц, оставался Никки. Тьен по большей части игнорировал сына, иногда замечал его лишь для того, чтоб сорвать на нем свое плохое настроение, но время от времени уделял сыну какое-то внимание, и этого, по видимому, хватало, чтобы Никки был привязан к отцу. Отец и сын всегда будут связаны между собой, независимо от нее, Катрионы. Так что ей и Тьену придется сотрудничать ради Никки: железная броня внешней учтивости, которая никогда не должна треснуть. Гнев или жестокость Тьена были не более опасны для Катрионы, чем какие-нибудь его запоздалые попытки умас-

лить или подкупить сына. Катриона поняла, что и первое, и второе она воспримет теперь с одинаковым каменным бесчувствием.

Я здесь не для того, чтобы дать выход своим эмоциям, а для того, чтобы сделать дело. Вот так. Катриона предвидела, что теперь ей придется постоянно твердить эту фразу, как мантру. Она поморщилась, открыла чемодан, достала личный респиратор, проверила зарядку баллона, натянула куртку и направилась к стоянке транспортных капсул.

* * *

Поездка была мучительно медленной, как и предвидела Катриона. Капсулу ей пришлось делить с двумя комаррцами, из-за которых понадобились две лишних остановки. Потом такси полчаса простояло в пробке, в таком месте, откуда Катрионе уже была видна ее цель; к тому времени, как такси изрыгнуло ее у самого западного из шлюзов купола, она уже было решила не оказывать никакой услуги Тьену и вернуться обратно домой, но ее остановила мысль о том, что придется еще полчаса стоять в той же пробке. Выданный флаер оказался старым и не очень чистым. Наконец-то одна, Катриона летела сквозь комаррскую ночь, на сердце у нее чуть полегчало, и она попробовала представить себе, что летит куда-то *в совсем другое место*, все равно куда, лишь бы продлить это райское одиночество. Наслаждение есть отсутствие страдания; может, оно значит и еще что-то, но сейчас Катриона не взялась бы это доказывать. Ни страдания, ни других людей, которым от тебя все время что-то надо. Именно так она представляла себе рай. Недостигаемый рай.

И вообще у нее нет никакого «другого места». Она даже не может взять Никки и вернуться на Барраяр – сначала надо заработать на проезд, или занять денег у отца, или у братьев, с которыми она давно не поддерживает отношений, или у дяди Фортица. Думать об этом было неприятно. «Мало ли что тебе неприятно, дорогая, – оборвала она сама себя. – У тебя есть цель. И ты будешь делать то, что потребуется».

Яркие прожектора опытной станции, одиноко стоявшей на пустой равнине, пылали заревом на горизонте, притягивая взгляд с расстояния в несколько километров. Катриона летела над вьющейся черной шелковистой лентой реки, что протекала мимо станции. Приблизившись к станции, Катриона различила на стоянке несколько флаеров и нахмурилась. Значит, Фоскол соврала, сказав, что все улетели и некому подвезти Тьена. С другой стороны, может быть, Катрионе удастся вернуться в Серифозу с кем-нибудь еще... она не позволила себе развернуть флаер в воздухе, а вместо этого приземлилась на парковке.

Она поправила респиратор, подняла крышку кабины и пошла к зданию конторы, надеясь, что встретит кого-нибудь и договорится, чтобы ее подвезли обратно, прежде чем наткнется на Тьена. Она коснулась панели управления воздушного шлюза, и шлюз открылся. Здесь ничего не запиралось – не от кого было. Катриона свернула в первый же освещенный коридор и позвала:

– Ау!

Никто не ответил. Похоже, тут никого нет. Примерно половина комнат была пуста и гола; в остальных, на взгляд Катрионы, царил развал и хаос. Вот открытый комм, выпотрошенный и... оплавленный внутри, что ли. Должно быть, какая-нибудь серьезная неисправность. Шаги Катрионы отдавались гулким эхом, пока она шла по пешеходному переходу в производственное здание. «Ау? Тьен?» И здесь никто не ответил. В двух больших сборочных цехах было сумрачно и страшновато, и пусто. «Есть здесь кто-нибудь?» Может, Фоскол и не соврала, но тогда что делают на стоянке все эти аэрокары и флаеры? Куда делись их владельцы, и на чем? «Он будет ждать вас снаружи на северо-западной стороне...» Катриона имела весьма смутное представление, какая сторона здания северо-западная, и втайне надеялась, что Тьен поджидает ее на посадочной площадке. Нервно вздохнув, она поправила респиратор и шагнула на

дорожку. Обойти вокруг здания можно за несколько минут. Я хочу улететь обратно в Сери-фозу. Прямо сейчас. Все это очень странно. Она медленно начала обходить здание слева, ее шаги гулко звенели по бетонному полу в холодном ядовитом ночном воздухе. Дорожка вела вверх, к бетонному основанию дома, и дальше вдоль стены. С внешней стороны ее обрамляли металлические перила. Вся эта обстановка вызывала ощущение, что она идет напрямиком в какую-то ловушку. Катриона обогнула следующий угол.

Примерно посередине дорожки виднелась стоящая на коленях, упершись лбом в перила, маленькая человеческая фигурка с разведенными руками. Между двумя столбами безвольно висела на скованных наручниках запястьях фигура побольше, корпус свесился через край, ноги болтаются в полуметре над землей. Это еще что? Окружающая тьма, казалось, давила на нее. Сглотнув и подавив панику, Катриона поспешила к странной парочке.

Висящей фигурой оказался Тьен. Его респиратор слетел, маска болталась на шее. Даже в неверном свете цветных огоньков, освещавших растительность внизу, было видно, что его искаженное лиловое лицо уже окоченело. Из рта торчал язык, выпученные глаза остекленели и замерзли. Мертв. Давно мертв. Катриона свело желудок, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

На коленях стоял лорд Форкосиган, одетый в ее куртку, которую она не смогла найти, когда собирала вещи вечность назад. Его респиратор был на месте. Форкосиган повернул голову, и при виде нее глаза его потемнели и расширились. У Катрионы от облегчения едва не подкосились ноги. Хотя бы маленький лорд еще жив! Она откровенно обрадовалась, что ей не придется оставаться наедине с двумя трупами. Катриона наконец заметила, что его запястья тоже прикованы наручниками к перилам. По рукам текла кровь, рукава куртки потемнели.

Первой ее реакцией было облегчение, что она не взяла с собой Никки. Как я ему скажу? Завтра, об этом будем думать завтра. Пусть сегодняшнюю ночь он проведет в другом, счастливом мире, где нет всех этих ужасов.

– Госпожа Форсуассон, – раздался слабый, приглушенный маской голос Форкосигана. – О Боже!

Она с опаской коснулась наручников на его запястьях. Разорванная плоть вздулась, практически поглотив железо.

– Я пойду поищу где-нибудь кусачки. – Она чуть было не брякнула «ждите здесь», но вовремя прикусила язык.

– Нет, подождите, – выдохнул он. – Не оставляйте меня одного... Есть ключ... вроде бы... там, на дорожке. – Он мотнул головой.

Катриона мигом нашла ключ. Обычный, механический; он казался ледяным. Трясущими руками Катриона принялась за замки. Далеко не с первой попытки ей удалось отстегнуть наручники. Затем ей пришлось осторожно высвобождать металл из окровавленной плоти. Когда она высвободила вторую руку, маленький лорд едва не упал на бетонный пол. Катриона успела его подхватить и осторожно прислонила к стене. Форкосиган попытался встать, но ноги не держали его, и он снова рухнул.

– Подождите немного, – посоветовала Катриона. Она неумело попыталась помассировать ему ноги, чтобы восстановить кровообращение. Даже сквозь ткань его серых брюк чувствовалось, насколько они заledenели.

Выпрямившись, по-прежнему сжимая в руке ключ, Катриона тупо смотрела на труп Тьена. Она сильно сомневалась, что им вдвоем с Форкосиганом удастся втащить его обратно на дорожку.

– Уже слишком поздно. И давно, – произнес Форкосиган, все это время не сводивший с нее глаз. Его темные брови сочувственно изогнулись. – Мне очень ж-жаль. Оставьте его Тумонену.

– Что это у него на спине? – Она потрогала странную штуковину, на первый взгляд выглядевшую как упакованная в пластик дискета, прилепленная изоляционной лентой.

– Не трогайте, – резко сказал Форкосиган. – Пожалуйста. – А затем быстро заговорил, немного заикаясь от пронизывающей его дрожи: – Мне очень жаль. Очень жаль. Я не смог разорвать оковы. Дьявольщина, он т-тоже не смог, а он г-гораздо сильнее меня... Я думал, что смогу сломать руку и освободиться, но не смог... Простите...

– Вам нужно перебраться внутрь, там тепло. Давайте-ка. – Она помогла ему встать.

Оглянувшись в последний раз на Тьена, он позволил увести себя, тяжело опираясь на Катриону и с трудом переставляя непослушные ноги.

Она провела его в здание конторы и подвела к стулу. Он не столько сел, сколько рухнул на него. Его сильно трясло.

– Кнопка, – пробормотал он, протягивая ей руки.

– Что?

– Маленькая кнопка сбоку комм. Нажмите ее!

Катриона выполнила просьбу. Он расслабился и откинулся на спинку стула. Израненными руками он попытался снять маску. Она помогла ему стянуть респиратор через голову и сняла свой.

– Бог ты мой, как же я рад вылезти из этой штуки! Живым. Я д-думал, что у меня случится припадок, пока я там сидел... – Он потер бледное лицо, растирая красные полосы, оставленные краями маски. – И к тому же жутко чесалось.

Катриона нашла панель управления на ближайшей стене и торопливо постучала по ней, включая обогрев чуть ли не на полную мощность. Ее тоже трясло, но не от холода, а от нервного потрясения.

– Лорд Форкосиган? – раздался взволнованный голос Тумонена. – Что происходит? И где вы, черт побери?!

Форкосиган поднес комм ко рту:

– На опытной станции. Двигайте сюда. Вы мне нужны.

– Что вы там... Отряд брать?

– Да нет, стрелять вряд ли придется. Лучше прихватите экспертов. И бригаду медиков.

– Вы ранены, милорд? – Голос Тумонена в панике взлетел на октаву.

– Ничего страшного, – ответил Форкосиган, явно не замечая, что его запястья еще кровоточат. – А вот администратор Форсуассон мертв.

– Что за чертовщина... Вы не связались со мной, прежде чем покинуть купол, дьявол вас побери! Кой черт у вас там происходит?!

– Мы можем обсудить мои ошибки позже. Давайте сюда, капитан. Конец связи. – Он устало уронил руку. Бьющая его дрожь понемногу стихала. Форкосиган откинул голову на стенку. Черные круги у него под глазами сильно смахивали на синяки. Он грустно посмотрел на Катриону. – Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Я ничего не мог сделать.

– Я и не думала, что могли!

Он вдруг выпрямился, настороженно огляделся и внезапно воскликнул:

– Реактор!

– А что с ним? – поинтересовалась она.

– Надо проверить до появления СБ. Пока я сидел там прикованным, то довольно долго размышлял, что с ним вполне могли что-нибудь сотворить.

Ноги еще слушались плохо. Он снова чуть не упал, когда попытался развернуться. Катриона еле успела поддержать его под локоть.

– Отлично, – рассеянно сказал он. – Нам туда.

Катриона понимала, что ее взяли с собой в качестве подпорки. Форкосиган решительно двинулся вперед, с силой опираясь на нее и даже не думая извиняться. Вынужденные дей-

ствия всегда помогали Катрионе если не успокоиться, то собраться. Ее перестало трясти и мутить, лишь в животе осталось какое-то странное ощущение тепла и чего-то еще. К реактору, находящемуся у реки, вел еще один проход. Эта река была самой большой в секторе «Сери-фоза», и именно поэтому здесь и построили опытную станцию. По баррарским меркам она едва тянула на ручей. Форкосиган неуклюже обошел диспетчерскую, внимательно изучая приборные панели и данные.

– Вроде все нормально, – пробормотал он. – Не понимаю, почему они не поставили его на самоуничтожение? Я бы поставил... – Он рухнул на стул.

Придвинув второй стул, Катриона уселась напротив, с опаской глядя на Майлза.

– Что здесь произошло?

– Я... Мы прилетели сюда... Тьен меня привез... А вы-то как здесь очутились?

– Лена Фоскол позвонила мне домой и сказала, что Тьен просил забрать его со станции. Она меня едва застала. Я собиралась уйти. Но она не сказала, что и вы здесь. Вы могли все еще быть...

– Нет... нет, я почти уверен, что не застань она вас, то прислала бы сюда кого-то другого. – Он сел прямо. Точнее, попытался. – Сколько сейчас времени?

– Что-то около 21.00.

– Я... я думал, что гораздо позже. Они нас вырубили, понимаете? Парализатором. Я не знаю, сколько... Во сколько она вам позвонила?

– Где-то вскоре после 19.00.

Форкосиган на мгновение зажмурился, затем открыл глаза.

– Было уже поздно. Уже тогда было слишком поздно, вы поняли? – настойчиво спросил он. Его руки было потянулись к ней, когда она наклонилась к нему, ловя хриплые слова, и тут же опустили.

– Нет...

– В отделе избыточного тепла происходило нечто странное. Ваш муж привез меня сюда, чтобы показать... Ну, я так толком и не понял, что он, собственно, собирался мне показать, но мы с разгона напоролись на Судху со товарищи, готовящихся удрать. Судха выстрелил из парализатора, вырубил нас обоих. Я очнулся уже прикованным. Не думаю... не знаю... сомневаюсь, что они хотели убить вашего мужа. Понимаете, он не проверил свой респиратор. Его баллон был практически пуст. Комаррцы тоже не проверили, прежде чем оставили нас тут. Я не знал. Никто не знал.

– Комаррцам это и в голову не пришло, – деревянным голосом отозвалась Катриона. – Они уже к трем годам приучены автоматически проверять свои респираторы. Они и подумать не могли, что взрослый человек может выйти из купола с непроверенной экипировкой.

Катриона стиснула руки. Теперь она отчетливо представляла, как умер Тьен.

– Это произошло... быстро, – мягко сказал Форкосиган. – Хоть в этом ему повезло.

Неправда. И не быстро, и не чисто.

– Пожалуйста, не надо мне лгать. Никогда не лгите мне.

– Ладно, – медленно выговорил он. – Но не думаю... Я сомневаюсь, что это убийство. Выстроить мизансцену, позвать вас... – Он покачал головой. – В худшем случае непредумышленное. А вообще это смерть случайная.

– Это смерть по собственной глупости! – ядовито бросила она. – Верен себе до конца.

Он глянул на нее. В глазах его светилось не удивление, а понимание и вопрос.

– Вот как?

– Лорд Аудитор Форкосиган... – Она сглотнула, горло сдавил спазм. Полная тишина в здании и на улице действовала угнетающе. С тем же успехом они с Форкосиганом могли быть единственными оставшимися в живых на всей планете. – Вы должны знать, что, когда Фоскол позвонила, я собиралась уйти... Уйти от Тьена. Я ему об этом сказала, когда он сегодня вер-

нулся домой после работы и перед тем, как он ушел обратно. Надо полагать, к вам. Что он натворил?

Форкосиган некоторое время молчал, переваривая информацию.

– Ну ладно, – вздохнул он наконец и посмотрел на нее. – Сначала он прибежал ко мне, бормоча о казнокрадстве в отделе использования избыточного тепла. Причем уже длящемся довольно долго. Пытался вынудить меня сделать его Имперским Свидетелем, что, как он полагал, поможет ему избежать суда. Но это не так просто. И никаких обещаний я ему не дал.

– Тьен всегда слышал лишь то, что хотел слышать, – тихо проговорила Катриона.

– Я... я так и понял. – Он поколебался, пристально изучая ее лицо. – Сколько... Что вы об этом знаете?

– И как давно? – Катриона сморщилась и потерла раздраженную маской кожу лица. – Не так давно, как следовало бы. Тьен месяцами твердил... Вы должны понять, он очень боялся, что кто-то узнает о том, что у него дистрофия Форзонна.

– Это я как раз понимаю очень хорошо, – нерешительно кивнул Майлз.

– Да... И нет. Отчасти виноват брат Тьена. Я много лет уже проклинаю этого человека. Когда у него проявились симптомы, он выбрал путь древних форов и разбил свой флайер. На Тьена это произвело настолько сильное впечатление, что он никак не мог забыть. Перед ним стоял совершенно невозможный для него пример. Мы и понятия не имели, что в его семье существует эта мутация, пока Тьен как душеприказчик брата не начал разбирать его документы и вещи. И тогда мы поняли, что это не несчастный случай, а самоубийство, и поняли почему. Это случилось вскоре после рождения Никки...

– Но разве... Когда я прочел ваши файлы, то как раз подумал... Этот дефект должно было выявить генсканирование перед тем, как эмбрион поместили в маточный репликатор. Никки унаследовал ее или...

– Никки рожден биологически, я его сама вынашивала. Никакого генсканирования. Старым добрым способом древних форов. А у древних форских родов прекрасная кровь, знаете ли, так что незачем проверять.

Он выглядел так, будто сжевал лимон.

– Кому принадлежала эта блестящая идея?

– Я... я уже не помню, как мы пришли к такому решению. Мы с Тьеном так решили вместе. Я была совсем молоденькой. Мы только что поженились, у меня в голове бродили глупые романтические идеи... Думаю, тогда мне это казалось героизмом.

– Сколько вам было лет?

– Двадцать.

– А! – Его губы искривились в странной усмешке, которую она не могла истолковать. Эдакая смесь иронии и сочувствия. – Ясно.

Почему-то приободрившись, Катриона продолжила рассказ:

– Идея Тьена заняться лечением дистрофии Форзонна так, чтобы никто об этом не пронохал, заключалась в том, чтобы отправиться на лечение куда-нибудь подальше от Империи. И таким образом лечение становилось гораздо дороже. Мы пытались сэкономить на это деньги годами, но почему-то все время что-то шло не так. Собрать нужную сумму никак не удавалось. Но последние месяцев пять-шесть Тьен мне непрерывно твердил, чтобы я прекратила дергаться, что у него все под контролем. Только дело в том... Тьен все время это говорил, так что я даже перестала обращать внимание на его слова. А потом, прошлой ночью, когда вы легли спать... Я слышала, как вы ему прямо сказали, что хотите, чтобы сегодняшняя проверка его департамента была внезапной, я собственными ушами это слышала... Он ночью встал и позвонил администратору Судхе, чтобы предупредить его. Я слушала их разговор... и услышала достаточно, чтобы понять, что они проворачивают какую-то финансовую махинацию, и я очень боюсь... Нет, я уверена, что Тьен брал взятки. Потому что... – Катриона остановилась

и перевела дыхание. – Я взломала комм Тьена нынче утром и просмотрела его финансовые файлы. – Она подняла глаза, чтобы увидеть реакцию Форкосигана. Его губы опять скривились в усмешке. – Извините, что обрушилась на вас тогда за то, что вы взломали мой, – робко добавила она.

Форкосиган открыл было рот, снова закрыл и слабым движением пальцев попросил ее продолжать. Он сполз чуть ниже на сиденье, слушая ее с огромным вниманием. Слушая...

Катриона поторопилась продолжить, но не потому, что боялась, что ей не хватит мужества – в данный момент у нее практически все чувства как-то атрофировались, – а спеша закончить до того, как вынуждена будет замолчать от полного изнеможения.

– У него было как минимум сорок тысяч марок, о происхождении которых я не имею ни малейшего представления. Но уж точно не с жалованья.

– Было?

– Если сведения на его комме верны, эти сорок тысяч и еще взятые в кредит шестьдесят он потерял на акциях комаррского торгового флота.

– Все?

– Ну, не совсем все. Примерно три четверти. – Видя его изумление, она добавила: – Тьену всегда так «везло».

– Я всегда говорил, что человек – сам кузнец своего счастья. Впрочем, я довольно часто был вынужден брать эти слова обратно, так что с некоторых пор повторяю их гораздо реже.

– Ну... я полагаю, что в этих словах есть значительная доля истины, иначе почему ему просто хронически не везло? Единственным общим фактором во всем этом вечном хаосе был Тьен. – Она устало повела головой. – Хотя думаю, что иногда могла быть и я каким-то образом.

Тьен часто повторял, что это я.

После небольшой паузы Форкосиган осторожно спросил:

– Вы любили вашего мужа, госпожа Форсуассон?

На этот вопрос ей отвечать не хотелось. Правда вызывала у нее острое чувство стыда. Но она твердо решила покончить с лицемерием.

– Думаю, любила когда-то. В самом начале. А потом вряд ли. Но я не могла... перестать заботиться о нем. Вот только желание заботиться становилось все меньше и меньше... пока не исчезло совсем. Слишком поздно. Или слишком рано, не знаю. – Но если бы она не порвала с Тьеном, причем именно таким образом, ему бы не пришлось сегодня ночью... И не, и не... и так далее по всей цепочке событий, приведших к этому моменту. Это «если бы» можно отнести к любому звену этой цепочки. Ни больше ни меньше. Поправить ничего нельзя. – Я думала, если пушу все на самотек, он рухнет. – Она смотрела на свои руки. – В конечном итоге. Только не думала, что это произойдет так быстро.

До Катрионы начало доходить, какой груз проблем обрушился на нее со смертью Тьена. Вместо болезненных юридических вопросов развода ей придется решать не менее болезненные юридические вопросы его вероятного банкротства. И что делать с его телом, как организовывать похороны? И как она скажет его матери... И все же решение даже самых сложных проблем без Тьена уже сейчас казалось ей в тысячу раз проще, чем решение самых простых с Тьеном. Не надо больше вести выматывающие переговоры, чтобы получить на что-то разрешение или одобрение или просто прийти к какому-то соглашению. Она может делать все, что посчитает нужным. Катриона почувствовала себя... как больной, который только что исцелился от паралича, широко развел руки и с удивлением обнаружил, что они у него сильные.

Катриона озадаченно нахмурилась:

– Будут ли выдвинуты обвинения? Против Тьена?

– Обычно покойников не судят, – пожал плечами Форкосиган. – Хотя, если память мне не изменяет, в Период Изоляции такое иногда случалось. К примеру, дважды повешенный лорд Форвента. Нет. Расследование, безусловно, будет, будут составлены отчеты. – Ох, моя бедная

голова! Отчеты! – Мои, и Имперской безопасности, и, возможно, от СБ сектора «Серифоза». Я предвижу большие споры по вопросам юрисдикции. Возможно, от вас потребуются свидетельские показания по делу других лиц... – Он прервал поток слов, с трудом устроился поудобнее и сунул немного отогревшиеся руки в карманы. – Лиц, которые, как я предполагаю, удрали с моим парализатором. – Тут лицо его резко изменилось, он вскочил и быстро принялся шарить по карманам брюк, затем куртки. Резко расстегнув куртку, обшарил карманы кителя. – Черт!

– Что?! – всполошилась она.

– Кажется, эти ублюдки забрали мою аудиторскую печать! Если, конечно, она не вывалилась у меня из кармана во время перипетий этой ночи. Бог мой! Она открывает доступ ко всем государственным коммам и коммам службы безопасности во всей Империи! – Он глубоко вздохнул и тут же просветлел. – А с другой стороны, на ней есть датчик. Служба безопасности может отследить ее, если они где-то поблизости... СБ сможет отследить их! Ха! – С трудом ворочая красными раздувшимися пальцами, Форкосиган включил комм. – Тумонен? – позвал он.

– Мы уже в пути, милорд, – немедленно раздался голос капитана. – Примерно на полпути к вам. И не могли бы вы не выключать ваш комм, пожалуйста?

– Слушайте. Кажется, они забрали мою аудиторскую печать. Немедленно поручите кому-нибудь отследить ее. Найдите ее, и вы найдете их. Конечно, если она просто не валяется где-нибудь здесь. Но это вы сможете проверить по прибытии.

Затем Форкосиган отправился изучать здание, волоча с собой Катриону в качестве подпорки, хотя теперь он уже практически не спотыкался. При виде расплавленного комма и пустого помещения он нахмурился и, сощурившись, пристально оглядел сваленную в углу кучу барахла. Тумонен с командой ввалились как раз в тот момент, когда Катриона с Форкосиганом вернулись в холл.

Губы лорда Форкосигана весело скривились при виде того, как двое громил в полуброне с парализаторами на изготовку вломились в дверь. Озабоченно кивнув Форкосигану, ответившему чем-то вроде салюта, солдаты друг за другом прошли дальше по зданию, производя по дороге довольно шумный обыск. Майлз прислонился к спинке стула и сознательно принял свободную позу. В холл прошествовал Тумонен с еще одним барраярским солдатом в полуброне, за ними – трое медиков.

– Милорд! – воскликнул Тумонен, сняв маску респиратора. На слух Катрионы в голосе капитана звучали знакомые материнские интонации, нечто среднее между «Слава Богу, ты цел» и «Я удавлю тебя собственными руками».

– Добрый вечер, капитан, – радостно приветствовал его Форкосиган. – Рад вас видеть!

– Вы не поставили меня в известность!

– Да, и это целиком и полностью моя вина, и я, безусловно, отмечу вашу невиновность в своем докладе, – успокоил его Форкосиган.

– Да не в этом дело, черт подери! – Тумонен подошел к нему, по дороге жестом велел одному из медиков приготовиться. Он увидел истерзанные запястья Майлза и залитые кровью руки. – Кто это с вами сделал?

– Боюсь, главным образом я сам. – Его лицо снова стало жестким. – Могло быть и хуже, в чем вы сейчас убедитесь. Я вам покажу. С другой стороны здания. Я хочу, чтобы вы записали абсолютно все, провели полное сканирование. Все, что вызывает у вас сомнение, оставьте экспертам из штаб-квартиры. Я хочу, чтобы из Солстиса немедленно прислали группу лучших экспертов. Даже две: одну сюда, вторую – разобраться с этими долбаными комм-пультами в Департаменте Проекта Терраформирования. Но сначала, – тут он посмотрел на медиков и Катриону, – сначала, я думаю, следует заняться телом администратора Форсуассона.

– Вот ключ, – тихо сказала Катриона, доставая его из кармана.

– Спасибо. – Форкосиган забрал у нее ключ. – Подождите, пожалуйста, здесь.

Дернув подбородком, он проверил респиратор, надел его и повел активно возражающего Тумонена наружу, величественным жестом велел медикам следовать за ними. Катриона слышала грохот и скрежет из глубины здания, где все еще орудовали переговаривающиеся между собой солдаты.

Она села на освобожденный Форкосиганом стул, испытывая странное ощущение от того, что не пошла со всеми за Тьеном. Но судя по всему, на этот раз убирать кавардак будет кто-то другой. По щеке стекла слеза – скорее от усталости, поскольку она совершенно точно испытывала не больше эмоций, чем кусок жести.

Прошло довольно много времени, прежде чем мужчины вернулись обратно в холл. Тумонену удалось наконец убедить Форкосигана сесть и позволить старшему медику заняться его поврежденными запястьями.

– В данный момент меня волнует вовсе не лечение, – пожаловался Майлз, когда ему в шею ввели синергин. – Мне необходимо вернуться в Серифозу. Мне срочно нужно взять кое-что в моем багаже.

– Да, милорд, – успокаивающим тоном проговорил медик, продолжая прочищать и бинтовать раны.

Тумонен пошел к флайеру, чтобы переговорить со своим командованием в Солстисе, затем вернулся, облокотился на спинку стула и принялся наблюдать за действиями медика.

Форкосиган посмотрел на Катриону через голову врача:

– Госпожа Форсуассон, скажите, не припомните ли вы, ваш муж никогда не упоминал еще о какой-нибудь деятельности этих мерзавцев, помимо казнокрадства?

Катриона покачала головой.

– Боюсь, госпожа Форсуассон, что телом вашего погибшего мужа придется заниматься Имперской безопасности. Нужно произвести полную экспертизу, – несколько ворчливо буркнул Тумонен.

– Да, конечно, – ровно ответила Катриона. Немного помолчав, она добавила: – А что потом?

– Мы вас известим, сударыня. – Тумонен повернулся к Форкосигану и спросил, явно продолжая прежний разговор: – Так о чем вы еще думали, когда сидели тут, прикованный?

– Единственное, о чем я главными образом размышлял, это о том, когда со мной случится очередной припадок, – нехотя пробурчал Форкосиган. – Довольно скоро это стало своего рода одержимостью. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что Фоскол знала об этом скрытом дефекте.

– Я по-прежнему считаю, что это надо квалифицировать как убийство и покушение на убийство и объявить общую тревогу по всем секторам, – заявил Тумонен, продолжая давний спор. – А покушение на убийство Имперского Аудитора превращает это дело в государственное преступление, и таким образом отменяется всякая возможность споров по поводу реквизиции.

– Да, пусть будет так, – вздохнул, соглашаясь, Майлз. – Однако будьте добры позаботиться о том, чтобы в своих докладах строго придерживаться фактов.

– Так, как я их вижу, – упрямо заявил Тумонен, скривившись. И тут он взорвался: – Черт побери, как подумаю, сколько времени они тут все это вытворяли, и прямо у меня под носом!..

– Это не входит в вашу юрисдикцию, капитан, – заметил Майлз. – Выявлять такого рода преступления среди гражданских лиц – обязанность Имперской финансовой службы. И все же... что-то тут не так.

– Мягко говоря!

– Нет, я имею в виду нечто, скрытое за очевидным. – Форкосиган помедлил. – Они побросали все личные вещи, но при этом забрали два грузовика с оборудованием.

– Может, на продажу? – высказала предположение Катриона. – Хотя нет, это бессмысленно...

– М-м-м... И удрали они кучей, а не разбежались в разные стороны. Эти люди сильно смахивают на очередную группу комаррских патриотов. И я вполне могу себе представить, что они рассматривают кражу из казны Барраярской империи как нечто среднее между хобби и патриотическим долгом, но... красть деньги из бюджета комаррского Проекта Терраформирования, обкрадывать надежду их будущих поколений? И если они делали это не для того, чтобы набить собственные карманы, то за каким чертом им понадобились эти деньги? – Глаза его гневно блеснули. – Ну, это, я полагаю, придется выяснять финансовым экспертам службы безопасности. И мне нужны сюда технические эксперты. Пусть посмотрят, нельзя ли что-либо выудить из всего того барахла, что они здесь побросали. И не побросали. Совершенно очевидно, что команда Судхи что-то собирала в цехе опытной станции, и сильно сомневаюсь, что это «что-то» имеет отношение к использованию избыточного тепла. – Потерев лоб, он пробормотал: – Готов поспорить, что Мария Трогир могла бы нам о многом поведать. Дьявол, как же я жалею, что не допросил госпожу Радоваш с суперпентоталом, когда у меня была такая возможность!

Катриона сглотнула горечь, скопившуюся во рту от страха и унижения.

– Мне придется все рассказать дяде.

Форкосиган перевел взгляд на нее:

– Я возьму это на себя, госпожа Форсуассон.

Катриона нахмурилась, разрываясь между чем-то вроде слабой благодарности и сильным чувством долга, но не смогла собраться с силами вступить в дискуссию. Медик закончил бинтовать Форкосигану запястья.

– Я вынужден оставить вас тут за главного, капитан, и вернуться в Серифозу. Но самостоятельно вести флайер я не рискну. Госпожа Форсуассон, не будете ли вы столь любезны?..

– Вы возьмете с собой охранника, – с опасной ноткой в голосе заявил Тумонен.

– Я должна вернуть флайер, – сказал Катриона. – Он взят напрокат. – И сморщилась, настолько глупо прозвучали ее слова. Но во всем окружавшем ее смертельном хаосе это было единственным, что она могла привести в порядок. И тут к ней запоздало пришло осознание: «Я могу пойти домой. Теперь это безопасно». И она звонко добавила: – С удовольствием, лорд Форкосиган!

Присутствие здорового молодого охранника, скрючившегося в заднем отсеке флайера, усталость Форкосигана и полная эмоциональная растерянность Катрионы свели на нет всякие разговоры во время полета обратно в Серифозу. Когда она возвращала флайер службе проката, то удостоилась любопытных взглядов из-за необычного эскорта – огромного вооруженного до зубов солдата в полуброне, вежливо следующего за ней, и карлика в окровавленной одежде и с забинтованными запястьями. Зато в машине они ехали втроем, без чужого общества. С мрачной иронией Катриона отметила, что на сей раз никаких проблем с движением у них не возникло. Она подумала, стоит ли потом, когда все это более или менее утрясется, проверить, действительно ли правдиво настойчивое утверждение Форкосигана, что, когда Фоскол ей позвонила, для Тьена уже все равно было поздно.

Катриона быстро прошла по коридору к квартире. Она чувствовала себя как раненое животное, которое стремится побыстрее спрятаться в свою нору. Дойдя до дверей, она резко остановилась и ахнула. Сенсорный замок был вырван, дверь приоткрыта. В щель пробивался луч света. Катриона отшатнулась и молча указала пальцем.

Майлз, мгновенно оценив ситуацию, так же молча кивнул солдату, который тихо подошел к двери и достал парализатор. Майлз, прижав палец к губам, взял Катриону за руку и отвел назад, к лифтовой шахте. Автоматическая дверь не работала. Солдату пришлось отжимать ее, чтобы войти в квартиру. Опустив забрало шлема, с парализатором на изготовку, он скользнул внутрь. Сердце Катрионы отчаянно колотилось.

Через несколько минут охранник высунулся наружу. Забрало он уже поднял.

– Кто-то здесь точно побывал, милорд. Но они уже ушли.

Форкосиган с Катрионой вошли в квартиру.

Чемодан Форкосигана и ее собственные сумки, которые стояли в вестибюле, оказались вскрытыми. Все вещи вперемешку разбросаны по полу. В остальном квартиру практически не тронули. Некоторые ящики открыты, их содержимое вытряхнуто, но в целом, если не считать беспорядка, никакого ущерба. Можно ли считать это вторжением, если она сама фактически ушла из этого дома, бросив все? Катриона и сама не понимала.

– Я свои вещи, кажется, оставлял в несколько ином виде, – тихонько заметил Майлз, когда они снова вернулись в вестибюль после беглого осмотра квартиры.

– Я тоже оставила их не так, – ответила она чуть раздраженно. – Я думала, вы вернетесь вместе с Тьеном и сразу уйдете, поэтому уложила их, чтобы можно было сразу забрать.

– До прихода экспертной группы ничего не трогайте, особенно комм-пульта, – велел ей Форкосиган. Она понимающе кивнула. Они сняли толстые куртки, и Катриона машинально повесила их на вешалку.

А затем Форкосиган, нарушая собственный приказ, опустился на колени и принялся перебирать разбросанное барахло.

– А мой запечатанный чемоданчик с данными вы тоже упаковали?

– Да.

– Ну, так его нет. – Вздохнув, он поднялся и по комму известил о происшедшем капитана Тумонена, все еще находившегося на опытной станции. По уши занятый Тумонен коротко выругался и приказал своему солдату, пока его не сменят, ни на шаг не отходить от лорда Аудитора. Форкосиган для разнообразия на этот раз не возражал.

Он снова приступил к разбору барахла, перетряхивая немалую кучу вещей Катрионы.

– Ха! – воскликнул он и извлек коробочку со странным прибором. Он быстро открыл ее слегка трясущимися руками. – Слава Богу, они не взяли это! – Маленький лорд окинул Катриону оценивающим взглядом. – Госпожа Форсуассон... – Его обычно уверенный голос несколько поблек. – Не могу ли я побеспокоить вас... попросив помочь мне с этим?

Она чуть не брякнула с ходу «да», но в последний момент ухитрилась заменить на «с чем?».

Форкосиган натянуто улыбнулся:

– Я упоминал вам о моих припадках. К несчастью, они неизлечимы. Но мои барраярские врачи нашли своего рода выход. Если я использую этот маленький аппаратик для стимуляции припадков, спровоцировав их в нужное время и подходящем месте, то они не случаются когда ни попадя и где придется. Эти припадки обычно провоцируются стрессом. – Он скривился, и Катриона поняла, что он представил себе холодную бетонную дорожку позади цеха на опытной станции. – У меня есть легкое подозрение, что я немного просрочил. И я хочу покончить с этим немедленно.

– Понимаю. Но что я должна сделать?

– Предполагается, что мне нужен ассистент. Проследить, чтобы я не выплюнул загубник, не покалечился или не поломал что-нибудь в процессе припадка. Это маловероятно, но на всякий случай...

– Ладно...

Под подозрительным взглядом охранника они прошли в гостиную. Форкосиган направился к кушетке.

– Если вы ляжете на пол, то падать вам уже будет некуда, – неуверенно предложила Катриона, не очень представляя, насколько зрелищное мероприятие ей предстоит.

– Ха! Верно! – Он устроился на ковре с открытой коробочкой в руке. Убедившись, что поблизости нет никаких посторонних предметов, Катриона опустилась подле него на колени.

Майлз раскрыл прибор, похожий на наушники с прокладкой с одной стороны и таинственной кнопкой с другой. Нацепив прибор на голову, он прижал его к вискам. Маленький лорд улыбнулся Катрионе улыбкой, которую она запоздало оценила как жутко смущенную, и пробормотал:

– Боюсь, все это выглядит немного глупо. – Он сунул пластмассовый загубник в рот и лег на спину.

– Подождите! – внезапно остановила его Катриона, едва он потянулся к вискам.

– Фто?

– Возможно... те, кто сюда приходил, что-то сделали с этой штукой. Может, ее стоит сначала проверить?

Он расширившимися глазами посмотрел на нее. С такой же достоверной точностью, будто обладала телепатическими способностями, она одновременно с ним ясно увидела, как его голова разлетается на куски, едва он нажимает на кнопку. Сорвав прибор с головы, Форкосиган быстро сел, выплюнул загубник и рявкнул:

– Черт!

Затем через некоторое время добавил чуть спокойнее, но на добрых пол-октавы выше:

– Вы совершенно правы. Большое спасибо. Я не подумал... Я... я клятвенно пообещал себе, что если вернусь сюда, то в первую очередь воспользуюсь прибором и больше никогда-никогда-никогда не буду откладывать это хотя бы на день.

Тяжело дыша, он уставился на зажатый в руке приборчик.

И тут его глаза закатились, и он рухнул на пол. Катриона едва успела поймать его голову, прежде чем та с размаху грохнулась на ковер. Его губы искривились в странной усмешке. Тело содрогнулось, волны судорог пробежали с ног до головы, но он не забился со страшной силой, как она боялась. Охранник, запаниковав, напрягся. Катриона взяла загубник и сунула его Форкосигану в зубы. Задача оказалась не столь уж трудной. Несмотря на видимость, маленький лорд вовсе не заостенел.

Откинувшись на пятки, Катриона наблюдала за Форкосиганом. Провоцируется стрессом. Да. Я вижу. Его лицо казалось... отсутствующим, лишенным выражения, но это не походило на смерть или сон. Было очень тяжело видеть его таким уязвимым. Вежливость обязывала отвести взгляд. Но он специально назначил ее на роль ассистента.

Катриона посмотрела на часы. Он говорил, что эта штука длится минут пять. Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле миновало меньше трех минут, когда его тело замерло. Он еще минуту пролежал в тревожно неподвижном состоянии, затем судорожно вздохнул, открыл глаза и посмотрел на нее бессмысленным взглядом. Что ж, по крайней мере его расширенные зрачки одинакового размера.

– Извините... извините, – невнятно пробормотал он. – Я этого не хотел.

Он лежал, уставясь в потолок. Брови его изогнулись. Через некоторое время он спросил:

– А как это выглядит?

– Очень странно, – честно ответила Катриона. – Ваше лицо мне нравится гораздо больше, когда вы здесь присутствуете.

До этого она даже не представляла, насколько его личность оживляет его черты.

– Мне тоже моя голова нравится гораздо больше, когда я в ней присутствую, – выдохнул Форкосиган. Он крепко зажмурился, затем снова раскрыл глаза. – Теперь я избавлю вас от себя.

Он попытался встать, но руки подогнулись.

Катриона сильно сомневалась, что ему сейчас следует хоть что-то делать. Она решительно уложила его обратно, легонько толкнув ладонью в грудь.

– И думать не смейте увести этого охранника, пока мою дверь не починят!

Хотя от этого дорогого сенсорного замка, как выяснилось, проку не очень-то много.

– О! Да, конечно, – слабо ответил он.

Было совершенно очевидно, что безоговорочное утверждение Форкосигана, будто после припадка он становится как огурчик, если и не откровенная ложь, то, мягко говоря, крупное преувеличение. Выглядел он жутко.

Катриона посмотрела на встревоженного охранника.

– Капрал, помогите, пожалуйста, перенести лорда Форкосигана на кровать, чтобы он полежал, пока не придет в себя окончательно. Или хотя бы до появления ваших коллег.

– Конечно, мэм. – Солдат явно испытал облегчение, получив конкретное указание, и помог ей поднять Форкосигана на еще слабые ноги.

Катриона быстро прикинула в уме. Единственной свободной кроватью была постель Никки, и в его комнате не имелось комм. Если Форкосиган захочет выспаться – а после этой сумасшедшей ночи он в этом определенно нуждался, там у него есть шанс спокойно спать даже после приезда команды экспертов СБ.

– Сюда, – указала она охраннику и повела их по коридору.

Невыятные протесты Форкосигана лишний раз убедили Катриону, что она все делает правильно. Его снова трясло. Она помогла ему снять китель, уложила, стянула сапоги, укрыла еще одним одеялом, включила обогреватель, погасила свет и вышла.

Ее укладывать в кровать было некому, но она не стала завязывать разговор с охранником, обосновавшимся в гостиной в ожидании приезда подкрепления. Все тело болело так, будто ее избили. Катриона приняла болеутоляющее и легла, не раздеваясь, на свою постель. В голове роились взаимоисключающие друг друга сценарии, что ей делать дальше.

Тело Тьена, еще прошлой ночью спавшего рядом с ней на этой кровати, должно быть, уже в руках патологоанатомов Имперской безопасности, лежит обнаженное и неподвижное на холодном металлическом столе в какой-нибудь медицинской лаборатории Серифозы. Катриона надеялась, что они обойдутся с его промерзшими останками хотя бы с толикой уважения и не станут отпускать всякие специфические шуточки.

Катриона давно приобрела привычку по ночам, когда пребывание в супружеской постели становилось особенно невыносимым, тихонько ускользать в свой кабинет и играть с виртуальными садами. В последнее время ее все больше привлекал барраярский сад. В нем не хватало осязаемости, запахов, медленной вальяжности реального сада, однако он неизменно действовал на нее успокаивающе. Но сначала Форкосиган занял комнату, а теперь он же приказал ей не прикасаться к коммам, пока с ними не разберется Имперская безопасность. Вздохнув, Катриона повернулась на бок на своей половине кровати, хотя соседняя половина пустовала.

Я хочу покинуть это место как можно быстрее. Хочу оказаться где-нибудь, где никогда не было Тьена.

Спать Катриона вообще-то не собиралась, но то ли от принятых таблеток, то ли от усталости, то ли от сочетания того и другого она все-таки уснула.

Глава 12

Майлз сразу понял, что, проснувшись, он не обрадуется. После сильного припадка он, как правило, весь день маялся чем-то вроде похмелья, мышцы болели, их сводило судорогой, и голова раскалывалась от псевдомигреней. Это сочетание, судя по всему, было чисто синергетическим. Застонав, он попытался снова впасть в блаженное беспамятство, но чья-то нежная рука, коснувшаяся плеча, быстро привела его в чувство.

– Лорд Форкосиган? – раздался тихий голос Катрионы.

Майлз мгновенно распахнул веки. Свет в помещении, слава Богу, оказался приглушенным. Он лежал в комнате ее сына Никки, но совершенно не помнил, как сюда попал. Перевернувшись, Майлз, моргая, поглядел на нее. С тех пор как он видел Катриону в последний раз, стоящей подле него на коленях в гостиной, она успела переодеться. Теперь на ней была мягкая бежевая блуза с высоким воротом и темные брюки в комаррском стиле. Ее длинные волосы, еще влажные после душа, ниспадали на плечи. А вот он все еще был в окровавленной рубашке и мятых штанах, так и не переодевшись после вчерашнего кошмара.

– Извините, что разбудила, – продолжила она, – но приехал капитан Тумонен.

– А-а-а... – глухо протянул Майлз и сел. Госпожа Форсуассон держала поднос с большой кружкой черного кофе и флакончиком с болеутоляющими таблетками. Две таблетки уже лежали наготове возле дымящейся кружки. Но божественный хор звучал лишь в его сознании. – Ой! Надо же...

Она не произнесла больше ни слова, пока Майлз не пропихнул таблетки сквозь потрескавшиеся губы и не проглотил их. Опухшие руки служили еще не очень хорошо, но он все же исхитрился неким подобием мертвой хватки удержать кружку. Второй глоток кофе смыл пакостное ощущение во рту и несколько успокоил бурчащий желудок.

– Спасибо.

После третьего глотка Майлз сумел выговорить:

– Сколько сейчас времени?

– Рассвело примерно час назад.

Значит, он был в отключке примерно четыре часа. А за четыре часа много чего могло произойти. Не расставаясь с кружкой, Майлз спустил ноги с кровати. Похоже, первые несколько минут ходьба будет занятием довольно-таки проблематичным.

– Тумонен торопится?

– Не могу сказать. Он выглядит усталым. Сказал, что они нашли вашу печать.

Это решило дело. Сначала Тумонен, потом душ. Проглотив еще немного кофе, Майлз вернул кружку Катри... госпоже Форсуассон и встал. Неловко улыбнувшись, он сделал несколько упражнений, чтобы убедиться, что сможет пройти по коридору, не свалившись на глазах у офицера Имперской безопасности.

Майлз понятия не имел, что сказать госпоже Форсуассон. «Извините, что позволил убить вашего мужа» как-то не очень подходило по ряду причин. Майлз вполне представлял, что мог бы проделать добрую дюжину разнообразных трюков до того, как попал под парализатор, чтобы итог предыдущей ночи оказался иным. Но если бы Форсуассон проверил перед выходом свой чертов респиратор, то остался бы в живых, уж в этом Майлз не сомневался. И чем больше он узнавал о Тьене Форсуассоне, тем сильнее становилась его уверенность, что своей смертью этот человек оказал не такую уж плохую услугу жене. Вдове. Немного помедлив, Майлз попытался продолжить светскую беседу:

– С вами все в порядке?

– Ну, с учетом всего происходящего... – пожала она плечами, изобразив подобие улыбки.

У нее между бровями залегли морщинки.

– А вы сами приняли... э-э-э... – Майлз кивнул на пузырек, – что-нибудь такое?

– Даже несколько. Спасибо.

– А-а-а. Хорошо. – Тебе причинили зло, а я не знаю, как это исправить. Совершенно очевидно, что для этого нужно нечто куда большее, чем пара таблеток. Майлз покачал головой, тут же пожалел об этом и направился к Тумонену.

Капитан ждал на диванчике в гостиной, тоже благодарно потягивая кофе, приготовленный госпожой Форсуассон. Когда лорд Аудитор вошел в комнату, офицер собрался было вытянуться во фрунт, но все же передумал. Майлз сел напротив Тумонена, и они обменялись приветствиями. Госпожа Форсуассон, войдя следом, поставила перед Майлзом его полупустую кружку, затем, искоса глянув на Тумонена, спокойно уселась рядом. Если Тумонен хочет, чтобы она ушла, пусть сам ей об этом скажет, решил Майлз. А потом еще и обоснует требование.

Но Тумонен, вопреки ожиданиям, лишь кивком поблагодарил ее и достал из кармана кителя пластиковый пакет. В нем лежала позолоченная электронная аудиторская печать. Капитан протянул ее Майлзу.

– Отлично, капитан, – кивнул Майлз. – Думаю, не стоит надеяться, что вы нашли ее непосредственно в кармане вора?

– Нет, к величайшему сожалению. Вы в жизни не догадаетесь, где мы ее нашли.

Майлз хмыкнул и поднес пакет к свету. Целлофан изнутри был покрыт водяными испарениями.

– Ну, в первую очередь я бы предположил, что в канализационной трубе где-то на полпути между этим домом и Серифозской фабрикой по переработке отходов.

У Тумонена отвисла челюсть.

– Откуда вы знаете?

– Когда-то очистка канализационных труб была у меня своего рода хобби. Не хочу показаться неблагодарным, но ее кто-нибудь помыл?

– Вообще-то да.

– Премного благодарен.

Майлз открыл пакет, и печать скользнула ему на ладонь. Вроде бы целая.

– Мой лейтенант отследил сигнал, – пояснил Тумонен. – Ну, во всяком случае, определил триангуляцию, буквально через полчаса после вашего звонка. А затем с группой захвата полез за ней в канализацию. Жаль, что я не видел их лиц, когда они наконец поняли, что им предстоит! Уверен, вы бы тоже это оценили.

Несмотря на головную боль, Майлз ухмыльнулся:

– Боюсь, прошлой ночью я был несколько не в форме, чтобы оценить что бы то ни было.

– Ну, короче, в результате эта впечатляющая делегация пошла будить муниципального инженера Серифозы. Она комаррианка, конечно. Когда к ней посреди ночи заявила Имперская безопасность, ее мужа чуть инфаркт не хватил. Лейтенанту удалось в конце концов успокоить супруга и с помощью леди получить то, что нам нужно... Боюсь, у нее оказался прекрасный повод для... э-э-э... иронии. И мы все признательны, что лейтенант не последовал своему первому порыву, то есть не приказал своей команде разнести этот самый кусок трубы из плазмотронов.

Майлз чуть не подавился кофе.

– Ду-ушевно признательны!

Он бросил взгляд на Катриону Форсуассон, которая, услышав последнюю фразу капитана, откинулась на подушку с сияющими глазами и зажала ладонью рот. Таблетки начали действовать, теперь он видел ее уже более отчетливо.

– Но никаких признаков нашей двуногой дичи, конечно, не обнаружилось, – вздохнув, закончил рассказ Тумонен. – Они давно удрали.

Майлз поглядел на свое искаженное отражение в кружке с кофе.

– Ну, сценарий предельно ясен. Вы сможете все точно восстановить по времени. Фоскол и неизвестно сколько сообщников обшарили мои карманы, привязали нас с администратором Форсуассоном к перилам, прилетели в Серифозу, позвонили госпоже Форсуассон. Скорее всего откуда-то поблизости. Как только она покинула квартиру, они вошли сюда, зная, что в их распоряжении как минимум час, до того как поднимется тревога. Воспользовались моей печатью, чтобы вскрыть кейс с данными об аварии. Затем спустили печать в туалет и смылись. Даже не вспотев.

– Плохо, что они не поддались искушению взять ее с собой.

– М-м-м, они четко понимали, что печать отслеживается. Поэтому и устроили свою маленькую шуточку. – Майлз нахмурился. – Но... зачем им понадобились хранящиеся у меня сведения?

– Наверное, они искали информацию о Радоваше. Что конкретно было в вашем кейсе?

– Копии всех закрытых технических отчетов об аварии на отражателе и доклады об аутопсии. Судха – инженер. Он, вне всякого сомнения, знал, что там находится.

– Нам сегодня предстоит чудное занятие в Департаменте Проекта Терраформирования, – мрачно заметил Тумонен. – Попытаться выяснить, кто из служащих отсутствует потому, что сбежал, а кто – потому что и вовсе не существовал никогда. Мне нужно с этим разобраться как можно быстрее, чтобы приступить к предварительным допросам. Думаю, нам придется всех их обработать суперпентоталом.

– Предсказываю, что это будет грандиозной потерей времени и пустой тратой медикамента, – хмыкнул Майлз. – Впрочем, всегда есть шанс, что кто-то знает гораздо больше, чем сам думает.

– М-м-м, да, – согласился Тумонен и оглянулся на молчаливо слушавшую их хозяйку дома. – И кстати, госпожа Форсуассон, боюсь, мне придется также попросить вашего согласия на допрос с суперпентоталом. Это стандартная оперативная процедура в таких случаях, как гибель вашего мужа, – мы должны опросить ближайших родственников покойного. Местная полиция, возможно, тоже захочет принять в этом участие или затребовать копию, в зависимости от того, к какому решению придет мое начальство о юрисдикции этого дела.

– Я понимаю, – бесцветным голосом проговорила Катриона.

– В смерти администратора Форсуассона ничего непонятного нет, – сказал Майлз, чувствуя себя весьма неловко. – Я стоял с ним рядом.

Ну, если уж быть точным, то стоял на коленях.

– Госпожа Форсуассон вовсе не подозреваемая, – уточнил Тумонен. – Она свидетель.

И допрос с суперпентоталом поможет ей и дальше оставаться в этом качестве, нехотя признал Майлз.

– Когда вы хотите это сделать, капитан? – спокойно спросила Катриона.

– Ну... Не сию секунду. У меня будет гораздо более точный список вопросов, когда мы закончим разбираться у них в конторе. Просто никуда не уходите.

«Я арестована?» – взглядом спросила она капитана.

– Дело в том, что мне нужно забрать моего сына, Николаса. Он ночевал у своего приятеля. И ему еще ничего не известно о происшедшем. Мне не хочется говорить ему об этом по комму, и я не хочу, чтобы он узнал все из программы новостей.

– Этого не произойдет, – мрачно отрезал Тумонен. – Пока, во всяком случае. Хотя подозреваю, что информационные службы скоро начнут нас осаждать. Кто-нибудь наверняка заинтересуется, с чего это вдруг вечно сонное отделение Имперской безопасности Серифозы вдруг развернуло такую кипучую деятельность.

– Я должна либо пойти забрать его, либо позвонить и договориться, чтобы он остался там еще.

– Что вы предпочитаете? – встрял Майлз, прежде чем Тумонен успел открыть рот.

– Я... Если вы собираетесь проводить этот допрос сегодня здесь, то я лучше подожду, пока все закончится, и заберу Никки потом. Но мне придется как-то объяснить ситуацию матери его друга. Сказать ей, ну, хотя бы, что прошлой ночью с Тьеном... произошел несчастный случай и он погиб.

– Вы уже поставили ее коммы на прослушивание? – прямо спросил Майлз.

Тумонен явно был ошарашен такой откровенностью, но, откашлявшись, все же ответил:

– Да. Вы должны отдавать себе отчет, госпожа Форсуассон, что Имперская безопасность будет в течение нескольких дней прослушивать все ваши звонки, как исходящие, так и входящие.

Она недоуменно посмотрела на него:

– Зачем?

– Существует возможность, что кто-то из команды Судхи или же какой-то связной, которого мы еще не обнаружили, не зная, что администратор мертв, попытается связаться с ним.

Катриона приняла объяснение с несколько скептическим кивком.

– Спасибо, что предупредили.

– Кстати, о звонках, – добавил Майлз. – Пусть кто-нибудь из ваших доставит мне сюда закрытый от прослушивания комм. Мне тоже нужно кое с кем переговорить.

– Вы останетесь здесь, милорд? – поинтересовался Тумонен.

– На некоторое время. Пока вы не закончите допрос госпожи Форсуассон и до прибытия лорда Аудитора Фортица, а он наверняка захочет прилететь. Как раз с ним я и собираюсь связаться в первую очередь.

– А, конечно!

Майлз огляделся. Активатор, футляр и загубник по-прежнему лежали там, где их бросили несколько часов назад.

– И будьте любезны, – указал на них Майлз, – пусть ваши спецы проверят мой медицинский прибор на предмет какой-нибудь пакости, а затем вернут его мне.

Брови Тумонена поползли вверх.

– Вы подозреваете, что с ним что-то сотворили, милорд?

– Просто пришла такая жуткая мысль. Но думаю, что будет не слишком разумно недооценивать ум и хитрость наших противников в такого рода вещах, а?

– Он вам нужен срочно?

– Нет.

Уже нет.

– Дискету, которую Фоскол прилепила к спине администратора Форсуассона, вы уже успели просмотреть? – продолжил Майлз. Он исхитрился не покосится на госпожу Форсуассон.

– Бегло, – ответил Тумонен и посмотрел на Катриону, сведя таким образом на нет все усилия Майлза проявить деликатность. Она слегка поджала губы. – Я отдал ее нашему финансовому аналитику – полковнику, ни больше ни меньше, – которого прислали из штаб-квартиры заниматься финансовой частью расследования.

– О, прекрасно! Я как раз собирался спросить, прислали ли вам помощников, чтобы облегчить существование.

– Да, все, что вы затребовали. Техническая команда прибыла на опытную станцию примерно час назад. Оставленный Фоскол пакет – это вроде бы полный документальный отчет обо всех финансовых операциях, связанных с... э-э-э... платежами, сделанными группой Судхи администратору. Если все это не фальшивка, то данные сильно помогут вычленивать схему казнокрадства из прочего мусора. Что довольно-таки странно, если подумать.

– Фоскол, вне всякого сомнения, любви к Форсуассону не питает, но наверняка все, что топит его, топит и самих комаррцев. Да, действительно весьма странно. – У Майлза было такое

ощущение, что если бы его мозги в данный момент не представляли собой пульсирующий субпродукт, то он смог бы вывести из этого логическую цепочку. Ладно, займемся этим позже.

Из глубины квартиры выплыл техник СБ в черном комбинезоне с черным ящиком, идентичным тому – а скорее всего тем же самым, – что Тумонен использовал у госпожи Радоваш.

– Я закончил с коммами, сэр, – сообщил он начальнику.

– Спасибо, капрал. Возвращайтесь в контору и скопируйте файлы к нам, затем в Солстис и полковнику Гиббсу.

Техник кивнул и направился к до сих пор сломанной – как заметил Майлз – входной двери.

– Да, и, пожалуйста, направьте сюда кого-нибудь починить дверь госпоже Форсуассон, – попросил Майлз. – Может быть, он заодно сможет поставить и замок получше.

Катриона наградила его благодарным взглядом.

– Слушаюсь, милорд. И пока вы здесь, я, конечно, оставлю охранника.

Эдакую двухметровую дуэнью, надо полагать. Стоит попытаться добыть для госпожи Форсуассон что-нибудь получше. Подозревая, что уже достаточно нагрузил бедного невыспавшегося Тумонена всякими поручениями и приказами, Майлз лишь попросил, чтобы его немедленно поставили в известность, если удастся обнаружить Судху или кого-нибудь из его группы, и отпустил капитана заниматься его значительно возросшими обязанностями.

К тому времени, когда Майлз принял душ и переоделся в свой последний свежий серый костюм, таблетки сделали свое дело и он почти почувствовал себя человеком. Он выплыл из комнаты, и госпожа Форсуассон пригласила его пройти на кухню. Оставленный Тумоненом охранник торчал в гостиной.

– Не хотите ли позавтракать, лорд Форкосиган?

– А вы сами ели?

– Ну, вообще-то нет. Но я не голодна.

Скорее всего так и есть, но выглядела она такой же бледной и измученной, как и он сам.

– Я съел бы что-нибудь, если вы составите мне компанию, – придумал тактический ход Майлз. – Что-нибудь попроще, – предусмотрительно добавил он.

– Хлопья? – осторожно предложила она.

– Да, с удовольствием.

Майлз хотел было добавить «я их сам приготовлю» – приготовление блюда из хлопьев было вполне в пределах его способностей, – но ему не хотелось, чтобы она ушла, поэтому он сел, как послушный гость, и принялся наблюдать за ее передвижениями по кухне. Катриона казалась несколько не на месте, хотя вроде бы находилась в святой святых своего дома. Где же она будет смотреться лучше? В каком-нибудь более просторном месте.

Она села и налила им обоим. Они обменялись любезностями. Проглотив несколько ложек, она неубедительно улыбнулась и спросила:

– Это правда, что суперпентотал делает человека... несколько придурковатым?

– М-м-м... Как на любой наркотик, люди на него реагируют по-разному. Мне приходилось неоднократно присутствовать при допросах с суперпентоталом в рамках моей предыдущей деятельности. И я сам подвергался его воздействию дважды.

Последнее заявление вызвало у нее живой интерес.

– О?

– Я... хм... – Майлз хотел успокоить ее, но ему приходилось быть честным. «Никогда не лгите мне больше», – сказала она тогда голосом, полным сдержанной страсти. – Моя собственная реакция – полная идиосинкразия.

– Разве у вас нет аллергии, которую Имперская служба безопасности специально прививает... Нет, конечно, нет, иначе вас бы тут сейчас не было.

Имперская безопасность ограждала своих ведущих сотрудников от допросов с суперпентоталом, прививая им аллергическую реакцию, приводящую в случае применения препарата к анафилактическому шоку и смерти. Для этого, конечно, требовалось согласие человека, но, поскольку данная прививка открывала доступ к карьере, недостатка в добровольцах служба безопасности не испытывала никогда.

– Вообще-то нет. Иллиан никогда мне этого не предлагал. Задним числом я не раз задумывался, не приложил ли к этому руку мой отец. Но в любом случае суперпентотал не делает меня более правдивым, лишь гиперактивным. Я болтаю невесть что. С огромной скоростью, надо думать. Когда меня подвергли такому допросу... хм... враги, я сумел выкрутиться, читая стихи. Оч-чень необычный опыт, должен сказать. У нормальных людей степень, ну, противности, что ли, зависит во многом от того, сопротивляется ли он воздействию наркотика, или нет. Если вы чувствуете, что ведущий допрос на вашей стороне, то это просто помогает свободнее давать те же показания, которые вы дали бы в любом случае.

– О! – Она выглядела не очень успокоенной.

– Не могу утверждать, что это не затрагивает каких-то глубинных вещей, – а у нее этих глубин, как в океане, – но грамотно построенный допрос не должен, – унижить вас, – быть так уж плох. – Хотя если уж события прошлой ночи не вытряхнули ее из ее состояния мрачного самоконтроля... Помедлив, Майлз добавил: – Как вы научились так скрывать ваши чувства?

Ее лицо мгновенно стало бесстрастным.

– А я скрываю?

– Да. По вашему лицу очень трудно что-либо прочесть.

– О! – Она отхлебнула кофе. – Не знаю. Я такая сколько себя помню. – Однако более отдаленные воспоминания несколько смягчили ее черты. – Хотя нет... Нет, было время... Думаю, было... У меня было... есть три старших брата.

Типичная структура форской семьи их поколения: перебор мальчиков и девочка в виде символического довеска. Так, для коллекции. Неужели никто из этих родителей не обладал (А) предвидением и (Б) умением элементарно считать? Неужели никто из них не хотел стать дедушками и бабушками?

– Двое были намного меня старше, – продолжила она, – но младший – вполне подходящего возраста, чтобы быть невыносимым. Он обнаружил, что может прекрасно поразвлечься, доводя меня до истерики. Вполне подходящим объектом для этого были лошади. В те времена я с ума сходила по лошадям. Я не могла дать сдачи: чтобы ответить словесно, мне тогда не хватало ума, а физически – сил. Он был значительно сильнее: ему тогда было четырнадцать, а мне – десять. Он просто переворачивал меня вверх тормашками, и все. Через некоторое время он меня настолько хорошо выдрессировал, что ему достаточно было заржать, чтобы вывести меня из себя. – Катриона кисло улыбнулась. – Для моих родителей это было совсем не просто.

– Они что, не могли его остановить?

– Обычно он был достаточно сообразителен, чтобы выходить сухим из воды. Его выкрутасы срабатывали даже со мной. Помню, что иногда я одновременно и смеялась, и пыталась огреть его чем-нибудь. И думаю, в то время мать уже заболела, хотя никто из нас об этом даже не подозревал. И мама мне как-то сказала – я как сейчас вижу ее сидящей, подперев лицо ладонями, – что единственный способ отделаться от него это просто не реагировать. То же самое она говорила, когда меня дразнили в школе или когда я расстраивалась из-за чего-то. «Будь как каменная, – говорила она. – Тогда он не получит никакого удовольствия и перестанет».

И он перестал. Во всяком случае, он повзрослел, перестал быть четырнадцатилетним олухом и поступил в университет. Теперь мы с ним друзья. Но я не научилась отвечать на нападение невозмутимостью. Теперь, оглядываясь на прошлое, я размышляю, сколько проблем моего брака было следствием... – Она улыбнулась и моргнула. – Моя мать ошибалась, я пола-

гаю. Уж сама-то она точно игнорировала свои боли слишком долго. Но теперь я бесстрашна все время, и уже слишком поздно меняться.

Майлз с силой закусил кулак. Все верно. Значит, с самой ранней юности она усвоила, что никто ее не защитит, кроме нее самой, и единственный способ выжить – прикинуться мертвым. Просто класс! И если и существует более ошибочный шаг, чем обнять ее и попытаться успокоить, то Майлз не мог его вообразить. Если ей нужно быть каменной, потому что это единственный известный ей способ выживания, то пусть будет мраморной, пусть будет гранитной. В чем бы вы ни нуждались, миледи Катриона, возьмите это. Чего бы ни хотели, вы это получите.

Единственное, что Майлз сумел в конечном итоге родить, было:

– А я люблю лошадей.

И задумался, действительно ли это прозвучало так по-идиотски, как... прозвучало?

Ее темные брови поползли вверх в веселом изумлении. Значит, именно так и прозвучало.

– Ой, я это переросла много лет назад!

Переросла или вынужденно бросила?

– Я единственный ребенок, но у меня есть кузен, Айвен, который был не менее вредным, чем бывают родные братья. И конечно, он намного крупнее меня, хотя мы практически ровесники. Но когда я был ребенком, у меня был телохранитель, один из оруженосцев графа, моего отца. Сержант Ботари. У него чувство юмора отсутствовало начисто. Если бы Айвен хоть раз попробовал выкинуть что-то вроде того, что творил ваш брат, его не спасло бы никакое хитроумие.

Катриона улыбнулась:

– Ваш личный телохранитель. Вот уж действительно идеальное детство.

– А оно во многом таким и было. Если не считать медицинской части. Тут сержант мне помочь ничем не мог. И в школе тоже. Должен сказать, в те времена я не ценил того, что имел. И половину времени тратил на то, чтобы придумать, как вырваться из-под его опеки. И мне это удавалось достаточно часто для того, чтобы понять, что я могу добиться успеха.

– Сержант Ботари по-прежнему с вами? Один из вассалов древнего форского рода?

– Был бы со мной, будь он жив. Мы с ним... э-э-э... попали в зону боевых действий во время путешествия по галактике, когда мне было семнадцать, и сержант погиб.

– Ой, мне очень жаль.

– Это произошло не совсем по моей вине, но именно мои решения повлекли за собой цепь событий, которые привели к его смерти. – Он наблюдал за ее реакцией. Как обычно, выражение ее лица практически не изменилось. – Но он научил меня, как выживать и жить дальше. Последний из очень многих его уроков.

Ты только что познала разрушение. А я умею выживать. Позволь мне помочь тебе.

Глаза ее блеснули.

– Вы любили его?

– Сержант был... непростым человеком, но да, я любил его.

– А!

Через некоторое время Майлз продолжил:

– Ну, как бы вы к этому ни пришли, в чрезвычайных ситуациях вы держитесь очень хорошо.

– Правда? – Она казалась удивленной.

– Да, прошлой ночью.

Катриона улыбнулась, явно тронутая комплиментом. *Дьявольщина, она не должна воспринимать это простое замечание как великую награду. Должно быть, она всю жизнь просидела на голодном пайке, раз такая ерунда кажется ей царским пиром.*

Это был самый откровенный разговор, которым она его удостоила за все время, и Майлз просто жаждал продлить мгновения, но хлопья в тарелках закончились, кофе остыл, и при-

был техник СБ с затребованным Майлзом закрытым коммом. Госпожа Форсуассон направила техника устанавливать комм в кабинет своего покойного мужа, как в самое уединенное место квартиры. Эксперты пришли и ушли, пока Майлз еще спал. Бросив быстрый взгляд на новый прибор, Катриона спряталась в хозяйственных хлопотах, как олень в чаще, явно намереваясь стереть все следы вторжения чужаков в свое жилье.

И Майлзу ничего не оставалось, как приступить к следующему, самому трудному разговору за это утро.

На установку закрытого от прослушивания канала с пришвартованным к отражателю кораблем-маткой спасателей, где в данный момент находился лорд Аудитор Фортиц, ушло несколько минут. Майлз устроился перед коммом с максимальными удобствами и приготовился терпеливо выносить раздражающие паузы в разговоре – следствие дальнего расстояния. Фортиц, наконец появившийся на экране, был в обычном корабельном комбинезоне и, судя по всему, собирался вскорости влезть в скафандр. Но казался вполне жизнерадостным и бодрым. Наверху жили по времени Солстиса, на несколько часов опережая часовой пояс Серифозы.

– Доброе утро, профессор, – начал Майлз. – Надеюсь, вы провели нынешнюю ночь лучше, чем мы. Самая плохая из всех имеющихся у нас паршивых новостей – вчера ночью ваш зять, Этьен Форсуассон, погиб на опытной станции отдела избыточного тепла из-за проблемы с респиратором. Я сейчас нахожусь в квартире Катрионы. Пока что она держится хорошо. Объясню подробно чуть позже.

Проблема с временной задержкой заключалась в том, что приходилось долго и тоскливо ждать, пока изменится выражение лица человека, когда до него дойдет сказанное несколько минут назад – особенно если новость действительно паршивая, меняющая человеческие жизни, – и не иметь возможности ни вернуть свои слова обратно, ни изменить формулировки. Когда послание дошло до Фортица, он испытал именно такое потрясение, какое и предвидел Майлз.

– Боже правый! Продолжай, Майлз.

Майлз, глубоко вздохнув, принялся подробно излагать события прошлого дня, начиная с впустую потраченных часов на перетряхивание помещений Проекта Терраформирования. Он рассказал о внезапном возвращении Форсуассона, потащившего его на опытную станцию. Об участии администратора в казнокрадстве, об их встрече с Судхой и госпожой Радоваш. О том, как они очнулись, прикованными к перилам (подробности гибели Форсуассона Майлз опустил)... О прибытии Катрионы. О вызове подразделения СБ, сильно запоздалом. Об истории с аудиторской печатью.

Лицо Фортица становилось все более и более ошарашенным.

– Майлз, это все просто чудовищно! Я прилечу как можно быстрее. Бедная Катриона! Пожалуйста, побудь с ней до моего прибытия, ладно? – Чуть поколебавшись, Фортиц добавил: – Вообще-то я подумывал позвать тебя сюда. Мы тут обнаружили кое-какое очень странное оборудование, подвергшееся сильному физическому воздействию и очень искореженное. И я хотел узнать, не попадалось ли тебе что-нибудь в этом роде во время твоих галактических странствий. На обломках кое-где сохранились серийные номера, которые, я надеюсь, смогут помочь. В свете твоего рассказа мне придется оставить разбираться с этим моих комаррских ребят.

– Странное оборудование? Судха с приятелями тоже удрали с кучей странного оборудования. Аж на двух грузовых катерах. Пусть ваши комаррские ребята передадут эти серийные номера полковнику Гиббсу в отделение Имперской безопасности Серифозы. Ему предстоит отследить множество серийных номеров оборудования, закупленного Проектом Терраформирования, и боюсь, оно может оказаться... не таким уж липовым, как я сначала предположил. Похоже, между опытной станцией и аварией с отражателем связей несколько больше, чем одно лишь тело бедолаги Радоваша. Послушайте, хм... В связи с участием Тьена во всей этой исто-

рии СБ намеревается допросить с суперпентоталом Катриону. Не хотите, чтобы я отложил это до вашего прибытия? Я подумал, что вам, возможно, захочется хотя бы пронаблюдать за ходом ее допроса.

Фортиц озабоченно нахмурился.

– Я... Бог ты мой... Нет. Мне бы хотелось, но не следует. Моя племянница... Это чистой воды конфликт интересов. Майлз, мальчик мой, ты не думаешь... Не смог бы ты проследить за этим и позаботиться, чтобы их не заносило?

– Ну, в Имперской безопасности больше не прибегают к резиновым дубинкам с металлическими насадками – но да, я планировал так и сделать. Если вы не против, сэр.

Пауза.

– Для меня это большое облегчение. Спасибо тебе.

– Не за что. И еще мне очень хочется узнать ваше мнение обо всем, что технической группе СБ удастся накопать на опытной станции. В данный момент у меня очень мало улик и куча теорий. И мне не терпится изменить это соотношение.

Когда до профессора Фортица дошла последняя фраза, его губы искривились в сдержанной одобрительной улыбке.

– Как и всем нам.

– У меня есть еще одно предложение, сэр. Мне кажется, Катриона здесь очень одинока. Насколько я понял, у нее тут нет ни близких друзей-комаррианок, ни, конечно, родственников... И я подумал, что было бы неплохо, если бы вы вызвали сюда вашу жену.

Фортиц просиял.

– Не просто неплохо, а очень мудро и мило с твоей стороны. Да, конечно, я вызову ее немедленно. С учетом сложившейся ситуации она наверняка сможет приехать, а ее ассистенты примут оставшиеся экзамены. Я должен был бы это и сам сообразить. Спасибо, Майлз.

– Все остальное может подождать вашего прилета, разве что СБ что-то найдет. Я сейчас приведу сюда Катриону, я знаю, что она хочет с вами поговорить... Но подозреваю, что участие Тьена во всей этой заварушке для нее довольно унижительно.

– А, Тьен... – поджал губы профессор. – Да. Я понимаю. Ладно, Майлз.

Майлз немного помолчал, а потом решил:

– Кстати о Тьене, профессор... Допрос с суперпентоталом обычно гораздо легче контролировать, если допрашивающий имеет хоть какое-то представление, куда лезет. Я не хочу... хм... не могли бы вы рассказать мне, что собой представлял брак Катрионы с точки зрения ее родни?

Пауза затянулась, потом Фортиц нахмурился.

– Мне бы не хотелось говорить дурно о покойнике, когда ему даже еще не принесли поминального возжигания.

– Боюсь, что в данном случае выбор у нас небогатый.

– Хм, – буркнул Фортиц, когда слова Майлза дошли до него. – Ну... думаю, тогда это всем казалось хорошим вариантом. Отец Катрионы, Саша Форвейн, знал покойного отца Тьена. К тому времени Форсуассон-старший совсем недавно умер. С тех пор уже десять лет минуло. Надо же, как время летит! А, ладно... Старшие дружили, оба служили в администрации графства, их семьи знали друг друга... Тьен только что уволился из армии и воспользовался правом ветерана, чтобы получить работу на гражданской службе округа. Симпатичный, здоровый... Казалось, в нем есть все, чтобы пойти по стопам отца, хотя, полагаю, все же должна быть какая-то причина, по которой он, прослужив в армии десять лет, не поднялся выше лейтенанта.

Фортиц пожевал губу.

Майлз едва заметно покраснел.

– Тому может быть множество причин... Не важно. Продолжайте.

– Форвейн начал приходить в себя после преждевременной смерти моей сестры. Он познакомился с женщиной, симпатичной леди средних лет... Вайоли Форвейн очень славная... И начал подумывать о повторном браке. Полагаю, он хотел, чтобы Катриона была как следует устроена... Чтобы с честью развязаться с последними обязательствами перед прошлым, если угодно. К тому времени мои племянники давно жили самостоятельно. Тьен связался с ним, отчасти чтобы отдать дань вежливости другу покойного отца, отчасти чтобы получить поддержку и рекомендацию на работу в округе... Они поладили, насколько могут поладить мужчины такого разного возраста. Нисколько не сомневаюсь, что мой шурин пел Катрионе дифирамбы...

– Если я правильно понял, в понимании ее отца «устроена» означало «замужем»? А не, к примеру, «выпускница университета, получающая огромное жалованье»?

– Это только для мальчиков. Во многих проявлениях мой шурин гораздо больше старый фор, чем ты – высший фор, – вздохнул Фортиц. – Так или иначе, Тьен заслал известную сваху, чтобы составить контракт, молодым людям позволили встречаться... Катриона была в восторге. Ей это льстило. Моя жена расстроилась, что Форвейн не подождал еще несколько лет, но... у молодежи нет чувства времени. Двадцать лет для них уже старость. Первое предложение – это последний шанс и прочая чепуха. Катриона не осознавала, насколько она красива, но ее отец, я полагаю, боялся, что она может сделать какой-нибудь неподходящий выбор.

– Не фора? – перевел Майлз.

– Или еще хуже. Может, какого-нибудь паршивого лаборанта, кто знает? – Глаза Фортица иронично блеснули.

Ах да! Пока он не стал три года назад Имперским Аудитором, к вящему изумлению своей родни, Фортиц и сам занимался далеко не форским делом. И женился не пойми как. И начал он свою карьеру еще тогда, когда старые форы были гораздо больше старыми форами, чем сейчас. В качестве примера Майлз вспомнил своего деда и подавил дрожь.

– Сначала все вроде бы шло хорошо, – продолжил профессор. – Она казалась вполне счастливой, довольно скоро родился Никки... На мой взгляд, Тьен слишком часто менял работу, но ему тогда гражданская деятельность была внове. Иногда несколько раз делаешь фальстарт, прежде чем найдешь себя. Катриона отдалилась от нас, но, когда мы с ней виделись, она была... спокойнее. Тьен никак не успокаивался, вечно в погоне за невидимой радугой. Думаю, все эти перемещения и переезды давались ей нелегко.

Фортиц нахмурился, как бы пытаясь припомнить не замеченные когда-то ключи к разгадке.

Майлз решил, что без разрешения Катрионы не имеет права рассказывать о дистрофии Форзонна. Это не его дело. И лишь ограничился замечанием:

– Полагаю, теперь Катриона более свободна, чтобы побольше рассказать обо всем.

Профессор озабоченно посмотрел на Майлза:

– Вот как?

Интересно, какие ответы я бы получил на те же самые вопросы, задай я их госпоже Фортиц?

Майлз покачал головой и пошел звать Катриону.

Катриона. Ему нравилось, как звучит ее имя. Было так легко в разговоре с профессором называть ее по имени. Но сама она еще не предложила ему так себя называть. Ее покойный муж называл ее Кэт. Кошачья кличка. Прозвище. Будто ему было некогда произносить имя жены полностью или же просто лень. Хотя действительно произносить ее полное имя – Катриона-Найла Форвейн-Форсуассон – язык свернешь. Но «Катриона» так хорошо звучит, элегантно и благородно, и хозяйка полностью его достойна. Всегда.

– Госпожа Форсуассон, – спокойно позвал Майлз.

Она появилась из своего кабинета. Майлз жестом пригласил ее подойти к комму. Катриона подошла неохотно, с серьезным лицом. Майлз тихо закрыл за ней дверь и оставил беседовать с дядей наедине. Он предвидел, что в предстоящие дни ей нечасто представится возможность побыть в одиночестве.

Наконец в сопровождении очередного охранника прибыл техник чинить дверь. Майлз отвел их в сторонку.

– Я хочу, чтобы вы оба были здесь до моего возвращения, ясно? Госпожа Форсуассон не должна ни на секунду оставаться без охраны. Хм... Когда закончите возиться с дверью, узнайте у нее, что еще в доме надо починить, и приведите в порядок.

– Слушаюсь, милорд.

Майлз, за которым по пятам следовал персональный охранник, потащился в контору Проекта Тетраформирования. Он миновал солдат СБ, снующих на автостанции, в холле здания и по коридорам, которые вели на этажи, занятые Проектом Тетраформирования. Майлз мрачно вспомнил известный афоризм старых форов: «Поздно запирать конюшню, когда лошадей уже украли». Здесь был представлен полный набор сотрудников Имперской безопасности – от громил со стальным взором до суесящихся техников и мелких служащих, разбирающихся с содержимым коммов. Работники Проекта Тетраформирования наблюдали за происходящим со скрытым ужасом.

Майлз обнаружил полковника Гиббса в приемной Форсуассона, вооруженного собственным коммом. К его удивлению, финансовому аналитику Имперской безопасности помогал похожий на кролика Венье. Венье одарил вошедшего Майлза неприязненным взглядом.

– Доброе утро, Венни. Вот уж не думал застать вас здесь, – сердечно приветствовал его Майлз. Его почему-то порадовало, что этот малый не входил в группу Судхи. – Приветствую, полковник. Я – Форкосиган. Извините, что пришлось вас так срочно выдерживать.

– Милорд Аудитор, я полностью в вашем распоряжении. – Гиббс встал и пожал протянутую руку. Вид полковника радовал глаз: стройный седовласый мужчина средних лет с безупречными манерами, который, несмотря на зеленый мундир СБ, выглядел как стопроцентный бухгалтер. Хотя Майлз вот уже почти три месяца был Имперским Аудитором, он все еще никак не мог привыкнуть к пиетету со стороны людей старше себя по возрасту.

– Полагаю, капитан Тумонен вас проинформировал и передал дискеты с весьма любопытной информацией, полученной нами прошлой ночью.

Гиббс кивнул и подтащил стул для лорда Аудитора. Венье воспользовался случаем, чтобы откланяться, и удрал, едва дождавшись разрешения полковника. Они уселись, и Майлз спросил:

– Ну и как ваши успехи?

Он поглядел на кучу распечаток, уже выданных коммом.

Гиббс чуть улыбнулся:

– Ну, первыми тремя часами работы я в общем-то доволен. Мы смогли вычислить практически всех липовых сотрудников отдела использования избыточного тепла. Думаю, что довольно скоро я вычислю и фальшивые счета. Предоставленные этой вашей госпожой Фоскол сведения о левых доходах покойного администратора Форсуассона весьма точны. Проверить их достоверность не представляет большого труда.

– Будьте предельно осторожны со всеми данными, прошедшими через ее руки, – предупредил полковника Майлз.

– О да! Она просто великолепна. Подозреваю, что для меня работать с ней будет удовольствием и честью, милорд. Надеюсь, вы понимаете, о чем я, – сверкнул глазами Гиббс.

Как приятно встретить человека, любящего свое дело! Что ж, он просил штаб СБ в Солтисе прислать ему самых лучших.

– Не спешите так восторгаться Фоскол. У меня для вас есть еще кое-что, что обещает быть довольно занудным.

– Вот как?

– Я подозреваю, что, помимо пресловутых «мертвых душ», отдел избыточного тепла пробрел еще кучу липового оборудования. Липовые инвойсы и все такое.

– Да. Я обнаружил три дутые компании, через которые это делалось.

– Уже? Так быстро? И что же?

– Я сравнил список инвойсов, оплаченных этим отделом, с официальным реестром компаний империи. Это, как вы понимаете, не стандартная процедура при аудиторской проверке, хотя я полагаю, что предложу внести ее в дальнейшем в список обязательных. И выявилось три компании. Мои оперативники их сейчас проверяют. К концу дня у меня уже будет для вас информация по этому вопросу. Думаю, что не слишком самонадеянно будет утверждать, что за неделю мы сможем отследить все.

– На данный момент меня в первую очередь интересуют не деньги. – Брови Гиббса поползли вверх. – Судха и компания сбежали с кучей оборудования, – пояснил Майлз. – И я думал, что, если у нас будет список закупок отдела избыточного тепла, тогда, вычеркнув из него то, что имеется в наличии по инвентарному списку, мы получим то оборудование, которое они увезли.

– Скорее всего, – одобрительно поглядел на него Гиббс.

– Это, конечно, грубый подход, – извиняющееся проговорил Майлз, – и, увы, не такой простой, как сопоставление данных.

– Именно для этого и существуют подчиненные, – пробормотал Гиббс.

Довольные друг другом, они обменялись лучезарными улыбками.

– Но у нас все получится, если инвентарный список действительно точный, – продолжил Майлз. – Я хочу, чтобы вы особо искали липовые инвойсы, покрывающие реальные закупки нестандартного и неучтенного оборудования. Я хочу знать, не утащил ли Судха нечто... необычное.

Гиббс заинтересованно склонил голову набок и сощурился.

– Для них не составило труда использовать для этого те же липовые компании.

– Если вы обнаружите нечто подобное, пометьте это и немедленно сообщите мне или лорду Аудитору Фортицу. Особенно если вам попадется что-нибудь, идентичное оборудованию, найденному аварийщиками Фортица в окрестностях поврежденного отражателя.

– Ага! Тогда все становится более или менее ясным. Должен заметить, я никак не мог понять, почему это Имперская служба безопасности столь серьезно заинтересовалась банальным казнокрадством. Хотя здесь применен весьма любопытный способ казнокрадства, – потопился он заверить Майлза. – Высокопрофессиональный.

– И даже очень. Пожалуйста, полковник, считайте список оборудования приоритетным делом.

– Хорошо, милорд.

Оставив нахмурившегося Гиббса (пожалуй, очень даже заинтересованно нахмурившегося, решил Майлз) наедине с завалом распечаток, Майлз отправился на поиски Тумонена.

Серый от усталости капитан сообщил, что никаких сюрпризов нынче утром не произошло. Оперативники следов Судхи еще не обнаружили. Из штаб-квартиры прислали майора со специальным чемоданчиком для ведения допросов, и он в данный момент допрашивает всех оставшихся в наличии сотрудников отдела. Инквизиция происходит в конференц-зале.

– Но на то, чтобы допросить их всех, уйдет дней несколько, – добавил Тумонен.

– Вы все еще хотите допросить сегодня госпожу Форсуассон?

Тумонен потер лицо ладонями.

– Да, чтобы покончить с этим.

– Я буду присутствовать.

– Это ваше право, милорд, – помедлив, кивнул Тумонен.

Майлз задумался, не посмотреть ли, как проходит допрос служащих, но решил, что в своем нынешнем физическом состоянии вряд ли сможет предложить что-либо стоящее. На данный момент вроде бы все под контролем, если не считать его самого. Действие болеутоляющего уже сходило на нет, и стенки коридоров сделались какими-то расплывчатыми. Если он хочет, чтобы днем от него был хоть какой-то прок, ему следует немедленно отдохнуть.

– Значит, встретимся позже, дома у госпожи Форсуассон, – сказал Майлз Тумонену.

Глава 13

Катриона сидела перед коммом в своем кабинете и пыталась сообразить, как жить дальше, как собрать осколки бытия. На самом деле все гораздо проще, чем ей показалось сначала. Выяснилось, что собирать практически нечего. Как это я умудрилась сделаться такой ничтожной?

Она изучала возможности. Сперва самые главные: медицинское обслуживание гарантировалось им до конца квартала. У нее оставалось еще несколько недель. Катриона подсчитала в уме дни. Если не терять времени, то для Никки хватит.

На ее счету оставалось несколько сотен марок, и еще несколько сотен – на счету Тьена. Квартирой она тоже может пользоваться до конца квартала, а потом должна освободить ее для преемника Тьена. Отлично. Остаться здесь ей не хотелось. Пенсии, конечно, не будет. Катриона поморщилась. Зато им с Никки полагался гарантированный проезд до Барраяра, и хвала небесам, что Тьен не придумал, как и это превратить в наличность.

Оставшаяся собственность была скорее ярмом, чем достоянием, если учесть, что все это необходимо перетащить на скачковый корабль. Допустимый вес багажа не слишком велик. Придется большую часть выделить Никки. Для него его маленькие сокровища значат гораздо больше, чем ее большие – для нее. Глупо обременять себя кучей имеющихся в трех комнатах вещей, которые она собиралась бросить здесь буквально несколько часов назад. Она и сейчас может легко с ними расстаться. Одежду себе и Никки Катриона покупала в «секонд-хэнде», а одежду и вещи Тьена можно продать, потратив на это всего несколько часов. Она же желала путешествовать налегке.

Теперь долги. С долгами все просто. Во-первых, те двадцать тысяч марок, что Тьен занял да так и не отдал. Затем – должна ли она, следуя обязательствам чести, во имя спасения форской гордости и доброго имени Никки, возместить Империи полученные Тьеном взятки?

Ну, сегодня ты этого все равно сделать не сможешь. Займись тем, что тебе по силам.

Она давно уже изучила вдоль и поперек все клиники Комарры, где лечили генетические заболевания, эти сведения навсегда отпечатались у нее в мозгу, но раньше официальным опекуном Никки являлся Тьен, а Тьен боялся огласки. Теперь по закону официальным опекуном Никки на Барраяре считается троюродный брат Тьена, которого Катриона сроду не видела. Поскольку Никки не наследовал ни состояния, ни графства, то передача права опеки ей скорее всего не составит особых хлопот. Ладно, с юридическими делами она разберется позже. А пока надо заняться делом.

Ей потребовалось десять минут, чтобы связаться с ведущей генетической клиникой Комарры в Солстисе и уговорить их принять Никки послезавтра, а не через пять недель, как ей сначала предложили.

Вот так.

Все просто. Ее прямо-таки трясло от злости на Тьена и на саму себя. Все это можно было сделать еще несколько месяцев назад, когда они только прибыли на Комарру, если бы только у нее хватило тогда мужества бросить вызов Тьену.

Теперь следует известить мать Тьена как единственную близкую родственницу. Дальнюю родню на Барраяре его мать оповестит сама. Не желая отправлять видеопослание, Катриона предпочла обычное письмо, надеясь, что оно окажется не слишком холодным. Несчастный случай с респиратором, который Тьен не потрудился проверить. И ничего о комаррцах, о взятках и казнокрадстве. Ничего такого, против чего может возразить СБ. Матери Тьена незачем знать о бесчестии сына. Да она, возможно, никогда и не узнает. Катриона почтительно поинтересовалась пожеланиями свекрови относительно похорон и того, как распорядиться прахом. Скорее всего мать Тьена захочет перевезти его на Барраяр, чтобы похоронить рядом со старшим

сыном. Катриона вдруг представила, что бы испытала она сама, если вдруг, в отдаленном будущем, доверив Никки его жене, сулящей блестящие перспективы, получила бы сына обратно в виде урны с прахом. С сопроводительной запиской. Нет, придется ей проделать все это лично. Но это – позже.

Катриона отправила письмо.

Практическая сторона дела крайне простая. Закончить все дела и упаковать вещи можно за неделю. А вот финансовая... Нет, не то чтобы это невозможно вообще. Просто ее нельзя решить в одночасье. Может, стоит взять долгосрочный кредит, чтобы выплатить тот долг? Если, конечно, кто-нибудь захочет предоставить кредит нищей безработной вдове. Оставленное ей Тьеном наследство со знаком минус сильно приглушало свет ее нового будущего. Катриона ясно представила себе птицу, которую выпустили на свободу после десятилетнего сидения в клетке с напутствием лететь, куда захочет... как только эти тяжеленные гири привяжут к ее ногам.

Эта птица все же доберется туда, куда хочет, но только если пройдет весь путь пешком, шаг за шагом...

Сигнал комма вывел ее из задумчивости. На головиде показался серьезный мужчина, одетый по комаррской моде. Катриона никогда не видела его среди служащих Тьена.

– Здравствуйте, мэм, – неуверенно приветствовал ее комаррец. – Моя фамилия Анафи, я представляю брокерское агентство «Риальто». Я ишу Этъена Форсуассона.

Катриона узнала название компании, чьи деньги Тьен потерял, играя на акциях торгового флота.

– Его... его нет. Я госпожа Форсуассон. Что вам угодно?

Взгляд Анафи стал более колючим.

– Это четвертое уведомление о просрочке платежей. Господин Форсуассон должен либо выплатить все полностью, либо немедленно установить новый график выплат.

– А как обычно составляется этот график?

Анафи, казалось, удивил ее вопрос. Разговаривал ли он уже до этого с Тьеном? Комаррец слегка расслабился, откинувшись на стуле.

– Ну... Обычно мы высчитываем проценты, исходя из заработной платы клиента и других имеющихся у него доходов.

Я не получаю зарплат. И у меня нет собственности. Катриона подозревала, что Анафи это не понравится.

– Тьен... сегодня ночью погиб. Несчастный случай. Так что сегодня здесь все несколько в беспорядке.

Анафи казался ошарашенным.

– О! Мне очень жаль, сударыня, – только и сумел выдать он.

– Я не думаю... Кредит застрахован?

– Сейчас проверю, госпожа Форсуассон. Будем надеяться... – Анафи повернулся к внутреннему комму и нахмурился. – Мне очень жаль вам это говорить, но нет.

Ах, Тьен...

– Так как мне его выплатить?

Анафи довольно долго молчал, как бы раздумывая.

– Если вы согласитесь поставить под договором свою подпись, к завтрашнему дню я представлю вам график выплат.

– Вы можете это сделать?

Послышался нерешительный стук в дверь. Обернувшись, Катриона увидела лорда Форкосигана. Интересно, и давно он тут стоит? Он жестом попросил разрешения войти. Катриона кивнула. Подойдя, он посмотрел ей через плечо на Анафи.

– Это что за малый? – тихо поинтересовался он.

– Его фамилия Анафи. Он из той компании, что предоставила Тьену кредит на покупку акций.

– Ага! Позвольте-ка... – Подойдя к комму, Форкосиган набрал номер. Появилось изображение седовласого мужчины в мундире с полковничьиими знаками различия и Глазами Гора в петлицах.

– Полковник Гиббс, – жизнерадостно произнес Форкосиган. – У меня есть для вас кое-какие новые данные о финансовых делах администратора Форсуассона. Господин Анафи, познакомьтесь с полковником Гиббсом. Имперская служба безопасности. У него есть к вам ряд вопросов. Всего доброго.

– Имперская безопасность?! – в ужасе возопил Анафи. – Имперская безопасность? Какое отношение...

Форкосиган отключил комм, и он исчез.

– Нет больше Анафи, – удовлетворенно сообщил он. – Во всяком случае, на ближайшие несколько дней.

– Правда, очень мило? – заметила Катриона, невольно позабавленная. – Они предоставили Тьену кредит «за красивые глазки»!

– Как бы то ни было, не подписывайте ничего, не посоветовавшись прежде с юристом. Если вы ничего не знаете об этом кредите, то вполне возможно, что на его погашения пойдут средства Тьена, а не ваши. Его кредиторы могут хоть передрасться между собой за оставшиеся крохи, но вас это уже не будет касаться.

– Тьен не оставил ничего, кроме долгов.

И бесчестья.

– Ну, значит, драка будет недолгой.

– Разве это честно?

– Смерть – обычный риск для бизнеса. Конечно, в одном бизнесе риска больше, в другом... – Он коротко улыбнулся. – Господин Анафи был готов получить вашу подпись на кредитном договоре. Что наводит меня на мысль, что он прекрасно понимал возможный риск и посчитал, что может навесить на вас долг, сделанный не вами, воспользовавшись вашим шоковым состоянием. Нечестно. Даже неэтично, я бы сказал. Да, думаю, мы можем предоставить его Имперской безопасности.

Все это выглядело довольно легкомысленно, но... было трудно оставаться равнодушной к жизнерадостному блеску в глазах Форкосигана, когда он уничтожил ее противника.

– Благодарю вас, лорд Форкосиган. Но мне и правда следует научиться самой справляться с такими вещами.

– Да, конечно, – мгновенно согласился он. – Жаль, что здесь нет Циписа. Он занимается делами моей семьи уже лет тридцать. И обожает учить новичков. Если бы я мог натравить его на вас, вы стали бы специалистом в мгновение ока, а он был бы в экстазе. Боюсь, что в юности я был для него сплошным разочарованием. Меня интересовало лишь то, что касалось армии. В конечном итоге он сумел вбить мне в голову кое-что из экономики под соусом обеспечения и снабжения войск. – Прислонившись к стене, лорд Форкосиган скрестил руки на груди и покачал головой. – Как скоро вы рассчитываете вернуться на Барраяр?

– Чем быстрее, тем лучше. Я с трудом выношу это место.

– Думаю, что вполне могу вас понять. А куда вы... э-э-э... отправитесь на Барраяре?

Катриона уставилась на выключенный головид.

– Пока не знаю. Во всяком случае, не к отцу.

Снова оказаться на положении малого дитяти... Она представила, как придет, нищая, без средств к существованию, и сядет на шею отцу или одному из братьев. Они охотно будут ее содержать и не поскупятся, но при этом будут вести себя так, будто ее зависимое положение

лишает ее всех прав и достоинства, даже ума. И распоряжаться ее жизнью. Ради ее же блага, разумеется...

– Уверена, что меня там охотно примут, но боюсь, что его вариант решения моих проблем сведется к тому, чтобы снова выдать меня замуж. Почему-то эта идея в данный момент не приводит меня в восторг.

– О! – произнес Форкосиган.

Повисло молчание.

– А чем бы вы хотели заняться, будь у вас такая возможность? – неожиданно спросил он. – Не из практических соображений, а вообще?

– Я не... Обычно я начинаю с того, что возможно, и от этого танцую дальше.

– Попробуйте дать свободу воображению. – Он сделал широкий жест, как бы означающий широкие просторы.

Катриона принялась вспоминать свою жизнь, всю жизнь до того момента, когда она совершила фатальную ошибку. Столько лет потеряно...

– Ну... думаю, что вернулась бы в университет. Но на сей раз уже зная что хочу. Курс садоводства и факультет искусств, чтобы заниматься дизайном садов. Химия, биохимия, ботаника и генетика. Приобрести реальные знания, такие, чтобы тебя не могли смутить или... или убедить сделать глупость, потому что ты полагаешь, будто все знают больше, чем ты.

Она сердито нахмурилась.

– Чтобы иметь возможность проектировать сады за деньги?

– Нет, больше. – Она сощурилась, словно присматривалась к чему-то у себя внутри.

– Планеты? Терраформирование?

– О Господи! Для этого нужно десять лет учебы и еще десять лет интернатуры!

– И что? Им же нужно брать кого-то на работу. Взяли же они Тьена?

– Тьен был всего-навсего администратором. – Она печально покачала головой.

– Ладно, – покладисто согласился Форкосиган. – Значит, больше, чем сады, но меньше, чем планета. Все равно остается обширное пространство для маневра. Барраярский округ может быть неплохим началом. Тот, где еще не закончено терраформирование, скажем, незавершенные проекты лесопосадок, поврежденная почва и острый недостаток красоты. А оттуда, – продолжил он, – вы сможете постепенно перейти к планетам.

Катриона рассмеялась:

– Откуда такая одержимость планетами? Ничего поменьше вас не устроит?

– Элли К... один мой друг обычно говорит: «Целься выше. Может, в цель ты и не попадешь, но уж наверняка не отстрелишь собственные ноги». – Ухмыльнувшись, он подмигнул ей, и, колебавшись, медленно продолжил: – Знаете... ваш отец и братья ведь не единственные ваши родственники. Профессор с женой обладают просто неиссякаемым стремлением учить. И вы не сможете убедить меня, что они не предоставят вам с Никки убежище, пока вы не начнете новую жизнь. И тогда вы сможете жить в Форбарр-Султане, практически рядом с университетом и... хм... всем остальным. И там отличные школы для Никки.

– Ему будет куда как полезно пожить на одном месте для разнообразия, – вздохнула она. – Он тогда сможет наконец-то обзавестись друзьями, с которыми не придется вскоре расставаться. Но... я с некоторых пор ненавижу зависимость.

Он проницательно поглядел на нее:

– Потому что это предало вас?

– Или привело к тому, что я изменила сама себе.

– М-м-м... Но ведь существует несомненная качественная разница между... хм... теплицей и криокамерой. И то, и другое дает укрытие, только первая обещает рост, а вторая... хм... – Похоже, лорд Форкосиган несколько запутался в своей метафоре.

– Отсрочивает разложение? – вежливо подсказала Катриона.

– Вот именно. – На его губах снова промелькнула быстрая улыбка. – Но, как бы то ни было, я полностью убежден, что оба профессора – теплицы в человеческом облике. Вечно в окружении студентов, они давно привыкли к тому, что люди вырастают и идут дальше своим путем. И считают это нормальным. Лично я полагаю, что вам у них понравится.

Он подошел к окну и выглянул наружу.

– А мне там и нравилось, – мечтательно ответила она.

– Ну, значит, это вполне осуществимо. Отлично, с этим решили. Вы обедали?

– Что? – рассмеялась Катриона, взъерошив волосы.

– Обед, – совершенно серьезно повторил он. – Многие люди обедают примерно в это время суток.

– Вы ненормальный, – убежденно изрекла она, сознательно игнорируя несколько, мягко говоря, неверную адресовку данного заявления. – Вы всегда вот так, походя, распоряжаетесь будущим других людей?

– Только когда голоден.

Катриона сдалась:

– Думаю, что смогу что-нибудь...

– Ни за что! – возмутился он. – Я послал одного из подхалимов. И только что видел его идущим по парку с многообещающе большой сумкой в руках. Охранникам тоже нужно есть, знаете ли.

Катриона некоторое время любовалась человеком, у которого на побегушках Имперская служба безопасности. Должно быть, существуют какие-то правила по поводу еды во время дежурства. Хотя... Она позволила Форкосигану отвести ее на ее же собственную кухню, где они выбрали себе еду из доброй дюжины контейнеров. Катриона утащила абрикосовый торт для Никки, и они отправили все, что осталось, в гостиную охранникам. Единственное, что Форкосиган позволил ей сделать, – это заварить чай.

– Нашли что-нибудь новенькое сегодня утром? – спросила Катриона, когда они уселись за стол. Она старалась не вспоминать последний разговор с Тьеном здесь, на кухне. О да, я хочу домой! – Есть что-нибудь о Судхе и Фоскол?

– Пока нет. Отчасти я жду, что СБ схватит их в любой момент, отчасти... я далек от такого оптимизма. Я все думаю, как давно они начали планировать свое отбытие.

– Ну... Сомневаюсь, что они полагали, будто в Серифозу придут Имперские Аудиторы. Во всяком случае, уж это точно застало их врасплох.

– Хм. А! Я понял, почему все это кажется таким странным! Такое впечатление, что мои мозги работают заторможенно, и вовсе не из-за этих треклятых припадков! Дело в том, что я не на той стороне. В защите, а не в нападении! Все время отстаю на шаг, а реагировать и действовать – далеко не одно и то же. У меня жуткое ощущение, что это неотъемлемое условие моей новой работы. – Он откусил кусок сэндвича. – Разве что я смогу продать Грегору идею создать Аудитора-провокатора... Ну, в любом случае у меня появилась мысль, которую я собираюсь опробовать на вашем дядя Фортице, как только он явится. – Форкосиган замолчал, и повисла пауза. Через некоторое время он добавил: – Если вы издадите какой-нибудь поощряющий звук, я продолжу.

Это высказывание застало ее с набитым ртом.

– М-м-м?

– Очень мило! Видите ли... предположим... предположим, что вся эта затея Судхи – нечто большее, чем банальное казнокрадство. Может быть, они использовали ворованные имперские средства для ведения реальных исследований и разработок, не имеющих никакого отношения к использованию избыточного тепла. Возможно, это предрассудки из моего военного прошлого, но я почему-то уверен, что они делали оружие. Какую-нибудь новую разновидность гравидеструктора, например. – Он отхлебнул чай.

– У меня никогда не возникало впечатления, что Судха или кто-либо другой из сотрудников Проекта Терраформирования обладают военным мышлением. Совсем наоборот.

– Чтобы совершить диверсию, этого и не требуется. Какую-нибудь здоровенную и совершенно идиотскую подлость... Я не перестаю беспокоиться по поводу грядущего бракосочетания Грегора.

– Судха не страдает манией величия, – медленно ответила Катриона. – И не настолько подл, в частности.

Она нисколько не сомневалась, что смерть Тьена – чистая случайность.

– И не глуп, – с сожалением вздохнул Форкосиган. – Я не исключаю до конца такую версию. Потому что она заставляет меня дергаться. И держит в напряжении, заставляя шевелить извилинами. Но предположим, что оружие все же существует. Может быть, они атаковали рудовоз, чтобы это оружие испытать? Достаточно подло. И испытания провалились? И было ли повреждение отражателя случайным побочным эффектом? Состояние тела Радоваша наводит на мысль о том, что в него стреляли. Дележка добычи между ворами? Как бы то ни было, чтобы привязать эти досужие рассуждения к каким-нибудь реальным доказательствам, я собираюсь составить полный список оборудования, закупленного Судхой для своего отдела, выкинуть из него все, что имеется в наличии, и в результате получить список частей их секретного оружия. На этом месте моя гениальность мне отказывает, и я собираюсь предоставить разобраться с этим вашему дяде.

– Ой! Ему это понравится! – воскликнула Катриона. – Он начнет на вас рычать!

– А это хороший признак?

– Да!

– Хм. Итак, эта предположительная диверсия с применением секретного оружия... Насколько они близки к успеху? Я не перестаю задумываться о странном поведении Фоскол... извините... Зачем она оставила нам дискету с уликами против Тьена? Это все равно что заявить: не имеет значения, что комаррцы тоже в этом замараны, потому что... Потому что их здесь уже не будет, чтобы ответить за последствия? Это наводит на мысль о побеге, что противоречит гипотезе об оружии, которое, по идее, они должны использовать.

– Или потому, что они считают, что вас здесь не будет, чтобы повлечь эти последствия, – предположила Катриона. Хотели ли они, чтобы Форкосиган тоже умер? Или... что?

– О, класс! Очень успокаивающе. – Он довольно агрессивно впился зубами в сэндвич.

Подперев лицо ладонью, она со скрытым любопытством посмотрела на него.

– В Имперской безопасности знают, что вы вот так болтаете?

– Только когда очень устал. К тому же я люблю размышлять вслух. Тогда мысли текут медленнее и я успеваю обдумать все как следует. Впрочем, должен сознаться, что очень немногим хватает терпения дослушать до конца. – Он искоса кинул на нее странный взгляд. Действительно, когда его оживление замедлялось – что случалось, по ее наблюдениям, крайне редко, – тут же проявлялась серая усталость. – К тому же вы сами поощрили меня. Пропели «м-м-м».

Она возмущенно посмотрела на него, но не попала на удочку.

– Извините, – тихо продолжил он. – Кажется, я сейчас несколько дезориентирован. – Он виновато поморщился. – На самом деле я вернулся, чтобы немного отдохнуть. Ну разве не трогательно? Кажется, я старею.

В этот момент Катриона с растерянностью осознала, что у них обоих жизненный опыт не совпадает с возрастом. У нее сейчас образование ребенка и статус вдовы. А Форкосиган... очень молод для своего поста, это точно. Но эта его вторая, посмертная, так сказать, жизнь делает его старше, чем она когда-либо будет.

– «Распалась связь времен», – пробормотала она.

Он пронзительно поглядел на нее и, кажется, собрался что-то сказать. Но раздавшиеся в коридоре голоса прервали разговор. Катриона повернула голову.

– Тумонен? Так скоро?

– Хотите перенести это на более поздний срок? – спросил Форкосиган.

– Нет, – покачала она головой. – Я хочу поскорее покончить с этим. И забрать Никки.

– А! – Он допил чай и встал.

Они вдвоем прошли в гостиную. Действительно, пришел капитан Тумонен. Кивнув Форкосигану, он вежливо поздоровался с Катрионой. С капитаном была женщина-медик в форме барраярского военврача, которую Тумонен им представил. Она принесла с собой аптечку, стоявшую сейчас на столе. Там лежали ампулы и инъекторы в гелевых упаковках. И прочие средства оказания первой помощи на все случаи жизни.

Тумонен попросил Катриону сесть на кушетку.

– Вы готовы, госпожа Форсуассон?

– Думаю, да.

Катриона со скрытым опасением и некоторой неприязнью смотрела, как медик выкладывает инъектор и показывает его Тумонену для проверки.

Положив еще один инъектор рядом с первым, женщина достала маленький пластырь.

– Протяните, пожалуйста, руку, сударыня.

Катриона выполнила просьбу. Медик крепко прижала пластырь с аллергической пробой к ее коже и тут же отклеила его. Продолжая крепко держать руку Катрионы, она смотрела на часы. Пальцы врача были сухими и холодными.

Тумонен отослал охранников подальше – одного к входной двери, другого на балкон – и включил запись. Затем повернулся к Форкосигану и подчеркнуто официально произнес:

– Смею напомнить, лорд Форкосиган, что второй спрашивающий может создать лишние осложнения во время допроса с суперпентоталом.

– Угу, – отмахнулся Форкосиган. – Я знаю правила. Продолжайте, капитан.

Тумонен посмотрел на медика, которая внимательно оглядела руку Катрионы и отпустила ее.

– Все в норме, – доложила она.

– Тогда приступайте.

Катриона закатала рукав. Инъектор прошипел, и руку обдало холодом.

– Медленно ведите обратный отсчет от десяти, – сказал Тумонен.

– Десять... – послушно начала Катриона. – Девять... восемь... семь...

Глава 14

– ...Два... один...

Голос Катрионы, вначале едва слышный, становился все громче.

Майлз подумал, что может точно определить, когда наркотик растекся по ее кровеносной системе. Ее судорожно стиснутые кулаки расслабились. Напряжение, сковывавшее ее плечи, спину, лицо, все тело, растаяло как снег на солнце. Зрачки расширились и заблестели, щеки зарумянились. Губы раздвинулись в лучезарной улыбке. Катриона посмотрела на сидящего позади Тумонена Майлза.

– Ой! – удивленно воскликнула она. – Это совсем не больно!

– Да, суперпентотал – это не больно, – громко и уверенно ответил капитан.

Она вовсе не это имеет в виду, Тумонен. Если человек жил в боли, как русалка в воде, до тех пор, пока боль не стала такой же привычной, как дыхание, внезапное исчезновение ее – пусть даже искусственное – должно производить ошеломляющее впечатление. Майлз облегченно вздохнул, увидев, что Катриона не будет ни хихикать, ни дурачиться. Не оказалась она и из числа тех редких несчастных, у кого наркотик вызывает неудержимый поток ругательств или столь же невыносимый поток слез.

Нет. С ней все это проявится тогда, когда мы снимем воздействие наркотика. От этой мысли его пробрала дрожь. Но Бог ты мой, какая же она красавица, когда не чувствует боли! Ее открытая радостная и теплая улыбка казалась странно знакомой, и Майлз пытался вспомнить, когда он видел ее такой счастливой. Не сегодня, не вчера...

Это было в твоём сне.

Ох!

Усевшись поудобнее, он уперся подбородком в ладонь, прикрыв пальцами рот, и принялся слушать, как Тумонен задает стандартные нейтральные вопросы: имя, фамилия, дата рождения, имена родителей и так далее. Целью этих вопросов было не только дать время наркотику подействовать, но и задать ритм вопрос-ответ, помогающий вести допрос, когда вопросы становились труднее. День рождения Катрионы оказался на три недели раньше его, мимоходом отметил Майлз. Но дворцовый переворот Фордариана, случившийся в год их рождения и перевернувший с ног на голову прилегающие к Форбарр-Султану регионы, практически не коснулся Южного континента.

Медик скромно уселась в сторонке, но – увы! – не за пределами слышимости. Майлз надеялся, что у нее достаточный допуск секретности.

Майлз не знал, и решил не спрашивать, почему Тумонен выбрал медика-женщину – возможно, из деликатности, как бы признавая, что допрос с помощью суперпентотала может превратиться в психологическое изнасилование. Физическое насилие было неприменимо на таких допросах, так что людям определенного (довольно неприятного) психологического типа больше не светила карьера следователя. Но физическое насилие – не единственный вид насилия, и даже не самый страшный. А может, эта женщина-медик просто оказалась первой в списке незанятого персонала.

Тумонен перешел к интересующим их вопросам. Когда точно Тьен получил назначение на Комарру и каким образом? Знал ли он кого-нибудь из своих будущих сотрудников или встречался с кем-нибудь из группы Судхи до отъезда с Барраяра? Нет? Читала ли она какую-нибудь его корреспонденцию? Катриона, становясь под воздействием наркотика все более оживленной, рассказывала все доверчиво, как дитя. Она была так рада этому назначению мужа, ведь это открывало доступ к хорошему медицинскому обслуживанию, давало уверенность, что она сможет наконец-то обеспечить Никки высококвалифицированную помощь. Она помогала Тьену писать резюме. Ну да, она для него почти все резюме писала. Купол «Серифоза» ока-

зался просто потрясающим, положенная им квартира больше и лучше, чем она ожидала. Тьен сказал, что комаррцы все – техно-снобы, но она как-то этого за ними особо не замечала...

Тумонен потихоньку вернул ее к нужному сюжету. Когда и каким образом она обнаружила, что ее муж замешан в казнокрадстве? Она повторила свой рассказ о ночном звонке Судхе, но с добавочными подробностями, среди которых присутствовал полный рецепт пряного молока с бренди. Суперпентотал творит с человеческой памятью странные вещи, хотя и не делает ее, вопреки распространенному мнению, эйдетической. Хотя пересказ диалога между Тьеном и Судхой казался почти дословным. Тумонен оказался следователем опытным и терпеливым – он не мешал ей вдаваться в подробности, чутко отлавливал в потоке слов фрагменты нужной информации.

Рассказ о том, как она взломала комм своего мужа, вызвал небольшой экскурс.

– Если лорд Форкосиган смог это сделать, то и я смогла.

И Тумонен потихоньку вытянул всю историю о налете Майлза в стиле СБ на ее комм-пульт. Майлз, закусив губу, невозмутимо встретил удивленный взгляд капитана.

– И еще он сказал, что ему понравились мои сады. Никто в моей семье даже посмотреть на них не хотел.

Вздыхнув, она застенчиво поглядела на Майлза. Смеет ли он надеяться, что прощен?

Тумонен посмотрел на пластиковую карточку.

– Если вы не знали о долгах вашего мужа до вчерашнего дня, то почему перевели за день до этого четыре тысячи марок на его счет?

Катриона несколько растерялась – капитан тут же насторожился.

– Он солгал мне. Ублюдок. Сказал, что мы поедem на лечение. Нет. Он этого не говорил, черт побери! Дура я! Я так хотела, чтобы это было правдой. Но лучше дурак, чем лжец. Ведь так? Я не хотела стать такой, как он.

Тумонен озадаченно оглянулся на Майлза в поисках помощи.

– Спросите ее, были ли это деньги Никки.

– Деньги Никки, – подтвердила она, быстро кивнув. Несмотря на вызванное наркотиком блаженное состояние, она сердито нахмурилась.

– Вам это о чем-нибудь говорит, милорд? – тихо спросил Тумонен.

– Боюсь, что да. Она откладывала деньги из того, что муж давал на хозяйство, для лечения сына. Я видел этот счет в ее файлах, когда предпринял это... хм... несчастное исследование. Насколько я понимаю, ее муж, заявив, что использует деньги для лечения, забрал их у нее, чтобы расплатиться с кредиторами. – Вот уж действительно казнокрадство. Майлз сделал глубокий вдох, чтобы успокоить растущий гнев. – Вы отследили их?

– Тьен перевел их брокерскому агентству «Риальто».

– Вернуть их невозможно, я полагаю?

– Спросите Гиббса, но я думаю, вряд ли.

– Угу. – Закусив палец, Майлз кивком велел Тумонену продолжать. Вооруженный правильными вопросами, капитан получил соответствующие ответы и в конечном итоге вытянул все подробности о дистрофии Форзонна.

А потом таким же нейтральным тоном спросил:

– Это вы устроили смерть вашего мужа?

– Нет, – вздохнула Катриона.

– Просили ли вы кого-нибудь убить его или заплатили кому-нибудь за его смерть?

– Нет.

– Вы знали, что он погибнет?

– Нет.

Суперпентотал часто лишал людей способности абстрактно мыслить, поэтому часто приходилось задавать один и тот же вопрос в разных формулировках, чтобы удостовериться в искренности ответа.

– Вы сами его убили?

– Нет.

– Вы любили его?

Катриона медлила с ответом. Майлз нахмурился. Факты были добычей СБ по праву, чувства – нет. Но Тумонен пока еще находился в рамках.

– Думаю, когда-то любила. Я помню чудесное выражение его лица, когда родился Никки. Наверное, любила. Но он все убил. Я с трудом помню то время.

– Вы ненавидели его?

– Нет... да... не знаю... И это он тоже убил. – Она доверчиво посмотрела на Тумонена: – Знаете, он никогда не бил меня.

Ну и эпитафия! Когда я наконец лягу в землю, то молю Бога, моего судию, чтобы мои дорогие и близкие нашли для меня более теплые слова, чем «он меня не бил». Майлз стиснул зубы и ничего не сказал.

– Вам жаль, что он умер?

Осторожно, Тумонен!

– Ой, что вы! Это такое облегчение! Если бы Тьен остался жив, то сейчас был бы такой кошмар! Хотя, полагаю, Имперская безопасность все равно бы его забрала. Воровство и измена. Но тогда мне пришлось бы ходить его навещать. Лорд Форкосиган сказал, что я не могла его спасти. Когда Фоскол позвонила, уже все равно было поздно. Я так рада! Это ужасно, что я так рада. Думаю, я должна простить Тьену все теперь, когда он мертв, но я никогда не прощу ему, что он превратил меня... в нечто столь чудовищное. – Несмотря на суперпентотал, по ее щекам потекли слезы. – Я раньше никогда не была такой, но теперь уже никогда не стану прежней.

Бывает боль, которую не может заглушить даже суперпентотал. Майлз бесстрастно перегнулся через Тумонена и подал Катрионе платок. Она душераздирающе всхлипывала.

– Может, ввести еще? – прошептала медик.

– Нет. – Майлз жестом приказал молчать.

Тумонен задал еще несколько нейтральных вопросов, выждав, пока Катриона отчасти не вернулась в прежнее радостное и доверчивое состояние.

Ага. Никто не может принять столько правды за раз.

Тумонен посмотрел в свои записи, неуверенно глянул на Майлза, облизнул губы и продолжил:

– Ваши чемоданы были обнаружены в коридоре вместе с сумкой лорда Форкосигана. Вы планировали уйти вместе?

Ярость волной окатила Майлза. Тумонен, да как ты смеешь!.. Но воспоминание о том, как он перебирал на глазах охранника перемешанное в кучу белье, вынудило его прикусить язык. Итак, это действительно могло выглядеть странно для того, кто не знал, что происходит. Майлз обратил кипящую ярость в пар и медленно выдохнул. Глаза Тумонена, заметившего его реакцию, забегали.

Катриона несколько растерянно заморгала:

– Я на это надеялась.

Что?! А-а!

– Она имеет в виду – одновременно, – сквозь зубы процедил Майлз. – А не вместе. Попробуйте еще раз.

– Лорд Форкосиган собирался увезти вас?

– Увезти? Ой, какая соблазнительная мысль! Никто никогда не увозил меня. Кому это надо? Приходится мне самой себя увозить. Тьен выкинул с балкона бонсаи моей двоюродной бабушки, но не осмелился выбросить меня. Хотя ему и хотелось, я думаю.

Эти слова привели Майлза в чувство. Сколько же ей потребовалось мужества, чтобы в конце концов противостоять Тьену? Майлз прекрасно знал, чего это стоит – противостоять здоровенному озлобленному мужику, которому вполне хватит сил схватить тебя за шиворот и швырнуть через всю комнату. Сколько требуется для этого мужества и сообразительности, чтобы при этом не позволить ему приблизиться к тебе на расстояние вытянутой руки и не дать заблокировать выход. Все просчитывается автоматически. И нужно иметь определенный опыт. Должно быть, для Катрионы это было все равно что в первом учебном полете пытаться посадить загруженный под завязку грузовой катер.

Тумонен, все еще надеясь прояснить ситуацию и кося одним глазом на Майлза, повторил:

– Вы собирались сбежать с лордом Форкосиганом?

Ее брови взлетели вверх.

– Нет! – изумленно ответила она.

Конечно, нет. Майлз попытался вернуться к своей изначальной реакции на это обвинение, только вот теперь никак не мог отделаться от мысли: «Почему я сам до этого не додумался?» Она все равно никогда бы не согласилась сбежать с ним. Единственное, на что такой недомерок-мутантик, как он, может сподвигнуть барраярскую женщину, – это пройти с ним по улице.

Дьяволицина! Ты что, влюбился в нее, debil?

Хм. Ага.

Задним числом Майлз сообразил, что влюбился, и уже давно. Просто только что это понял. Мог бы и раньше распознать симптомы. Ох, Тумонен. И что мы только не узнаем при помощи суперпентотала...

До него наконец полностью дошло, что пытался прояснить Тумонен. Очень симпатичный маленький заговор: убить Тьена, свалить все на комарцев и сбежать с молодой вдовой от холодного трупа...

– Очень лестный сценарий, Тумонен, – выдохнул Майлз на ухо капитану СБ. – Довольно быстро сработано с моей стороны, если учесть, что я впервые ее увидел пять дней назад. Душевно вам признателен.

«Кто женщину вот так обольщал? Кто женщиной овладевал вот так?» Боюсь, что мне не светит.

Тумонен, поджав губы, мрачно оглянулся на него.

– Если мой солдат мог подумать такое и я мог подумать такое, то и любой другой тоже мог. Лучше выбить такие мысли из головы как можно быстрее. Вас я с суперпентоталом допросить не могу, милорд.

Не может, даже если Майлз даст согласие. Его неадекватная реакция, столь полезная, когда надо было избежать вражеских допросов, лишала его сейчас всякой возможности очиститься от подозрений. Тумонен просто делает свое дело, и делает его хорошо. Откинувшись на спинку, Майлз проворчал:

– Ладно, ладно. Но вы большой оптимист, если полагаете, будто суперпентотал достаточно силен, чтобы пресечь такого рода слухи. Из уважения к репутации Аудитора Его Императорского Величества сделайте одолжения, скажите потом пару слов этому вашему охраннику.

Тумонен не стал спорить или прикидываться, что не понял.

– Слушаюсь, милорд.

Катриона, временно предоставленная самой себе, между тем продолжала бормотать:

– Любопытно, у него шрамы ниже пояса такие же интересные, как и выше? Вряд ли я могла вытряхнуть его из штанов в машине. Зато прошлой ночью у меня была возможность

посмотреть, но я ее упустила. Фор-мутантик... Как он это делает?.. Интересно, на что это похоже – переспать с кем-то, кто тебе действительно нравится...

– Стоп, – запоздало приказал Тумонен. Она замолчала и лишь моргала, глядя на него.

Как раз тогда, когда это начало становиться действительно интересным... Майлз подавил приступ нарциссизма – или мазохизма, – едва не велел ей продолжить дальше в том же духе. Если ему не изменяет память, он пригласил себя на этот допрос, чтобы не дать СБ превзойти полномочия...

– Я закончил, милорд, – тихо сообщил ему Тумонен, избегая встречаться с Майлзом взглядом. – Есть еще что-то, о чем, по-вашему, мне надо спросить? Или вы сами хотите спросить?

Сможешь ли ты когда-нибудь полюбить меня, Катриона? Увы, вопросы, касающиеся будущего, ответа не имеют даже под действием суперпентотала.

– Нет. Прошу отметить, что под суперпентоталом она не сказала ничего, что бы противоречило тому, что она рассказывала прежде. Обе версии практически идентичны в отличие от многих других такого рода допросов из моего опыта.

– Моего тоже, – милостиво согласился Тумонен. – Очень хорошо. – Он жестом подозвал медика. – Введите антидот.

Женщина взяла второй инъектор и прижала его к руке Катрионы. Шипение вводимого антидота донеслось до слуха Майлза. Он снова начал мысленно считать вместе с ней: один, два, три...

Было ужасно наблюдать, как из Катрионы снова исчезала жизнь, будто какой-то невидимый вампир высасывал ее. Плечи распрямились, тело напряглось, и она зарылась лицом в ладони. Когда она подняла голову, лицо ее было красным, мокрым от слез и напряженным, но она уже не плакала и снова стала бесстрашной. А он думал, что она станет плакать. Значит, суперпентотал – это не больно? Вряд ли теперь это можно утверждать.

О, миледи! Смогу ли я когда-нибудь сделать вас счастливой без помощи наркотиков? И, что гораздо более важно в настоящий момент, – простит ли она его за то, что он принимал участие в ее унижении?

– Какое странное ощущение, – ровно проговорила госпожа Форсуассон. Голос ее звучал несколько хрипло.

– Разговор был проведен исключительно грамотно, – заверил всех присутствующих Майлз. – По всем статьям. Мне доводилось видеть... гораздо худшие варианты.

Тумонен холодно посмотрел на него и обратился к Катрионе:

– Благодарю вас за сотрудничество, госпожа Форсуассон. Вы оказали существенную помощь следствию.

– Передайте следствию, что я всегда готова ему помочь.

Майлз не совсем понял, как толковать данное заявление, поэтому предпочел обратиться к Тумонену:

– С ней на этом все, не так ли?

Тумонен помолчал, пытаясь сообразить, вопрос это или приказ.

– Надеюсь, что да, милорд.

Катриона посмотрела на Майлза.

– Приношу свои извинения за чемоданы, лорд Форкосиган. Мне и в голову не пришло, как это может выглядеть со стороны.

– А почему, собственно, вы должны были об этом думать? – Майлз надеялся, что в его голосе не прозвучала та опустошенность, которую он испытывал.

– Я рекомендую вам немного отдохнуть, госпожа Форсуассон, – сказал Тумонен. – Медик останется с вами еще на полчаса, чтобы убедиться в отсутствии побочных эффектов.

– Да, я... полагаю, что вы правы, капитан.

Она поднялась на непослушных ногах, и медик, подскочив, поддержала ее и проводила в спальню.

Тумонен убрал видеоманитофон.

– Извините за последние вопросы, милорд Аудитор, – пробурчал он. – Я вовсе не хотел оскорбить ни вас, ни госпожу Форсуассон.

– Да ладно... Не беспокойтесь об этом. И что дальше, по мнению СБ?

– Пока не знаю, – нахмурился Тумонен. – Для пущей надежности я решил провести этот допрос сам. В конторе Проекта Терраформирования полковник Гиббс все держит под контролем, а от майора Дэмори с опытной станции тоже пока никаких жалоб не поступало. А вот что нам действительно нужно, это чтобы оперы отловили Судху и компанию.

– Я не могу быть во всех местах одновременно, – неохотно признал Майлз. – Никаких арестов в ближайшее время явно не предвидится... Профессор уже в пути, и у него есть определенное преимущество – сегодня ночью он спал. А вот вы, насколько я понимаю, не спали вовсе. Интуиция полевого командира мне подсказывает, что вам пора отключиться часов на десять. Нужно ли мне облечь это в форму приказа?

– Нет, – чистосердечно признался Тумонен. – У вас есть наручный комм, у меня тоже... У оперов имеются наши номера, и им отдан приказ, если обнаружится что-то новое, немедленно докладывать. А я с удовольствием поеду домой и чего-нибудь поем, даже вчерашний ужин. И душ приму. – Капитан потер заросший подбородок.

Упаковав магнитофон, он попрощался с Майлзом и пошел переговорить с охранниками. Майлз понадеялся, что капитан уведомит их об изменении статуса госпожи Форсуассон с подозреваемого свидетеля на свободного гражданина.

Некоторое время Майлз поизучал диванчик и, не удовлетворившись результатами, отправился в кабинет Катрионы... госпожи Форсуассон... нет, черт подери, Катрионы, хотя бы в мыслях, если уж не вслух. Автоматическое освещение по-прежнему подсвечивало молодые растения на полочках по углам. Гравикойка исчезла. Ах да, он забыл, что Катриона вернула койку в бюро проката. Впрочем, пол здесь выглядел вполне привлекательно.

И тут он заметил в мусорном ведре что-то алое. Засунув туда любопытный нос, Майлз обнаружил в пластиковом пакете останки бонсаи вперемешку с осколками горшка и влажной землей. Он извлек все это из ведра, расчистил местечко на столе и открыл пластиковый... мешок для ботанических трупов, надо полагать.

Лежащие перед ним осколки навели его на мысль об отражателе и рудовозе, а также о паре особо неприятных отчетов об аутопсии, которые он недавно еще раз посмотрел. Майлз методично начал сортировать вещдоки. Сломанные ветки в одну кучку, корни – в другую, осколки горшка – в третью. Падение с пятого этажа подействовало на влагосодержащую сердцевину деревца примерно как удар кувалды на арбуз. Или как взрыв иглогранаты. Майлз попытался собрать кусочки растения воедино, как детали головоломки. Интересно, существует ли какой-нибудь ботанический эквивалент хирургического клея, чтобы все это соединить и залечить? Или уже слишком поздно? Бурые пятна на светлой растительной ткани свидетельствовали о том, что гниение уже началось.

Майлз стряхнул с пальцев влажную землю и вдруг понял, что прикасается к Баррарю. Эти кусочки грязи приехали с Южного континента, выкопанные, возможно, на заднем дворе одной ехидной старой фор-леди. Он подтащил стоящий возле комм стул к стенке, осторожно залез на него и достал с верхней полки что-то вроде пустого поддона. Спустившись на пол, Майлз аккуратно ссыпал почву в поддон.

Отойдя на шаг, он подбоченился и оглядел плоды своего труда. Довольно жалкая получилась кучка.

– Компост, мой барраярский друг. Насколько я понимаю, ты теперь годишься только на компост. Единственное, что я еще могу для тебя сделать, – это достойно похоронить. Хотя в твоём случае, подозреваю, это и будет ответ на твои молитвы...

Легкий шелест и тихий вздох подсказали ему, что он не один. Повернув голову, Майлз увидел застывшую в дверях Катриону. Хоть и усталая, она выглядела сейчас значительно лучше, чем после допроса. Кожа на лице разгладилась и посвежела.

– Что вы делаете, лорд Форкосиган? – изумленно спросила она.

– Хм... Навещаю больного друга. – Покраснев, он жестом указал на стол. – Медик вас отпустила?

– Да, она только что ушла. Очень заботливая женщина.

Майлз откашлялся:

– Я тут размышлял, существует ли способ собрать ваш бонсаи. Показалось стыдным хотя бы не попробовать, учитывая, что ему семьдесят лет, и вообще... – Он почтительно попятился, когда Катриона подошла к столу и взяла в руки обломок. – Я понимаю, что его нельзя сшить, как человека, но должен же быть способ! Впрочем, боюсь, садовод из меня паршивый. Как-то, когда я был еще маленьким, родители позволили мне попробовать на задворках особняка Форкосиганов. Я собирался вырастить цветы для моей матери-бетанки. Насколько я помню, клумбу пришлось вскапывать сержанту Ботари. Ну а я дважды в день вытаскивал семена, чтобы посмотреть, не проросли ли они. Но мои цветы почему-то расти не захотели. Так что мы оставили это занятие и превратили клумбу в форт.

Она улыбнулась самой настоящей улыбкой, а не суперпентотальной ухмылкой.

Значит, мы ее, слава Богу, не сломали.

– Нет, заново собрать его нельзя, – сказала она. – Единственный способ – начать все с самого начала. Выбрать самые крепкие корешки – несколько штук для верности, – ее длинные пальцы перебирали сложенную Майлзом кучку, – и поместить в гормональный раствор. А когда появятся новые побеги, переселить в горшок.

– Я спас почву, – с надеждой ткнул Майлз пальцем в поддон.

Идиот. Ты хоть понимаешь, каким идиотом выглядишь?

Но она лишь поблагодарила:

– Спасибо.

Следуя своим словам, Катриона порылась на полках, нашла лоток и заполнила его водой из маленького ведерка. Из ящика она достала пакетик с каким-то белым порошком, отсыпала немного в лоток и перемешала пальцами. Взяв ножик из коробки с инструментами, она почистила самые лучшие корешки и погрузила их в раствор.

– Вот так. Может, что и получится.

Катриона осторожно поставила лоток на полку, ту самую, куда он лазил, подставив стул, пересыпала почву в пакет, тщательно запаковала и положила рядом с лотком. Затем она завернула в целлофан гниющие останки и выкинула обратно в мусорное ведро.

– Когда я вспомнила бы о бедном скеллитуме, он бы уже сгнил и было бы слишком поздно. Я оставила всякую надежду заняться им еще вчера, когда думала, что уйду отсюда с тем, что смогу унести в руках.

– Я не хотел обременять вас. Его будет трудно тащить на скачковый корабль?

– Я положу его в запечатанный контейнер. Когда я прибуду на место, он уже будет практически готов к пересадке.

Катриона вымыла и вытерла руки. Майлз последовал ее примеру.

И все равно черт бы побрал этого Тумонена! Он переселил в сознание Майлза желание, которое до того мирно сидело в подсознании, причем подсознание-то прекрасно понимало, что желание это еще слишком преждевременно. «Распалась связь времен», – сказала она. И вот теперь ему придется с этим разбираться. Придется ждать. И сколько? Как насчет того, чтобы

для начала дожидаться хотя бы похорон Тьена? Намерения Майлза были достаточно благородны – ну, если не все, то по крайней мере частично, но вот время он выбрал паршиво. Он сунул руки в карманы и принялся раскачиваться на каблуках.

Катриона, скрестив руки на груди, прислонилась к стенке и потупила взгляд.

– Я хочу извиниться, лорд Форкосиган, за то, что под воздействием суперпентотала могла сказать что-то неуместное.

– Я сам себя туда пригласил, – пожал плечами Майлз. – Но мне показалось, что вам может понадобиться помощник. В конце концов, вы-то для меня это делали.

– Помощник. – Она, просветлев, подняла на него глаза. – Я не рассматривала это с такой точки зрения.

Майлз развел руками и с надеждой улыбнулся.

Она мимолетно улыбнулась в ответ и вздохнула.

– Мне весь день так хотелось побыстрее отделаться от СБ, чтобы пойти за Никки. А теперь я думаю, что они оказали мне услугу. Я очень боюсь. Не знаю, что ему сказать. Не знаю, что ему нужно рассказать о том, что натворил Тьен. Как можно меньше? Всю правду, как она есть? Как-то ни то, ни другое не кажется мне правильным.

– Расследование еще не закончено, – медленно проговорил Майлз. – Вы не можете обременять девятилетнего ребенка государственными тайнами, если уж на то пошло. На самом деле я даже не знаю, что из всей этой истории вообще станет достоянием широкой публики.

– То, что не делаешь сразу, потом делать трудней, – вздохнула она. – Как я теперь выяснила.

Майлз подтащил стул и жестом предложил ей сесть, затем извлек из-под рабочего стола табурет. Усевшись на него, он спросил:

– Вы сказали ему, что уходите от Тьена?

– Даже этого я ему не говорила.

– Тогда, я думаю... На сегодня вам следует ему сказать лишь, что его отец погиб из-за неисправности респиратора. Не упоминайте о комаррцах. Если он начнет выпытывать подробности, направьте его ко мне, а уже я скажу ему, что есть вещи, которые ему знать не положено. Или пока не положено.

Ее внимательный взгляд спрашивал: «Могу я тебе доверять?»

– Будьте осторожны, не то вызовете еще более острое любопытство.

– Это я понимаю. Но когда мы вернемся в Форбарр-Султан, мне бы хотелось, с вашего позволения, чтобы вы поговорили с Гр... с одним моим другом. Он тоже фор. Когда-то он находился примерно в том же положении, что сейчас Никки. Его отец погиб при... э-э-э... трагических обстоятельствах, когда он был еще слишком мал, чтобы знать подробности. И когда лет в двадцать столкнулся с некоторыми нелицеприятными фактами гибели отца, это для него было довольно большой травмой. Готов побиться об заклад, что он знает гораздо лучше нас, что именно следует рассказать Никки и когда. Он очень здравомыслящий человек.

Катриона задумчиво кивнула:

– В этом есть смысл. Мне бы очень этого хотелось. Спасибо.

Сидя на своем насесте, Майлз отвесил ей полупоклон.

– Рад услужить, сударыня.

Он хотел познакомить ее с Грегором-человеком, своим сводным братом, а не с императором Грегором, символом Барраярской империи. Это может послужить нескольким целям.

– А еще мне надо сказать Никки о дистрофии Форзонна, и этого откладывать нельзя. Я уже договорила в клинике Солстиса о приеме на послезавтра.

– Он не знает, что является носителем?

Катриона покачала головой.

– Тьен не позволял мне говорить ему. – Она серьезно посмотрела на Майлза: – Думаю, что вы в детстве были некоторым образом в положении Никки. Вам тогда пришлось выдержать много медицинских процедур?

– Бог мой, я выдерживал их годами! Что я могу посоветовать полезного? Во-первых, не лгите, что не будет больно. Не оставляйте его надолго одного. – Кажется, наконец-то появилось что-то, что я действительно могу для нее сделать. – Если позволят обстоятельства, мне бы хотелось съездить с вами в Солстис и оказать любую помощь, какая в моих силах. Я не могу отправить с вами вашего дядю – он с завтрашнего дня по уши увязнет в технических проблемах, если появится список запчастей.

– Но я не могу отрывать вас от обязанностей!

– Мой опыт мне подсказывает, что если Судху до сих пор не арестовали, то послезавтра мне будет нечего делать, кроме как напрягать извилины. И денек, проведенный вдали от моих проблем, возможно, поспособствует найти новый подход к делу. Так что вы лишь окажете мне услугу, уверяю вас.

Она задумчиво закусил губу.

– Должна признать... Я буду рада компании.

Она имеет в виду компании вообще или его компании конкретно? Тише, парень. Даже думать об этом не смей.

– Вот и отлично.

Из коридора донеслись голоса.

– Дядя приехал! – подскочила Катриона.

– Быстро он управился. – Майлз проследовал за ней в коридор.

Профессор Фортиц сунул чемодан охраннику и крепко обнял племянницу, бормоча соболезнования. Майлз с завистью наблюдал за сценкой. Теплые объятия дяди сделали то, чего не смог сделать холодный профессионализм сотрудников Имперской безопасности, – Катриона разрыдалась. Потом она вытерла слезы, отправила охранника с чемоданом в бывший кабинет Тьена и повела дядю в гостиную.

После короткого совещания было решено, что профессор пойдет с ней за Николасом. Майлз поддержал эту идею, несмотря на обуревавшее его желание вызваться добровольцем – очевидно, следствие любовного томления, как мысленно иронично отметил он. У Фортица есть на это право родственника, а Майлз был слишком близок к смерти Тьена. К тому же он не слишком твердо стоял на ногах: действие болеутоляющих и стимуляторов, принятых перед обедом, сошло на нет. А третья доза за день будет большой ошибкой. Поэтому он проводил профессора с Катрионой и связался по закрытому комму с штаб-квартирой СБ в Солстисе.

Никаких новостей. Майлз побрел в гостиную. Дядя Катрионы приехал, так что Майлзу нужно отсюда уезжать. Собрать вещички и отчалить в тот таинственный отель, о котором он говорит всю неделю. Теперь, когда Фортиц расположился в комнате для гостей, в этой маленькой квартирке ему нет места. Никки понадобится его детская кроватка, и будь он не ладен, если снова вынудит Катриону заказывать гравикойку. Нет, ему определенно пора отваливать. Он явно не настолько нейтрально вежлив с хозяйкой, как ему казалось, если этот хренов охранник смог отпустить такие комментарии, что Тумонен стал задавать дурацкие вопросы о чемоданах.

– Вам что-нибудь нужно, милорд? – Голос стоявшего у входной двери охранника заставил Майлза подскочить.

– Хм... да. Когда кто-нибудь из ваших ребят прибудет сюда из Солстиса, пусть прихватит для меня армейский спальник.

А пока суд да дело, Майлз улегся на диван, свернулся калачиком и провалился в забытие.

Когда маленькая команда вернулась домой вместе с Никки, Майлз мгновенно проснулся. Он сел и к моменту появления мальчика уже успел обрести более или менее приличный вид.

Никки казался подавленным и испуганным, но не хныкал и не бился в истерике. Он явно скрывал свои чувства внутри, а не выплескивал их наружу. Как и мать.

Поскольку здесь у Катрионы не было подруг, которые могли бы принести, как принято у барраярцев, кастрюльки со снедью и пирожки, Майлз отправил охранника за ужином. В присутствии Никки трое взрослых вели разговоры на нейтральные темы, потом мальчик ушел играть к себе, а Майлз с профессором удалились в кабинет обменяться информацией. Найденное наверху новое оборудование действительно оказалось довольно необычным. Осколки силовой установки, мощности которой вполне хватило бы для небольшого скачкового корабля, оплавленные, судя по всему, плазменным фонтаном взрыва. Профессор назвал это «действительно интересным» – кодовая фраза, которая немедленно заставила Майлза насторожиться.

В разгар работы по комму объявился полковник Гиббс, холодно улыбнувшись обоим Аудиторам с тем самым выражением глаз, которое Майлз уже начал узнавать как Гиббсов вариант экстаза.

– Милорд Форкосиган, у меня есть первое задокументированное подтверждение того, что вы ищете. Мы проследили серийные номера двух ускорителей, которые люди лорда Фортица обнаружили в космосе, до отдела использования избыточного тепла. Ускорители закуплены восемь месяцев назад. Изначально были доставлены на опытную станцию.

– Отлично, – выдохнул Майлз. – Наконец-то еще одно звено, помимо тела Радоваша. Мы поймали тот конец, что нужно. Спасибо, полковник. Продолжайте дальше.

Глава 15

Катриона спала гораздо лучше, чем ожидала, но проснулась с осознанием того, что весь вчерашний день продержалась лишь на перевозбуждении. Похоже, сегодняшний день пережить будет труднее, особенно учитывая обуревающую ее жажду действия. Я ждала девять лет. Так что вполне смогу потерпеть еще девятнадцать часов. Лежа в кровати, она некоторое время предавалась легкой печали. Потом встала, тщательно оделась, прошмыгнула на кухню мимо торчавшего в гостиной охранника, приготовила завтрак и принялась ждать.

Вскоре появились Аудиторы, они с благодарностью проглотили завтрак, но пить кофе удалились к своему закрытому коммуну. Катриона прибрала на кухне и вышла на балкон, где обнаружила второго охранника. Присутствие солдата не позволило ей отдохнуть на балконе, поэтому она угостила обоих охранников кофе и вернулась на кухню в ожидании дальнейшего развития событий.

Снова нарисовался лорд Форкосиган. Отказавшись от предложенного кофе, он уселся за стол.

– Нынче утром из Имперской безопасности мне прислали результаты аутопсии Тьена. Вам хотелось бы что-нибудь узнать?

Перед ней ярко предстало видение висящего на морозе заledenеного тела.

– Там есть что-нибудь неожиданное?

– В том, что касается причины смерти, – нет. Разумеется, они обнаружили дистрофию Форзонна.

– Ну да, конечно. Бедный Тьен. Прожить столько лет в состоянии скрытой паники из-за своего заболевания лишь для того, чтобы умереть совсем от другого. – Катриона покачала головой. – Столько усилий, и все – не на то. Они смогли определить, насколько продвинулась болезнь?

– Согласно заключению эксперта, поражение нервной системы ярко выражено. Внешние же проявления, если я правильно понял медицинский жаргон, вскоре невозможно было бы скрыть.

– Угу. Это я знала. Меня интересовало внутреннее развитие. Когда оно началось. В какой степени за суждения Тьена и его поведение ответственна болезнь.

Может, ей следовало подождать еще немного? Могла ли она? До тех пор пока не произошла какая-нибудь другая ужасная развязка?

– Довольно длительный период болезнь развивается медленно. У разных людей поражаются различные участки мозга, это сугубо индивидуально. У него больше всего была поражена периферическая нервная система, что сказывалось на функционировании опорно-двигательного аппарата. Однако не исключено, что в дальнейшем, если понадобится защитить репутацию, некоторые его действия можно будет списать на болезнь.

– Как... дипломатично. Чью репутацию? Я этого не хочу.

Он мрачно улыбнулся.

– Я так и думал, что вы этого не захотите. Но у меня возникла весьма неприятная уверенность, что рано или поздно это дело разрастется от скромного технического до очень громкого политического. Лично я никогда не отказывался иметь что-нибудь в резерве. – Он посмотрел на свои руки, свободно лежащие на столе. Серые рукава не могли прикрыть до конца белые бинты на запястьях. – Как Никки воспринял вчерашние новости?

– Это было трудно. Сначала – прежде, чем я успела ему рассказать – он пытался уговорить меня позволить ему остаться там еще на одну ночь. Ныл и подлизывался. Ну, вы знаете, как дети что-то выпрашивают. И мне так хотелось оставить его в неведении. Но я даже не знала, как подготовить его. И в конце концов просто усадила рядом с собой и выложила все напрямую.

«Никки, – сказала я, – тебе нужно сейчас пойти домой. Сегодня ночью твой па погиб из-за неполадок с респиратором». И он... побледнел и замолк. Уж лучше бы он продолжал ныть. – Катриона отвела взгляд. Она не знала, как в дальнейшем поведет себя Никки и сможет ли она распознать эту реакцию на смерть отца. И справиться с нею. Или не сможет... – Я не знаю, как это отразится на нем. Когда я потеряла мать... Я была старше, и мы знали, что ее смерть неизбежна. Но в тот миг, в тот час это все равно был удар. Потому что я всегда думала, что у нас больше времени.

– Мои родители живы, – сказал Форкосиган. – А смерть дедов воспринимается, наверное, несколько иначе. Они уже старики, и их смерть как-то предопределена, что ли. Когда мой дед умер, я был потрясен, но мой мир – нет. Хотя мир моего отца, наверное, покачнулся.

– Да. – Катриона благодарно посмотрела на него. – Именно в этом вся разница. Это – как землетрясение. Что-то, кажущееся непоколебимым, внезапно рушится под тобой. Думаю, сегодня утром мир для Никки стал более страшным местом, чем прежде.

– Вы уже сообщили ему о дистрофии Форзонна?

– Нет, я пока не стала его будить. Скажу после завтрака. Полагаю, не следует подвергать стрессу ребенка с пониженным содержанием сахара в крови.

– Занятно, но я чувствовал то же самое в отношении своих войск. Могу я... чем-нибудь помочь? Или вы хотите поговорить с ним наедине?

– Не знаю... В любом случае в школу он сегодня не идет. Разве вы не собираетесь везти дядю на опытную станцию?

– Непременно. Только это может подождать часок-полтора.

– Тогда... мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали при разговоре с Никки. Нехорошо превращать заболевание в нечто такое страшное, о чем нельзя говорить вслух. В этом была ошибка Тьена.

– Да, – согласно кивнул Форкосиган. – Именно так. Вы все делаете правильно.

Брови Катрионы поползли вверх.

– Беспокоиться надо последовательно?

– Да, что-то в этом роде. – Он улыбнулся, серые глаза блеснули. Катриона вдруг поняла, что – либо по счастливой случайности, либо благодаря умелой хирургии – его лицо не исчерчено шрамами. – Это срабатывает, знаете ли. Если не как стратегия, то как тактика.

Верный своему слову лорд Форкосиган явился на кухню, когда Никки заканчивал завтрак. Потягивая принесенный с собой кофе, он прошел в дальний угол и прислонился к шкафу. Катриона, вздохнув поглубже, пристроилась рядом с Никки, сжимая в руке полупустую чашку. Никки с опаской посмотрел на нее.

– Завтра тебе не придется идти в школу, – начала Катриона, надеясь таким образом внести в предстоящий разговор оптимистическую нотку.

– Потому что завтра похороны па? Мне придется совершать поминальное возжигание?

– Еще нет. Твоя бабушка просит, чтобы мы привезли его на Барраяр и похоронили рядом с твоим дядей, который умер, когда ты был еще маленьким. – Послание от матери Тьена пришло нынче утром по лучу. В письменной форме, как и послание Катрионы, и скорее всего по тем же причинам. Письмо позволяет многое оставить за пределами строк. – И уже там мы совершим все необходимые церемонии и возжигание, когда все смогут присутствовать.

– Нам придется везти его с собой на скачковом корабле? – с беспокойством спросил Никки.

– Вообще-то, – подал голос лорд Форкосиган, – Имперская без... Имперская гражданская служба позаботится обо всем необходимом, с вашего позволения, госпожа Форсуассон. Скорее всего он окажется дома раньше вас, Никки.

– О! – моргнул Никки.

– О! – эхом отозвалась Катриона. – Я... я как раз думала... Спасибо.

Форкосиган изобразил что-то вроде поклона.

– Позвольте мне передать им адрес вашей свекрови и инструкции. У вас и без того много дел.

Катриона кивнула и повернулась к сыну.

– Как бы то ни было, Никки... завтра мы с тобой поедem в Солстис, чтобы посетить там клинику. Мы никогда тебе об этом не говорили, но у тебя такая болезнь, которая называется дистрофия Форзонна.

– А что это? – На рожице мальчика появилось недоуменное выражение.

– Это нарушение, при котором с возрастом твое тело перестает вырабатывать протеины нужной кондиции, чтобы выполнять положенную им работу. Сейчас доктора могут ввести тебе ретрогены, правильно производящие протеин, чтобы исправить нарушение. Ты еще слишком молод, чтобы проявились симптомы, и если это полечить, то они никогда и не появятся. – Учитывая возраст Никки, не было необходимости вдаваться в подробности о том, что этим же будут страдать его дети. Катриона сухо отметила про себя, как ловко сумела избежать жуткого слова «мутация». – Я собрала много статей о дистрофии Форзонна, ты можешь их прочитать когда захочешь. Некоторые – довольно сложные, но есть пара-тройка, которые ты сможешь понять с моей помощью.

Вот и все. Если она хочет избежать лишних треволнений для сына, нужно в максимально нейтральной форме сообщить ему то, что он имеет право знать. А дальше он может идти своим путем.

– Будет больно? – забеспокоился Никки.

– Ну, придется сдать анализ крови и образцов тканей.

– Мне делали и то, и другое, – вступил в разговор Форкосиган, – причем великое множество раз за много лет, по разным причинам. Когда берут кровь, это немного больно, но потом нет. Образцы тканей берут безболезненно, потому что пользуются медицинским микропарализатором, но потом, когда его действие проходит, некоторое время побаливает. Им нужны от тебя лишь крошечные образцы, так что сильно больно не будет.

Никки некоторое время переваривал информацию.

– А у вас есть эта дистрофия Форзонна, лорд Форкосиган?

– Нет. Мою мать отравили газом, называемым солтоксин, еще до моего рождения. Это повредило главным образом мои кости, поэтому я такой коротышка.

Катриона ждала, что Никки спросит что-то вроде: «Я тоже буду коротышкой?», но вместо этого мальчик, широко раскрыв карие глаза, спросил:

– Она умерла?

– Нет, она полностью поправилась. К счастью. Для всех нас.

– А она испугалась? – продолжал расспрашивать Никки.

Катриона поняла, что Никки еще не понял, кто такая мать лорда Форкосигана, и не связывал ее с теми людьми, о которых слышал на уроках истории. Форкосиган поднял бровь, несколько позабавленный вопросом.

– Не знаю. Ты можешь сам у нее как-нибудь спросить, когда... если познакомишься с ней. Мне будет очень интересно услышать ответ.

Он поймал беспокойный взгляд Катрионы, но даже бровью не повел.

Никки с сомнением глядел на Форкосигана.

– А ваши кости они починили ретрогенами?

– Нет, к великому сожалению. Если бы это было возможно, мне пришлось бы гораздо легче. Они подождали, пока я не перестал расти, а затем заменили их синтетическими.

– Как можно поменять кости? – Никки казался совершенно ошарашенным. – Как можно их достать?

– Они меня разрезали, – Форкосиган провел ребром ладони вдоль руки от локтя до запястья, – вытащили кости, вставили новые, воссоединили суставы, пересадили костный мозг в новую полость, заклеили и подождали, пока заживет. Очень сложно и утомительно.

– А больно?

– Я спал – был под наркозом. Тебе повезло, что ты можешь получить ретрогены. Единственное, что тебе предстоит, – это несколько уколов.

На Никки рассказ произвел неизгладимое впечатление.

– А можно посмотреть?

Чуть поколебавшись, Форкосиган расстегнул манжет и закатал рукав.

– Видишь, вот этот, тоненький и бледный?

Никки с интересом посмотрел на руку Форкосигана и, сравнивая, на свою. Сжав кулак, он следил, как напрягаются под кожей мышцы и двигаются кости.

– А у меня есть болячка. Хотите посмотреть? – предложил мальчик. Он неловко подтянул штанину и продемонстрировал на коленке последний сувенир от игры. Форкосиган с полной серьезностью изучил ссадину и согласился, что болячка действительно качественная и, несомненно, скоро отвалится. И да, вполне возможно, останется шрам, но мама совершенно права, когда говорит, что не нужно ее отдирать. К великому облегчению Катрионы, после этого все привели одежду в порядок и дальнейших сравнений проводить не стали.

На этом беседа исчерпалась. Никки художественно размазал оставшиеся хлопья и сироп по дну тарелки и спросил:

– Можно я пойду?

– Конечно, – кивнула Катриона. – И отмой руки от сиропа, – крикнула она вслед исчезнувшему в коридоре сыну.

– Все прошло лучше, чем я рассчитывала.

Форкосиган ободряюще улыбнулся.

– Вы просто изложили факты, так что у него нет причин реагировать иначе.

Помолчав, Катриона неожиданно спросила:

– А она испугалась? Ваша мать?

Он криво улыбнулся:

– До посинения, наверное. – Глаза его потеплели и засияли. – Хотя отнюдь не до умопомрачения, насколько я понимаю.

Вскоре оба Аудитора отбыли на опытную станцию. Дождавшись, пока Никки наиграется у себя в комнате, Катриона позвала сына в кабинет, чтобы прочитать самые простые статьи о дистрофии Форзонна. Она усадила сына к себе на колени перед коммом, что в последнее время делала крайне редко. То, что он не сопротивляется ни нежностям, ни ее приказам, свидетельствует о его скрытой растерянности, думала Катриона. Мальчик читал статьи, довольно хорошо понимая написанное, лишь изредка спрашивая произношение или значение некоторых терминов или же прося объяснить непонятные или сложные фразы. Если бы Никки не сидел у нее на коленях, Катриона не почувствовала бы, как он слегка напрягся, читая абзац: «Позднейшие исследования показали, что эта естественная мутация впервые появилась в графстве Форинниса ближе к концу Периода Изоляции. Только с появлением на Барраяре галактической молекулярной медицины было определено, что дистрофия Форзонна не связана с несколькими земными генетическими заболеваниями, чьи симптомы иногда повторяет».

– Есть вопросы? – спросила Катриона, когда они добрались до конца.

– Не-а. – Никки сполз с ее коленей и встал.

– Можешь почитать еще, если захочешь.

– Угу.

Катриона с трудом удержалась от желания вытянуть из него что-нибудь более вразумительное. С тобой все в порядке? Все хорошо? Ты простишь меня? Ребенок не в состоянии переварить столько всего за час, за день. Даже за год. Каждый день будет приносить новые вопросы и ответы на них. Беспокоиться надо последовательно, сказал Форкосиган. А не делать все сразу, слава Богу.

Участие лорда Форкосигана в поездке в Солстис внесло удивительные изменения в тщательно разработанные Катрионной планы. Вместо того чтобы подниматься посреди ночи и ехать экономическим классом по монорельсовой дороге, они спокойно выпалились и отправились на поджидавший их орбитальный катер Имперской службы безопасности. И прилетели в Солстис за час до назначенного времени.

– Я люблю монорельсовую дорогу, – извиняющимся тоном сообщил Форкосиган в ответ на протесты Катрионы. – Откровенно говоря, я даже собираюсь подтолкнуть моего брата Марка инвестировать компании, которые собираются построить монорельсы на Барраяре. Но, поскольку расследуемое нами дело становится все горячее, Имперская служба безопасности очень четко дала мне понять, что мне сейчас нежелательно путешествовать общественным транспортом.

А еще с ними ехали двое телохранителей. Оба надели комаррскую гражданскую одежду, в которой выглядели в точности как пара барраярских военных телохранителей в штатском. Форкосиган, казалось, имел полное право как свободно с ними общаться, так и полностью их игнорировать. В дорогу он прихватил несколько отчетов, но едва заглянул в них. Коротышка-лорд казался несколько рассеянным. Катриона решила, что ему мешает сосредоточиться непоседа Никки, и хотела было успокоить мальчика, но Форкосиган предложил Никки пройти в кабину пилота, чем привел его в полный восторг.

– Как продвигается дело? – поинтересовалась Катриона, воспользовавшись отсутствием сына.

– К сожалению, в точности, как я предсказывал, – ответил Форкосиган. – То, что СБ никак не удастся отловить группу Судхи, становится все более настораживающим. Я действительно полагал, что к этому времени они его уже захватят. С помощью полковника Гиббса нам удалось определить, что есть в наличии на опытной станции, а чего нет. И мой список деталей начинает обретать конкретные очертания, но требуется еще как минимум день, чтобы он стал полным.

– Моему дяде ваша идея понравилась?

– Хе! Он сказал, что это будет утомительно, но это я и без него знал. А затем мою идею позаимствовал, что я воспринял как одобрение. – Он задумчиво потерев губу. – Благодаря вашему дяде у нас вчера появился проблеск. Это ведь он догадался конфисковать тогда библиотеку Радоваша. Мы отправили ее в комаррскую штаб-квартиру СБ. Аналитики подтвердили интерес Радоваша к скачковым технологиям и п-в-туннелям, что нас не слишком удивило, однако обнаружилось еще кое-что.

Судха и компания отлично поработали, вычистив все коммы до того, как до них добралась служба безопасности, но никто из них не подумал об этой библиотеке. И там кое-где есть пометки на полях. Профессор пришел просто в восторг от математических выкладок, но, что гораздо более существенно, там были заметки, позволяющие увязать мысли или расчеты с упомянутыми там же именами. Большинство – сотрудники отдела избыточного тепла, но есть еще парочка имен, включая одного ныне покойного работника команды, обслуживавшей отражатель. И теперь мы можем утверждать, что Радоваш со своим оборудованием с помощью этого человека был тайно доставлен на отражатель, чтобы сделать то, что они собирались там делать. А на рудовозе его не было. Следовательно, был ли отражатель необходим для того, что они делали, или его просто использовали как испытательный полигон? Агенты СБ сегодня, можно

сказать, носятся по всей планете, опрашивая и переопрашивая коллег, родственников и друзей всех, кто был тогда на отражателе или как-то связан со снабжающим отражатель катером. И завтра мне все эти отчеты предстоит прочесть.

Возвращение Никки положило конец беседе, а вскоре они приземлились на закрытом космодроме СБ, расположенном на окраине огромного города под куполом «Солстис». Вместо городского транспорта к их услугам была предоставлена машина с шофером, доставившая их к месту назначения по специальным туннелям в полтора раза быстрее, чем по городским трассам.

Сначала они отправились в ресторан наверху самой высокой башни Солстиса, откуда открывался роскошный вид на столицу Комарры. Хотя ресторан был битком набит, возле них, как обратила внимание Катриона, не сел никто. Телохранители участия в трапезе не принимали.

Цены в меню указаны не были, и у Катрионы на мгновение сердце ушло в пятки: она оказалась лишена возможности выбрать себе и Никки самые дешевые блюда. Если ты вынужден спрашивать, значит, тебе это не по карману. И ее изначальная решимость потребовать от Форкосигана, чтобы счет каждый оплачивал за себя, увяла.

Рост Форкосигана и его необычная внешность, как всегда, привлекли внимание и вызвали перешептывание. И тут впервые за все время Катриона поняла, что их ошибочно принимают за семью. Она решительно подняла голову. Они что, считают его слишком странным, чтобы привлечь женщину? Ну, так это все равно их не касается!

Следующая остановка – Катриона порадовалась, что ей не пришлось добираться сюда в одиночестве, – была клиника, куда они прибыли за четверть часа до назначенного времени. Форкосиган явно не видел ничего необычного в их путешествии «на ковче-самолете», хотя Никки пришел в неописуемый восторг и даже думать забыл о цели поездки. Может, Форкосиган так и задумал? Но когда они вошли в лифт, мальчик внезапно затих.

Зайдя в приемную, Форкосиган спокойно взял стул и сел подле Катрионы с Никки. Телохранители исчезли из поля зрения. Катриона предоставила все необходимые документы, и все шло гладко до того момента, когда выяснилось, что отец Никки недавно умер, а комм клиники затребовал разрешения от официального опекуна.

Эта штука слишком хорошо запрограммирована, подумала Катриона и принялась объяснять, что троюродный брат Тьена находится на Барраяре, а их поджигает время, потому что Никки должен пройти курс лечения до их отлета домой. Комаррская служащая выслушала ее со вниманием и сочувствием, но программа комм не согласилась, и после двух безуспешных попыток обойти ее комаррианка пошла посоветоваться с начальством. Катриона закусила губу и вытерла вспотевшие ладони о брюки. Оказаться так близко и зависнуть теперь из-за какой-то комм-программы...

Служащая вернулась со своим начальником, симпатичным молодым комаррцем, и Катрионе пришлось объяснять все заново. Он выслушал, просмотрел еще раз все документы и поглядел на Катриону с искренним сожалением.

– Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Если бы вы были гражданкой Комарры, а не барраярской подданной, правила были бы иными.

– Все граждане Комарры являются барраярскими подданными, – ровным тоном произнес из-за спины Катрионы Форкосиган.

Комаррец выдавил болезненную улыбку.

– Боюсь, что это не совсем то, что я имел в виду. Дело в том, что несколько месяцев назад возникла примерно такая же проблема касательно экстренной помощи ребенку живущих на Комарре барраярцев. Мы подошли к этой проблеме с точки зрения здравого смысла. А позже официальный опекун ребенка подал жалобу, и юридические... э-э-э... переговоры длятся до сих пор. Эта ошибка в суждениях оказалась для клиники очень дорогостоящей. Учитывая, что

дистрофия Форзонна – заболевание хроническое и не представляет в данный момент опасности для жизни, а также что теоретически вы можете получить официальное разрешение опекуна за неделю, от силы две, то, боюсь, я вынужден попросить вас прийти еще раз.

Катриона глубоко вздохнула, желая то ли возразить, то ли закричать – она и сама не знала толком. Но тут у нее через плечо наклонился лорд Форкосиган и улыбнулся комаррцу.

– Дайте-ка мне сенсорный определитель, будьте любезны.

Озадаченный комаррец так и сделал. Форкосиган сунул руку в карман, достал позолоченную аудиторскую печать, раскрыл ее и прижал к сенсору вместе со своей правой ладонью.

– По моему приказу и на благо империи я прошу и требую оказания необходимой и полной медицинской помощи Николасу Форсуассону. Форкосиган, Имперский Аудитор, – проговорил он в микрофон. И отдал сенсор обратно. – Проверим, не осчастливит ли это вашу машинку.

– Это все равно что палить из лазерной пушки по мухам, – шепнул он Катрионе. – Оружие несколько тяжеловато, но мух уничтожит наверняка.

– Лорд Форкосиган, я не могу... – начала Катриона и прикусила язык. Не может что? Это тебе не торговаться по поводу оплаты ресторанного счета. Из денег Тьена можно было бы оплатить лечение, если удастся заставить комаррцев вернуть их. Оказанная же Форкосиганом помощь не материальна.

– Ничего такого, что не сделал бы ваш многоуважаемый дядя, если бы я мог сегодня предоставить его в ваше распоряжение, – заметил Форкосиган, отвесив ей свой знаменитый полупоклон, и спокойно уселся на место.

Подозрительность на лице комаррца сменилась полным ошалением, когда комм спокойно переварил информацию.

– Вы – лорд Аудитор Форкосиган?

– К вашим услугам.

– Я... э-э-э... м-м-м... В каком качестве вы здесь, милорд?

– Друга семьи. – Губы Форкосигана чуть искривились в едва заметной ухмылке. – Генеральный поставщик и универсальная отмычка.

Надо отдать комаррцу должное, лебезить он не начал. Отпустив служашую, он проделал все необходимые операции, лично сопроводил их наверх и передал в руки медиков генетического отделения. Затем исчез, но все дальнейшее пошло на удивление быстро.

– Это даже кажется немного нечестным, – пробормотала Катриона, когда Никки увел лаборант, чтобы взять анализы. – Думаю, Никки не придется сидеть в очереди.

– Ну да... Прошлой зимой я обнаружил, что аудиторская печать производит точно такой же эффект в Императорском госпитале для ветеранов, где коридоры гораздо менее симпатичны здешних, а очереди вошли в легенду. А печать производит чудо. Я был очарован. – Форкосиган посерьезнел и как бы задумался. – Боюсь, я еще не очень разобрался, что делать со своим статусом Имперского Аудитора. Что есть власть, а что – злоупотребление властью? Я мог приказать допросить с суперпентоталом госпожу Радоваш или приказать Тьену отвезти нас на опытную станцию в нашу первую поездку, и тогда события приняли бы... Ну, я толком не знаю, какими бы они были, но только не такими, как сейчас. Но я не хочу... – Он замолк, и на мгновение Катриона разглядела под обычной ироничной и властной маской очень молодого человека. Что же, в конце концов, он ведь не старше меня.

– Вы предвидели осложнения с разрешением, да? Думаю, мне следовало догадаться самой, но они спокойно приняли всю информацию по комму, когда я договаривалась о приеме, и ничего не сказали, так что думала...

– Да нет. Но я надеялся, что мне представится возможность оказаться вам сегодня полезным. И рад, что все вышло так просто.

Да, с завистью поняла Катриона, он может просто смахнуть со своего пути обычные проблемы. И оставить самые сложные... Зависть ее тут же умерла. Катриона задним числом поняла, что Форкосиган тоже испытывает вину из-за гибели Тьена и именно поэтому отправился в такую даль, чтобы помочь его вдове и осиротевшему сыну. Такая озабоченность казалась ей излишней, и она подумала, как бы ей заверить его в том, что она ни в чем его не винит. Но так, чтобы не породить еще большей неловкости.

Анализы заняли вдвое меньше времени, чем предполагала Катриона. А вскоре их пригласили в уютный кабинет врач. Форкосиган жестом велел телохранителям оставаться в коридоре.

– Генсканирование Никки показало, что дистрофия Форзонна у него в самой классической форме, – сообщила комаррианка, когда Катриона с Никки уселись рядышком напротив комм-пульта. Форкосиган, как обычно, устроился сзади и молча слушал. – У него есть несколько осложнений аллергического характера, но ничего такого, с чем мы не могли бы справиться.

Она иллюстрировала свой рассказ изображением на головиде, показывая поврежденные хромосомы и компьютерную модель того, как ретровирус доставляет необходимые компоненты, восстанавливающие нормальное действие хромосом. Никки задал меньше вопросов, чем надеялась Катриона. Стесняется? Боится? Устал?

– Думаю, наши генетики вырастят ретровирусы специально для Никки где-то через неделю, – подвела итог врач. – И тогда я вызову тебя на уколы, Никки. Запланируйте пребывание в Солстисе на двое суток, чтобы провести проверку на следующий день после инъекций, госпожа Форсуассон. И если возможно, посетите нас еще раз перед отлетом с Комарры. Потом Никки нужно будет проверяться ежемесячно первые три месяца, что вы сможете делать в клинике, которую я вам порекомендую в Форбарр-Султане. Мы дадим вам дискету со всеми записями. А потом, если все пойдет хорошо, достаточно будет проверяться раз в год.

– И все? – спросила Катриона, от облегчения осев на стуле.

– И все.

– Повреждений еще нет? Мы пришли вовремя?

– Нет, с ним все в порядке. С дистрофией Форзонна трудно делать прогнозы, но в его случае, я полагаю, первые определяемые повреждения клеток начали бы проявляться лет в девятнадцать-двадцать. Так что вы пришли очень вовремя.

Покидая кабинет врача, Катриона крепко сжимала руку сынишки и твердо ступала, чтобы не пуститься в пляс.

– Уй, мам! – воскликнул Никки, вырвал руку и с независимым видом гордо пошел с ней рядом. Форкосиган, засунув руки глубоко в карманы серых брюк, улыбаясь, шагал следом.

В катере Никки уснул, пристроив голову ей на колени. Катриона с любовью глядела на сына, легонько поглаживая его волосы, чтобы не разбудить.

Форкосиган, сидевший напротив со своими отчетами, поднял на нее глаза и тихонько спросил:

– Все хорошо?

– Все хорошо! – так же тихо ответила Катриона. – Но как-то странно... Болезнь Никки была центром моей жизни так долго... Я постепенно отбросила все остальные негативные вещи, сконцентрировавшись лишь на самом главном. Такое чувство, будто я долго-долго собиралась с духом пробить головой огромную кирпичную стену, а когда наконец решилась, наклонила голову и побежала... она просто рассыпалась, как песок. И все. А теперь я брожу по пыли и обломкам, моргая и не зная, что делать дальше. Где я теперь? Кто я?

– О, вы быстро определитесь. Вы не могли совсем потеряться, даже если все время вражались вокруг других людей. Дайте себе время.

– Я думала, что мое предназначение быть фором. – Катриона искоса глянула на Форкосигана, чувствуя себя косноязычной и неловкой. – Когда я выбрала Тьена... Вы должны понять, это был мой выбор. Мое замужество было по договоренности предложено мне, но не было насильственным. Я хотела этого, хотела детей, свою семью. Хотела всем этим заниматься. Найти свое место в этой, я не знаю, наследственной стезе.

– Я – одиннадцатый в роду. Мне известно о форской стезе.

– Да, – благодарно кивнула она. – Не то чтобы я выбрала не то, что хотела, или отбросила свое «я», или что-то еще. Но почему-то у меня не получился красивый форский путь, который я пыталась осуществить. И в результате я имею этот... пучок оборванных нитей. – Она жестом изобразила хаос.

– И это мне знакомо. – Его губы иронично искривились.

– Но знаете ли вы... Нет, конечно, знаете, но... Насчет кирпичных стен. Неудачи, постоянные неудачи стали моим уделом. Я даже некоторым образом свыклась с этим, когда перестала с ними бороться. И не знала, что успех может быть таким опустошающим.

– Хм. – Он уселся поудобней, забыв о лежащих на коленях отчетах, и внимательно посмотрел на Катриону. – Да... Головокружение от успеха, а? И «наградой за хорошо проделанную работу является следующая работа». И «то, что вы в последнее время для нас сделали, лейтенант Форкосиган», и... Да. Успех опустошает или, как минимум, дезориентирует, и вас об этом заранее никто не предупреждает. Полагаю, это вроде внезапной смены скорости и направления.

Катриона моргнула.

– Как странно... А я думала, вы мне скажете, что я дурочка.

– Стану отрицать ваше совершенно правильное восприятие? Почему вы так думали?

– По привычке... наверное.

– М-м. Думаю, вам пора учиться радоваться ощущению победы, знаете, когда преодолете первую растерянность. К этому вкусу привыкаешь.

– И как скоро вы к нему привыкли?

– С первого раза, – расплылся он в улыбке.

– Значит, это не вкус, а зависимость.

– Ну, такого рода зависимость вполне вам подойдет.

Его глаза сияли. Что это, вызов? Катриона растеряннo улыбнулась и повернулась к иллюминатору, уставясь на темнеющее комаррское небо. Катер начал спускаться. Форкосиган потербил губу, но сохранил свою странную усмешку и вернулся к отчетам.

Дядя Фортиц встретил их в дверях с кипой дискет в руках и отсутствующей улыбкой на лице. Он крепко пожал руку Катрионы и отмахнулся от Никки, жаждавшего узурпировать внимание деда, чтобы поведать о чудесном путешествии на катере Имперской безопасности.

– Погоди немного, Никки. Мы пойдем на кухню перекусить, и тогда ты мне все расскажешь. Катриона, у меня новости от твоей тети. Она вылетела с Барраяра и прибудет сюда через три дня. Я не хотел тебе об этом говорить, пока не был уверен, что она сможет приехать.

– Ой! – Катриона чуть не запрыгала от радости и тут же забеспокоилась. – Ох, нет, сэр, вы же не хотите сказать, что вынудили бедную тетю проходить через пять п-в-туннелей от Барраяра до Комарры ради меня? Она же терпеть не может скачки через нуль-пространство!

– Вообще-то это была идея лорда Форкосигана, – хмыкнул дядя Фортиц.

Форкосиган лучезарно улыбнулся и застенчиво пожал плечами.

– Хотя я в любом случае собирался притащить ее сюда ради себя самого по окончании семестра, – продолжил дядя. – Так что это всего лишь небольшая передвижка в расписании. Ей ведь нравится Комарра, как только она приходит в себя примерно через сутки после приезда. Я думал, ты будешь рада.

– Вам не следовало... Ой, нет, я очень рада ее приезду!

При этих словах Форкосиган приосанился и его улыбка стала самодовольной, что немало позабавило Катриону. Она не знала, стала ли это она лучше понимать выражение его лица, или он стал более открытым.

– Если я возьму тебе билет, ты встретишь ее на скачковой станции? – спросил Фортиц. – Боюсь, у меня не будет на это времени, а она терпеть не может путешествовать в одиночестве. Так что ты сможешь увидеться с ней на день раньше и побыть с ней вдвоем.

– Конечно, сэр! – Катриону чуть затрясло, когда она поняла, насколько соскучилась по тете. Она так долго вращалась вокруг Тьена, что уже стала воспринимать свое одиночество как норму. Катриона считала, что госпожа профессор Фортиц – одна из немногих ее родственников, которая ее не раздражает. Друг! Не просто друг – союзник! Знакомые комаррианки были довольно милыми женщинами, но они так многого не понимают... Тетя Фортиц может отпустить довольно-таки ядовитые комментарии, зато понимает все.

– Да-да, Никки, – сказал дядя Фортиц. – Майлз, когда будешь готов, я жду тебя в моей комнате, чтобы просмотреть сегодняшние результаты.

– А они есть? Что-нибудь интересное?

Фортиц махнул рукой.

– Мне интересно послушать твои комментарии, ежели таковые будут.

– Когда вам угодно. Постучите мне, когда будете готовы.

Форкосиган улыбнулся Никки, отсалютовал профессору и ушел.

Никки, нетерпеливо дожидавшийся своей очереди, вцепился в деда и поволок на кухню. Катриона порадовалась, что катер Имперской службы безопасности полностью затмил для сына медицинский осмотр. Довольная, она пошла следом.

Глава 16

На следующий день Майлз с утра пораньше, в рубашке и брюках, но босиком, вышел в коридор с несессером в руках. Нужно не забыть напомнить Тумонену, чтобы вернули активатор, размышлял он. Должно быть, эксперты СБ не обнаружили в нем никакого взрывного устройства, раз до сих пор молчат. Его ленивые размышления оборвались, когда он увидел Катриону, в халате и с растрепанными волосами, стоявшую у двери ванной комнаты.

– Никки! – прошипела она. – Немедленно открой! Ты не можешь прятаться там весь день!

– Нет, могу! – упрямо произнес приглушенный детский голосок.

Поджав губы, она снова постучала в дверь, настойчиво, но спокойно, и тут заметила Майлза. Слегка подскочив от неожиданности, она судорожно стянула ворот халата.

– Ой! Лорд Форкосиган...

– Доброе утро, госпожа Форсуассон, – вежливо поздоровался Майлз. – Э-э-э... проблемы?

Катриона сердито кивнула.

– Я так и думала, что вчера все прошло подозрительно гладко. А сегодня Никки пытается убедить меня, что слишком болен, чтобы идти в школу. Я снова объяснила ему, что это заболевание не такого свойства, но он упрямылся все больше и больше. Умолял оставить его дома. Нет, не просто упрямылся. Думаю, он боится. Это не обычная шалость. – Она повернула голову к запертой двери. – Я пыталась быть твердой. Но это оказалось не самой правильной тактикой. А теперь он в панике.

Майлз наклонился к замку. Обычный механический запор. Жаль, что не сенсорный. С теми-то ему известна пара-тройка фокусов. А у этого даже винтов нет, а просто какие-то задвижки. Тут требуются пассатижи. Или хитрость...

– Никки, – с надеждой позвала Катриона. – Тут стоил лорд Форкосиган. Ему нужно умыться и одеться, чтобы пойти на работу.

Молчание.

– Прямо не знаю, что делать, – тихо пожаловалась Катриона. – Мы уезжаем через несколько недель. Несколько пропущенных уроков особого значения не имеют, но... дело ведь не в этом.

– В его возрасте я ходил примерно в такую же форскую частную школу, как и он, – прошептал в ответ Майлз. – И знаю, чего он боится. Но полагаю, что ваша реакция правильная. – Он задумчиво нахмурился, потом поставил несессер на пол, выудил из него депиляторный крем и натер им лицо. – Никки? – громко позвал он. – Можно мне войти? А то я весь в депиляторе, и если я его не смою, то он начнет проедать мне кожу.

– А он не сообразит, что вы вполне можете сделать это на кухне? – шепнула Катриона.

– Может быть. Но ему всего девять лет. Думаю, что бритье для него еще загадка.

Через некоторое время послышался голос Николаса:

– Вы можете войти. Но я не выйду. И снова запрусь.

– Договорились, – покладисто согласился Майлз.

За дверью раздался шорох.

– Мне схватить его, когда она откроется? – спросила Катриона с большим сомнением.

– Не-а. Это нарушит наш договор. Я войду, а там посмотрим, что получится. Во всяком случае, у вас хотя бы появится шпион по ту сторону ворот.

– Мне кажется неправильным использовать вас таким образом.

– М-м-м, но детишки осмеливаются бросать вызов лишь тем, кому действительно доверяют. То, что я для него фактически посторонний, дает мне преимущества, которыми я и предлагаю вам воспользоваться.

– Пожалуй, верно. Ну что ж... Ладно.

Дверь осторожно приоткрылась. Майлз ждал. Дверь открылась шире. Майлз вздохнул и боком протиснулся внутрь. Никки мгновенно захлопнул дверь и запер замок.

Мальчик был одет для школы, в расшитой серо-коричневой форме, но без ботинок. Должно быть, он удрал в ванную именно в тот момент, когда его заставляли обуваться. Никки отошел назад и уселся на край ванны. Майлз положил несессер на полочку, закатал рукава, пытаясь прочистить мозги и начать побыстрее соображать без утреннего кофе. Или хотя бы просто начать соображать. Как он смутно припоминал, в свое время его красноречие вдохновляло людей на смертный бой. Придется как следует поднапрячься. Стараясь выиграть время и разбудить вдохновение, Майлз методично почистил зубы, а к тому времени, когда покончил с этим, депилятор сделал свое дело. Майлз смыл оставшуюся пену, насухо вытерся полотенцем, повесил его на плечо и прислонился спиной к двери, медленно опуская рукава и застегивая манжеты.

– Ну, Никки, – наконец проговорил он. – Так в чем сегодня проблема со школой?

Глаза мальчика были мокрыми от слез, но он с вызовом посмотрел на взрослого.

– Я болею. У меня эта штуковина Форзонна.

– Она не заразна. Ты не можешь никого ею заразить. – Кроме как тем способом, каким сам ее получил. Судя по недоуменному виду Никки, мысль, что он может кого-то заразить, ему и в голову не приходила. Майлз колебался, не зная, с какого бока подойти к решению задачи. И чуть ли не впервые задумался, как выглядели некоторые аспекты его собственного детства с точки зрения его родителей. Двойное видение ошеломяло. Какого черта я оказался на стороне противника?

– Знаешь, – рискнул Майлз, – никто и не узнает, что она у тебя есть, пока ты сам не расскажешь. Они ведь не смогут ее унюхать, правда?

Мальчик набычился:

– Это мама так говорит.

Так, пробный шар пролетел мимо. Да и в любом, как доказала жизнь Тьена, случае вряд ли стоит предлагать держать все в тайне. Подавив желание удавить мальчишку за то, что он еще больше расстраивает Катриону, Майлз спросил:

– Ты уже завтракал?

– Ага.

Значит, морить его голодом или искушать едой займет слишком много времени.

– Что ж... Давай договоримся. Я не скажу, что ты преувеличиваешь сложности, а ты не скажешь, что я ничего не понимаю.

Никки посмотрел на него снизу вверх со своего насеста. Предложение явно его заинтриговало. Ага. Рассмотрю тебя, паренек. Майлз взвесил и немедленно отбросил попытки запугать мальчика, задеть его гордость, надавить на него сильнее. Например, заявлением типа: «Как же ты можешь надеяться, что у тебя хватит смелости прыгать через п-в-туннели, если тебе не хватает сейчас храбрости встретить нынешнее препятствие?» Никки и так приперт к стенке, иначе зачем ему прятаться в этом убежище? Надавив на него сильнее, можно просто раздавить. Фокус в том, чтобы эту стенку уменьшить.

– Я ходил в школу вроде твоей. И не помню, чтобы хоть раз мне не пришлось решать проблему, что в глазах одноклассников я фор-мутантик. К твоему возрасту у меня уже была разработана добрая дюжина стратегий. Хотя некоторые из них оказались весьма контрпродуктивны, должен признаться.

В детстве он прошел через все медицинские пытки, стиснув зубы. Но кое-кто из его до сих пор не забытых одноклассников, обнаруживших, что его слишком хрупкие кости делают физическое насилие слишком опасным – для них, поскольку невозможно скрыть улики, – быстро научились доводить его до слез словесно. Сержант Ботари, ежедневно доставлявший

Майлза по утрам в это чистилище, очень быстро сделал ежедневный обыск рутинной процедурой, вытряхивая из Майлза различное оружие – от столового ножа до парализатора, вытащенного из кобуры капитана Куделки. В результате Майлз вынужден был перейти к партизанской войне. У него ушло почти два года, чтобы вынудить некоторых однокашников оставить его в покое. И он все время учился сам. Нет, пожалуй, предлагать выход на основе собственного опыта возраста с девяти до двенадцати не самая лучшая идея...

– Но это было на Барраяре двадцать лет назад. Сейчас времена изменились. Что, по-твоему, твои друзья с тобой сделают?

– Не знаю, – пожал плечами Никки.

– Ну, выдай мне какие-нибудь предположения. Нельзя разработать хорошую стратегию без хорошей разведки.

Никки снова пожал плечами. И через некоторое время пояснил:

– Дело не в том, что они сделают. А что подумают.

Майлз резко выдохнул:

– Ну... с этим мне несколько сложновато работать. Значит, ты боишься того, о чем кто-то подумает когда-то там, в будущем. Обычно я прибегал к суперпентоталу, чтобы выяснить, что люди действительно думают. Но даже суперпентотал не может помочь узнать, о чем они подумают в будущем.

Никки сгорбился. Майлз удержался от замечания, что если он и дальше будет так горбиться, то его позвоночник станет таким же кривым, как у дяди. Существует крошечная, но чудовищная возможность, что мальчик действительно в это поверит.

– Кто нам нужен, – вздохнул Майлз, – так это агент Имперской безопасности. Кто-то, кто разведает незнакомую территорию, не зная, о чем думают или что сделают попавшиеся по дороге люди. «Внимательно слушай, наблюдай, запоминай и явись обратно с докладом». И им приходится это делать снова и снова, каждый раз в новых местах. В первый раз чертовски страшно.

– Откуда вы знаете? – посмотрел на него Никки. – Вы же сказали, что были курьером.

Черт, мальчишка наблюдателен!

– Ну, я... хм... не должен об этом рассказывать. У тебя нет допуска. Но неужели ты думаешь, что твоя школа так же опасна, как Архипелаг Джексона или Цетаганда? Если взять два... э-э-э... случайных примера?

Никки смотрел на него молча и, как опасался Майлз, с вполне оправданным презрением к неискренности взрослых.

– Но я расскажу тебе, чему научился.

Так, заинтересовался. Во всяком случае, поднял взгляд.

Довольствуйся этим. На большее он не пойдет.

– Во второй раз уже не так страшно. Позже я жалел, что не мог сразу начать со второго раза. Но единственная возможность добраться до второго раза – это сделать что-то в первый раз. Кажется парадоксом, но к простому можно добраться только через сложное. Но как бы то ни было, я не могу выделить тебе агента СБ на предмет выявления антимутантной деятельности в твоей школе.

Никки сердито хмыкнул на этот намек на покровительство.

Майлз едва заметно одобрительно ухмыльнулся.

– Кроме того, это будет маленько перебор, тебе не кажется?

– Наверное, – раздалось бурчание.

– К тому же идеальный разведчик должен сливаться с окружающей средой. Тот, кто знает территорию как свои пять пальцев и не делает по незнанию грубых ошибок. Такой, кто умеет держать свое мнение при себе и не позволяет досужим домыслам влиять на его наблюдения. И который не должен влезать в драку, чтобы не выдать себя. Очень практичные ребята, мои зна-

комые агенты Имперской безопасности. – Он оценивающе оглядел Никки. Так, это, кажется, не очень срабатывает. Попробуем другое. – Самому юному моему агенту было десять лет. Нет необходимости объяснять, что это происходило не на Барраяре, но я не думаю, что ты менее сообразителен, чем она.

– Десять? – переспросил Никки, временно сбитый с позиций. – Она?

– Она выполняла простую задачу связного. Потому что могла пройти незаметно там, где наем... где взрослый в мундире не мог. Так что я охотно выступил бы в роли твоего тактического консультанта в этой... э-э-э... школьной миссии, но я не могу работать без разведданных. А самый лучший разведчик в данном случае уже есть прямо на месте. Ты сможешь?

Никки пожал плечами. Но его упрямый взгляд стал оценивающим.

– Десять... девчонка...

Попадание, почти наверняка попадание!

– Я провел ее по документации как местного осведомителя. И ей, конечно, заплатили. По тем же расценкам, что и взрослым. За небольшой, но весьма значительный вклад, способствовавший скорейшему благополучному завершению того задания. – Майлз устался в пространство с тем видом, который принимают взрослые, когда собираются предаться длинным и скучным воспоминаниям. Когда он посчитал, что рыбка уже на крючке, он сделал вид, что вернулся к действительности, и слабо улыбнулся ребенку. – Ну, хватит об этом. Долг зовет. Я в отличие от тебя еще не завтракал. Так что если надумаешь вылезти отсюда, то я буду дома еще минут десять.

Майлз открыл замок и вышел. Он сильно сомневался, что Никки понял из его рассказов больше, чем одно слово из трех, хотя в отличие от большинства обычно рассказываемых им историй здесь все было чистой правдой. Ну что же, он хотя бы сумел предложить мальчику выход из невозможной ситуации.

Катриона поджидала в коридоре. Майлз прижал палец к губам и замер. Дверь осталась закрытой, но замок не щелкнул. Жестом велел Катрионе следовать за ним, Майлз на цыпочках пошел в гостиную.

– Уф, – выдохнул он. – Кажется, мне еще никогда не приходилось выступать перед такой трудной аудиторией.

– Что случилось? – встревоженно спросила Катриона. – Он выйдет?

– Пока не уверен. Я подкинул ему кое-какую информацию для размышления. И он вовсе не в такой страшной панике. К тому же в ванной ему довольно скоро станет скучно. Давайте дадим ему немного времени и поглядим.

Майлз как раз приканчивал хлопья и кофе, когда Никки осторожно просунул голову в дверь кухни. Прислонившись к косяку, он постукивал пяткой по стене. Катриона, сидевшая напротив Майлза, прижала ладонь к губам и ждала.

– Где мои ботинки? – через некоторое время спросил Никки.

– Под столом, – ответила Катриона, с явным усилием сохраняя ровный тон. Никки заполз под стол, извлек оттуда обувь, затем уселся по-турецки и обулся.

– Хочешь, чтобы тебя кто-нибудь проводил? – осторожно поинтересовалась Катриона, когда сынишка встал.

– Не-а. – Мальчик быстро глянул на Майлза, подобрал в гостиной портфель и сам направился в школу.

Катриона, приподнявшаяся было на стуле, бессильно опустилась обратно.

– Ну и ну. Может, мне стоит позвонить в школу, чтобы убедиться, что он пришел?

Майлз немного поразмыслил.

– Пожалуй. Только так, чтобы Никки об этом не узнал.

– Верно. – Катриона поболтала кофе на дне чашки и нерешительно спросила: – Как вам это удалось?

– Что?

– Вытащить его оттуда. Если бы это был Тьен... Они оба упрямы. Тьен иногда здорово злился на Никки, и не без причины. Он бы пригрозил высадить дверь и оттащить Никки в школу за шиворот. А я бы бегала кругами, причитая, откровенно боясь, что все пойдет наперекосяк. Хотя они никогда не переступали грань. Не знаю, было ли это из-за меня, или... Тьену потом всегда становилось стыдно. Нет, он не извинялся, а покупал... В общем, теперь это уже не имеет значения.

Майлз возил ложкой по дну тарелки, надеясь, что его желание получить от нее похвалу не слишком очевидно.

– Ну, решение вопроса силовыми методами для меня никогда не было легким выходом. Я просто... поиграл с его умом, расшевелил его. Я всегда стараюсь во время переговоров дать человеку возможность сохранить лицо.

– Даже ребенку? – Ее губы изогнулись и брови взлетели вверх. Майлз не знал, как истолковать это выражение. – Редко встречающийся подход.

– Ну, возможно, в моей тактике есть некоторый элемент сюрприза. Должен признаться, что я подумывал бросить на амбразуру подхалимов из СБ, но это был бы довольно глупый приказ. На карту была поставлена честь не только Никки.

– Что же... благодарю вас за долготерпение. Обычно от занятого и высокопоставленного мужчины не ждут, что у него найдется время на детей.

Она проговорила это с теплотой. Значит, она довольна. Вот здорово! Майлз облегченно проямлил:

– Ну, я такой. В смысле, я жду, что найдется. Мой па всегда находил... урывал время для меня. Позже, когда я узнал, что далеко не все действуют так, как па, то подумал, что так, как он, поступают самые занятые и самые высокопоставленные мужчины.

– Хм. – Катриона, глядя на свои руки, сжимавшие чашку, криво улыбнулась.

На кухню вплыл профессор Фортиц, одетый в удобный мешковатый костюм, чуть лучше сидящий на нем, чем его пижама. Пошитый на заказ, к чему обязывал профессора высокий статус Имперского Аудитора. Впрочем, Майлз сильно подозревал, что уважаемый ученый довел портных до истерики, пока не принудил их сделать так, как ему надо. «С большими карманами», – как он в свое время объяснил Майлзу, а его жена тогда лишь возвела очи горе. Фортиц распакивал дискеты по этим объемным полостям.

– Ты готов, Майлз? Из СБ только что сообщили, что нас ждет аэрокар с шофером у западных шлюзов.

– Прекрасно. – Виновато улыбнувшись Катрионе, Майлз проглотил остатки кофе и встал. – С вами сегодня все будет хорошо, госпожа Форсуассон?

– Да, конечно. У меня куча дел. Встреча с консультантом по имущественному праву, а еще нужно все разобрать и упаковать... Охраннику не придется идти со мной, да?

– Только если вы захотите. Мы оставим здесь на посту одного охранника на тот случай, если вы уйдете. Но если бы нашим комаррским друзьям понадобились заложники, они захватили бы нас с Тьеном еще тогда.

И навлекли бы на себя еще больше забот. Если бы только они это сделали, с сожалением подумал Майлз. Тогда бы дело продвинулось гораздо дальше, чем сейчас. Но Судха слишком умен, черт его побери.

– Если бы я думал, что вам с Никки грозит опасность, – то нашел бы способ как использовать вас как приманку... Нет-нет! – Если вы чувствуете себя неудобно, я с удовольствием приставлю к вам телохранителя.

– Нет, право, не стоит.

И снова эта слабая улыбка на ее губах. У Майлза было такое ощущение, что он с радостью провел бы все утро, изучая выражение ее лица. Список оборудования. Ты будешь изучать список оборудования.

– Тогда всего вам доброго, сударыня.

Лорд Аудитор Фортиц, после оценки ситуации, предпочел устроить собственную штаб-квартиру на опытной станции отдела избыточного тепла. Майлз вынужден был признать, что безопасность здесь на высшем уровне. Сюда нельзя ни попасть случайно, ни подкрасться незаметно – кругом пустыня. Впрочем, им с Тьеном это удалось, но тогдашние оккупанты были в тот момент заняты другими делами, а Тьену, судя по всему, вообще всю жизнь круто не везло. Майлз размышлял, что в затее Судхи было первично. Доступ ли к такому великолепному месту для секретных работ породил идею таинственного проекта, или же сначала возникла идея и только потом он сумел занять должность, дающую доступ к станции? Один из длинного списка вопросов, которые Майлз прямо-таки жаждал задать этому типу под суперпентоталом.

Когда аэрокар СБ доставил обоих Аудиторов на станцию, Майлз тут же отправился выяснять, какого прогресса добились его команда, точнее, команда майора Дэмори, с инвентаризацией. Дежурный сержант пообещал, что полная информация по всему оборудованию, наличествующему на станции, будет готова к вечеру. Майлз вернулся к Фортицу, сидевшему в одном из просторных верхних кабинетов с огромными столами, ярким освещением и внушительным рядом мощных коммов. Профессор буркнул приветствие, не отрываясь от разноцветной сетки математических схем и графиков, высвеченных перед ним на головиде. Майлз устроился перед коммом, чтобы изучить предоставленный полковником Гиббсом список оборудования, реально закупленного отделом избыточного тепла и напрочь отсутствующего на станции. Вдруг удается обнаружить что-то знакомое?

Вскоре профессор, тяжело вздохнув, выключил головид.

– Что ж, нет никаких сомнений, что они что-то сконструировали. Орбитальная команда отловила вчера еще серию обломков, почти все – расплавленные.

– Так что же дает нам список? Что-то одно, уничтоженное вместе с Радовашем, или чего-то два? – вслух размышлял Майлз.

– О, тут, судя по всему, как минимум два. Хотя второй, возможно, собран еще не до конца. Если оценить ситуацию с точки зрения Судхи, то у него выдался тяжелый месяц.

– Да, если все это месиво наверху не было действительно какой-то непонятной смертельной операцией, или сознательной диверсией, или... И где, черт побери, эта Мария Трогир? Я вовсе не уверен, что комаррцы тоже это знают. Когда Судха разговаривал со мной, мне показалось, что он страсть как хочет выяснить, что мне о ней известно. Если, конечно, это не очередной его ложный след.

– Ты уже что-нибудь выудил из инвентаризации? – спросил Фортиц.

– Ну, не совсем то, что хотел. Окончательный результат аутопсии Радоваша показал, кроме всего прочего, разрушения на клеточном уровне. В целом очень похоже на то, что случается с человеческим телом, оказавшимся рядом с лучом гравидеструктора. Прямое попадание, конечно, оставляет более выраженные следы, весьма впечатляющие, я бы сказал. Но, проходя рядом, луч может убить, практически не повредив тела. И с первых результатов сканирования на клеточном уровне я размышляю, не изобрел ли Судха заново гравидеструктор или еще какое-нибудь гравитационное оружие. Ручные гравидеструкторы – давняя мечта ученых-оружейников. Это я точно знаю. Но... представленное в списке оборудование не совсем подходит. Помимо всего прочего, там есть мощные приборы по передаче энергии, но я напрочь не вижу, куда они собираются ее передавать.

– Фрагменты математических выкладок, обнаруженных в библиотеке Радоваша, очень меня интригуют, – заметил Фортиц. – Ты рассказывал о математике Судхи, Каппеле, кажется. Какое он произвел на тебя впечатление?

– Трудно сказать, ведь теперь-то я знаю, что он все время мне лгал, – уныло хмыкнул Майлз. – Теперь понятно, что Судха заранее знал, что математик в критической ситуации сохранит здравость рассудка. Теперь-то я понимаю, что Судха очень тщательно отбирал людей, которых допустил до разговора со мной. – Майлз помолчал, не вполне уверенный, что сможет логически доказать свое предположение. – Я считаю, что Каппель – ключевой человек. Следующий после Судхи. А также бухгалтер, Фоскол... Нет. Пожалуй, я назову вам четверых. Судха, Фоскол, Каппель и Радоваш. Они – ядро. Готов поспорить на бетанский доллар, что вся эта чепуха о романе между Радовашем и Трогир – полный вымысел, убедительная дымовая завеса, выдуманная после аварии, чтобы выиграть время. Но так или иначе, где же сейчас Трогир? – Немного помолчав, он добавил: – И где они собираются использовать эту штуку? Или кому продать? Если продать, то они должны уже найти покупателя за пределами империи. Может, Трогир всех надула и повезла спецификации потенциальному покупателю? СБ тщательно перекрыла для наших пропавших комаррцев все п-в-туннели, ведущие за пределы Империи. Они опережали нас всего на пару часов и физически не могли успеть удрать за границу. Но Трогир имеет две недели форы. Сейчас она может быть очень далеко.

Через час Майлз уже окосел от метров и метров инвентарного списка. У него ум зашел за разум, и он на полном серьезе принялся размышлять, как бы ему привязаться, как гиперактивной личинке, ко всем полевым агентам, разыскивающим сбежавших комаррцев. Надо полагать, по частям. Он уже научился не мечтать о способности раздваиваться или еще как-то умножать себя. Майлз припомнил старую барраярскую шутку о фор-лорде, прыгнувшем на лошадь и поскакавшем на все четыре стороны. Движение вперед срабатывает как стратегия лишь тогда, когда ты очень точно знаешь, где именно находится это самое вперед. Вот ведь лорд Аудитор Фортиц не бежит же кругами, а спокойно сидит в центре и ждет, когда все придет к нему само.

Размышления Майлза о доказанных минусах клонирования были прерваны звонком от полковника Гиббса. На лице полковника расплылась широченная и потрясающе самодовольная улыбка. Профессор выбрался из-за своего комм и, прошлепав вдоль всего ряда аппаратов, встал позади Майлза, опершись на спинку стула.

– Милорд Аудитор, милорд Аудитор, – кивнул полковник им обоим. – Я, кажется, обнаружил именно то, что вы хотели. Нам удалось наконец отследить реальные закупки самого крупного оборудования. За последние два года отдел избыточного тепла приобрел пять стандартных двигателей Неклина у комаррской фирмы по производству двигателей для скачковых кораблей. У меня есть название и адрес компании и копии инвойсов. «Боллен дизайн» – так она называется – все еще хранит файлы технических характеристик.

– Судха строил скачковый корабль? – пробормотал Майлз, пытаясь вообразить эту картину. – Погодите-ка, двигатели Неклина идут парно. Может, они один сломали? Полковник, Имперская безопасность уже посетила Боллена?

– Да, мы там были, чтобы проверить подделку инвойсов. «Боллен дизайн» – совершенно законное, хоть и маленькое предприятие. Они в бизнесе уже около тридцати лет, что мало стыкуется с операцией по казнокрадству. Фирма не способна конкурировать с такими гигантами, как «Тоскане индастриз», поэтому специализируется на необычных и экспериментальных инженерных разработках, а также на ремонте нестандартных и устаревших скачковых двигателей. Фирма, судя по всему, не нарушила никаких законов и сотрудничала с Судхой, как с обычным заказчиком. Счета уходили из «Боллена» в первозданном виде; их подделывали, очевидно, когда они прибывали на комм к Фоскол. Тем не менее... главный инженер, работав-

ший непосредственно над заказом Судхи, отсутствует на работе уже три дня, и дома его мой полевой агент тоже не нашел.

Майлз тихо выругался.

– Избегает допроса с суперпентоталом, готов поспорить! Если, конечно, его труп не обнаружат в каком-нибудь отстойнике. На данном этапе возможны оба варианта. Надеюсь, у вас есть ордер на его задержание?

– Безусловно, милорд. Хотите, чтобы я передал все, что мы обнаружили сегодня утром, по закрытому лучу?

– Да, будьте любезны, – кивнул Майлз.

– Особенно технические характеристики, – добавил из-за его плеча Фортиц. – А когда я их просмотрю, то, возможно, захочу побеседовать с теми сотрудниками Боллена, что еще на месте. Могу ли я попросить службу безопасности позаботиться о том, чтобы никто из них не отбыл в неплановый отпуск до беседы со мной, полковник?

– Уже сделано, милорд.

Все еще самодовольно улыбаясь, Гиббс исчез, и пошла передача обещанных им бухгалтерских и технических сведений. Фортиц спихнул финансовую документацию Майлзу, который быстренько записал ее и пришел посмотреть на технические характеристики.

– Ну и что это за чертовщина? – изрек Фортиц, когда после сканирования запустил на головиде разноцветную схему, медленно вращающуюся в трех измерениях.

– Я надеялся, что это-то вы мне и объясните, – выдохнул Майлз, стоявший за спиной профессора. – Но уж наверняка не похоже ни на один двигатель Неклина, какие я когда-либо видел.

Полученное на головиде сооружение смахивало на нечто среднее между штопором и воронкой.

– Все варианты слегка отличаются друг от друга, – заметил Фортиц, высветив на головиде еще четыре схемы рядом с первой. – Судя по числам, различия увеличивались с каждой последующей модификацией.

Согласно указанным параметрам, первые три были меньше последующих: метра два в длину и метр или около того в ширину. Четвертый – вдвое больше третьего. А пятый – пяти метров шириной и шести длиной. Майлз припомнил кубатуру помещения цеха. Последний двигатель доставлен четыре недели назад, и его нет в наличии. Никто, находясь в здравом уме, не будет держать такое ценное оборудование, как двигатели Неклина, под открытым небом.

– Эти штуки генерируют Неклиновское поле? – спросил Майлз. – Какой конфигурации? При наличии пары двигателей поля вращаются в противофазе и пропихивают корабль сквозь пятимерное пространство. – Он руками изобразил, как это выглядит. Как ему метафорически объясняли когда-то в академии, поля обволакивают корабль, создавая пятимерную иглу неопределенного диаметра и бесконечной длины, чтобы пройти сквозь пятимерную точку, именуемую пространственно-временной туннель, и снова сворачиваются в трехмерные после прохода. А на последнем курсе еще и давали математические выкладки, которые Майлз, сдав экзамен, благополучно забыл за ненадобностью. И было это задолго до его криооживления, так что вряд ли можно винить в этой забывчивости иглогранату джексоновского снайпера. – Когда-то я все это знал... – жалобно протянул Майлз.

Несмотря на довольно-таки толстый намек, профессор не приступил к популярной лекции. Он просто устроился поудобней на стуле, подперев рукой подбородок. Через некоторое время он наклонился и очень быстро начал прогонять на дисплее файлы с отчетами о ходе расследования.

– Ага! Вот он!

Он открыл два файла: со списком обнаруженных фрагментов и с похожим списком оборудования, полученного от Боллена, и откинулся на спинку стула.

– Черт подери!

– Что? – заинтересовался Майлз.

– Вот уж не думал, что нам так повезет. Вот это, – он указал на первый список, – результат анализа оплавленных и сильно поврежденных частей, подобранных на орбите. Они практически с точностью совпадают с четвертым из этих непонятных агрегатов, видишь? Результаты отличаются совсем чуть-чуть за счет отсутствия более легких элементов, которые и должны испариться при такой температуре. Хм. Не думал, что мы когда-нибудь сможем установить происхождение этих штук.

– Если это был четвертый, – медленно проговорил Майлз, – то где же тогда пятый?

– Там же, где первый, второй и третий, – пожал плечами Фортиц.

– У вас достаточно информации, чтобы восстановить его энергетический запас? И тогда у нас будет вся машина целиком, так?

– М-м-м, возможно. Хотя для этого надо знать еще кое-что. Какова мощность? Поле – постоянное или переменное? Боллен должен был это знать, чтобы сделать соответствующую пару... Ага! – Профессор снова обратился к техническим характеристикам и принялся внимательно изучать какую-то сложную диаграмму.

Майлз нетерпеливо раскачивался на пятках. Когда он уже больше не мог хранить уважительное молчание без риска, что пар повалит из ушей, он спросил:

– Да, но что эта штука делает?

– Надо полагать, именно то, для чего и предназначена. Создает поле, разрывающее пятимерное пространство.

– Которое делает что? И с чем?

– А! – Профессор откинулся назад и уныло потер подбородок. – Поиск ответа на этот вопрос займет несколько больше времени.

– Мы можем проиграть на комме виртуальные варианты?

– Безусловно. Но чтобы получить правильный ответ, для начала следует задать правильный вопрос. Мне нужен... хм!.. специалист по теории пятимерного пространства. Пожалуй, лучше всего доктор Рива, она преподает в Солстисском университете.

– Если она комаррианка, то СБ будет возражать.

– Да, но она тут, на планете. Я и прежде с ней консультировался, когда расследовал подозрительный с политической точки зрения несчастный случай при скачке через п-в-туннель в пространстве Зергияра два года назад. У нее гораздо лучше развито ассоциативное мышление, чем у всех прочих известных мне пятимерщиков.

Майлзу всегда казалось, что у всех экспертов по пятимерной математике мозги повернуты иначе, чем у остального человечества, но он кивнул, признавая важность этой особенной черты.

– Она мне нужна. И я ее заполучу. Но прежде чем вытаскивать ее из академической рутины, я сперва сам поговорю с Болленом. Твой полковник Гиббс очень хорош, но он не мог задать все необходимые вопросы.

Майлз хотел было сказать, что Гиббс, как и любой другой сотрудник СБ – вовсе не его собственность, но понял, что уже поздно – он заработал среди Аудиторов репутацию специалиста по СБ, точно так же, как Фортиц был специалистом по инженерным проблемам. Майлз представил себе будущее совещание Аудиторов. «Это проблема, связанная с СБ. Отдайте ее Форкосигану».

– Вы правы, – лаконично ответил Майлз.

Поездка на завод Боллена не принесла, вопреки надеждам Майлза, ничего нового. Суборбитальный катер быстро доставил Майлза с Фортицем к пребывающим в расстройстве владельцам фирмы. Поскольку всю документацию уже передали утром СБ, Имперским Ауди-

рам мало что еще могли предоставить. Администрация знала лишь финансовые и контрактные подробности отношений с мифическим «частным исследовательским институтом» Судхи, на который, как они считали, делался заказ. Техники по сборке тоже мало что могли добавить к уже имевшемуся у Фортица списку технических характеристик. Если пропавший инженер тоже знал о подлинной сущности своего заказчика и предназначении агрегата не больше других служащих Боллена, то у него не было повода удирать. Никакого преступления, как понимал Майлз, «Боллен дизайн» не совершал.

Однако техники помнили, когда к ним приходили люди, похожие по описанию на Судху, Каппеля и Радоваша. Причем Судха в последний раз побывал здесь буквально на прошлой неделе. Но начальство никогда не допускало техников к этим переговорам. Им было лишь велено не обсуждать с посторонними необычные двигатели Неклина, поскольку, дескать, они экспериментальные и еще не запатентованы. А промышленные секреты легко превращаются в прибыль (или убыток). Пока что все это больше смахивало на убытки, чем на прибыль.

Заказчики всегда забирали готовые двигатели с завода сами, а не поручали куда-либо их доставить. Майлз мысленно пометил, что надо будет выяснить, имеется ли у отдела использования тепла большой транспорт, а если нет, то поручить Имперской безопасности проверить все наемные грузовики, достаточно большие, чтобы перевезти два последних двигателя.

Шныряя по заводу, пока профессор предавался профессиональным беседам на Высоком Инженерном Языке, Майлз все больше приходил к выводу, что главный инженер исчез добровольно. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что личные записи этого типа испарились вместе с ним. Охрана завода Боллена, конечно, была далеко не военной, но трудно предположить, что улепетывающие со всех ног комаррцы Судхи сначала быстренько прикончили инженера, а затем без посторонней помощи незаметно и с хирургической точностью вытащили все необходимое из такого количества коммов. Впрочем, Майлз так или иначе не желал этому человеку смерти. Наоборот, ему очень хотелось, чтобы тот оказался жив-здоров на другом конце инъектора с суперпентоталом. В этом-то и проблема. Люди теперь предвидят допрос с суперпентоталом. Современные заговорщики гораздо более скрытны, чем в старые скверные времена физических пыток. Еще три дня назад, скажи ему кто-нибудь, что Гиббс принесет подробный список составных частей секретного оружия Судхи на блюде с голубой каемочкой, Майлз пришел бы в восторг, полагая, что дело почти раскрыто. Ха!

Домой к Форсуассонам Майлз с Фортицем вернулись слишком поздно для ужина, но как раз к десерту, явно состряпанному по вкусу профессора: шоколад, крем и огромное количество гидропонного пекана. Дружно усевшись вокруг стола, они принялись уничтожать лакомство. Как бы ни прошла сегодняшняя встреча Никки с одноклассниками, на аппетите ребенка это несколько не отразилось, одобрителем отметил про себя Майлз.

– Как дела в школе? – спросил Майлз, стыдясь, что такой нудный вопрос исходит из его уст. Но как иначе узнать положение дел?

– Нормально, – ответил Никки с набитым ртом.

– Ждешь каких-нибудь неприятностей завтра?

– Не-а. – Односложные ответы вернули их к нормальному стилю разговора подросток – взрослый. И никакого панического ужаса, как утром.

– Отлично, – вежливо кивнул Майлз. Глаза Катрионы улыбались. Отлично.

Никки проглотил десерт и усккал, а Катриона застенчиво спросила:

– А как ваши дела сегодня? Я не знала, как расценивать ваш поздний приход. Как прогресс или наоборот.

Как дела сегодня? Казалось, она интонацией извиняется за столь прозаический вопрос. Майлз не знал, как дать ей понять, что он безумно рад этому вопросу и ему очень хочется, чтобы она повторила его снова. И снова, и снова... Ее духи будили в нем животные инстинкты,

понуждая кататься кверху лапами и выделять всякие фокусы. И при этом Майлз даже не был уверен, пользуется ли она вообще духами. Такая смесь похоти и ощущения домашнего покоя была для него чем-то абсолютно новым и незнакомым. Ну, частично. Как справляться с похотью, он знал. Но ощущение домашнего уюта поймало его врасплох.

– Мы поднялись к новому и неожиданному уровню озадаченности, – сообщил ей Майлз. Профессор открыл рот, закрыл, потом все же произнес:

– Да, суммировать наши достижения можно примерно так. Гипотеза лорда Форкосигана оказалась верной. Схема казнокрадства была разработана для финансирования производства... э-э-э... нового устройства.

– Секретного оружия, – внес поправку Майлз. – Я сказал – секретного оружия.

Глаза профессора весело блеснули.

– Будьте точны с терминологией. Если это оружие, то что является его мишенью?

– Оно настолько секретное, – пояснил Майлз Катрионе, – что мы даже никак не можем понять, для чего оно, собственно, предназначено. Так что я как минимум наполовину прав. – Он посмотрел вслед Никки. – Насколько я понимаю, раз Никки ведет себя как обычно, все прошло гладко?

– Да. Я была практически уверена, что так оно и будет. Большое вам спасибо за утреннюю помощь, лорд Форкосиган. Я так рада, что...

От некоторой неловкости Майлза спас сигнал от входной двери. Катриона пошла открывать, а профессор направился следом, помешав Майлзу задать запланированный встречный вопрос «как прошла встреча с юрисконсультантом по имущественному праву? Я был уверен, что вы с этим прекрасно справитесь». Майлз напомнил себе, что охранник службы безопасности стоит на посту в коридоре, так что ему вовсе незачем выходить. Раздумывая, как бы завязать следующий разговор-отмычку с Катрионой, он вышел на балкон.

И солнце, и отражатель сели уже несколько часов назад. Только огни города сияли в ночи. По аллее, ведущей к автостанции, еще шли немногочисленные прохожие, медленно прогуливались парочки. Майлз, облокотившись на перила, принялся наблюдать за одной из них. Мужчина обнимал женщину за плечи, а она обвила рукой его талию. При силе тяжести ноль разница в росте, как у них, исчезает, елки-палки! Интересно, а как в таких случаях себя ведут четверорукие квадди? Когда-то Майлз был знаком с женщиной-музыкантом квадди. Он не сомневался, что и у квадди тоже есть какой-то эквивалент человеческим объятиям...

Его несколько завистливые размышления были прерваны голосами, донесшимися с кухни. Катриона приветствовала какого-то гостя. Второй голос принадлежал мужчине, говорящему с комаррским акцентом. Майлз напрягся, узнав быстрый говорок кроликообразного Венье.

– ...Имперская безопасность отдала его личные вещи гораздо раньше, чем я думал. И полковник Гиббс сказал, что я могу отнести их вам.

– Спасибо, Венье, – ответила Катриона тихим голосом, который Майлз в ее случае уже научился определять как застенчивость. – Почему бы вам просто не поставить коробку на стол? А где он...

Послышался негромкий стук.

– В основном здесь всякая всячина, ручки и все такое, но я подумал, что вы захотите получить обратно ваши с сыном портреты.

– Да, спасибо.

– Вообще-то я пришел не только для того, чтобы принести вещи администратора Форсуассона. – Венье набрал в грудь побольше воздуха. – Я хотел поговорить с вами наедине.

Майлз, собравшийся было войти на кухню, замер. Черт подери, СБ допросила Венье и отпустила с миром, так? Какой еще секрет он собирается выложить, да к тому же и Катрионе? Если он, Майлз, войдет, захочет ли Венье продолжить?

– Ну... хорошо. Э-э, не хотите ли присесть?

– Спасибо.

Раздался скрип стульев.

– Я подумал о том, насколько неловким стало ваше положение после смерти администратора, – начал Венье. – Мне бесконечно жаль, но я не мог не понимать, наблюдая за вами все эти месяцы, что взаимоотношения между вами и вашим покойным мужем не такие гладкие, как должны были быть.

– Тьен... был непростым человеком. Я не думала, что это так заметно.

– Тьен был ослом, – спокойно заявил Венье. – Это было заметно. Виноват. Простите. Но это правда, и мы с вами оба это знаем.

– Теперь это не важно. – Тон ее был далеко не поощряющим.

– Я слышал, что он играл на акциях и потерял ваши деньги, – настойчиво продолжил Венье. – И его смерть ввергла вас в чудовищное положение. Как я понимаю, вы вынуждены вернуться на Барраяр.

– Да, я планирую вернуться на Барраяр, – медленно ответила Катриона.

Мне надо кашлянуть, думал Майлз. Уронить стул. Ворваться в кухню с воплем: «Венни! Рад тебя видеть!» Но вместо этого он старался дышать как можно тише.

– Я понимаю, что затеваю разговор не ко времени, еще слишком рано, – продолжил Венье. – Но я наблюдал за вами много месяцев. Как с вами обращались. Практически узница, в традиционном барраярском браке. Я не знаю, в какой степени вы были узницей добровольно, но теперь... Вы не думали о том, чтобы остаться на Комарре? А не возвращаться обратно в тюрьму? Понимаете, у вас ведь есть этот шанс. Шанс убежать.

Майлз почувствовал, что сердце у него начинает колотиться со страшной скоростью. К чему это Венье клонит?

– Я... понимаете, обратный путь как потерявшим кормильца нам оплачивает Империя. Та же тихая застенчивость.

– Я могу предложить вам кое-что другое. – Венье судорожно сглотнул. Майлз готов был поклясться, что слышал тихий клекот в тощей глотке комаррца. – Выходите за меня замуж. Это даст вам законное право остаться здесь. И тогда никто не сможет вынудить вас вернуться. Я смогу обеспечить вас, пока вы не встанете на ноги и не наверстаете упущенное в ботанике, химии или в чем другом. Вы ведь так многое можете. Передать вам не могу, как мне больно было видеть, как такой огромный человеческий потенциал пропадает втуне, тратится на этого барраярского клоуна. Я понимаю, что это сначала будет брак по договоренности, но поскольку вы – фор, то для вас это не ново. А со временем он сможет перерасти в нечто большее, я уверен. Я понимаю, что еще слишком рано, но вы скоро уедете и тогда будет слишком поздно!

Венье замолчал, чтобы перевести дыхание. Майлз наклонился вперед, открыв рот в молчаливом вопле. «Это мои слова! Мои слова! Это все – мои слова, черт бы тебя побрал!» Он ждал соперников-форов в борьбе за руку Катрионы, которые наверняка слетятся как мошка на мед, едва молодая вдова ступит на землю Барраяра. Но Бог ты мой, она же еще даже не улетела с Комарры! Он сроду не думал о Венье или каком-нибудь другом комаррце как о возможных соперниках! Хотя какой это соперник? Венье в роли соперника – смех да и только! Майлз более могуществен, более богат, более значим, и все это он готов сложить к ее ногам, когда придет время. А Венье даже не выше Катрионы, на добрых сантиметра четыре ниже...

Единственное, чего не мог предложить Майлз, – это избавиться от Барраяра. И в этом у Венье преимущество, которое Майлзу не преодолеть никогда.

Последовало длительное пугающее молчание, во время которого Майлз мысленно вопил: *Скажи нет! Скажи нет! Скажи НЕТ!*

– Очень любезно с вашей стороны, – нарушила наконец молчание Катриона.

Кой черт это должно означать?! И гадают ли об этом же Венье?

– Любезность тут совершенно ни при чем. Я... – Венье снова кашлянул. – Я вами восхищаюсь.

– О Господи!

– Я подал документы на вакансию главы Департамента Проекта Терраформирования, – быстро добавил Венье. – И думаю, что у меня есть неплохой шанс. Из-за переполоха в департаменте штаб-квартира наверняка захочет определенной преемственности. А если под общую гребенку пойдут и невиновные, и виноватые, я сделаю все возможное, постараюсь очистить мою профессиональную репутацию. Я могу сделать сектор «Серифоза» образцом, я знаю, что могу. Если вы останетесь, я смогу дать вам акции. Мы сможем делать это вместе, сможем превратить это место в сад. Останьтесь и помогите построить целый мир!

Снова длительное и пугающее молчание.

– Полагаю, вы переедете в эту квартиру, если займете пост Тьена, – наконец сказала Катриона.

– Само собой, – неуверенно ответил Венье. Верно, это вовсе не положительный момент, хотя не факт, что Венье это понял. «Я с трудом выношу это место», – сказала она тогда...

– Ваше предложение очень любезное и щедрое, Венье. Но вы несколько неверно трактуете мое положение. Никто не вынуждает меня возвращаться домой. Комарра... Боюсь, купола вызывают у меня клаустрофобию. И каждый раз, надевая респиратор, я буду вспоминать о некрасивой смерти Тьена.

– А! Это я понимаю. Но возможно, со временем?..

– Ах, да! Время. По обычаю форов вдова должна блюсти траур в течение года. – Майлз не мог видеть, какое при этом у нее выражение лица. Она улыбается? Морщится?

– И вы следуете этим древним обычаям? Вы должны? Но почему? Никогда этого не понимал. Я полагал, что в Период Изоляции все женщины должны были быть все время замужем.

– Лично я полагаю, что это было весьма практично. Если женщина вдруг беременна, то всю беременность пробудет в семье мужа, чтобы в случае рождения мальчика они были уверены: сын останется в семье отца. Впрочем, что считаю я по поводу положенного срока траура, значения не имеет. До тех пор пока я придерживаюсь традиций, это защитит меня от... от нежеланных ухаживаний. Мне просто необходимо побыть в тишине и спокойствии, чтобы собраться с мыслями...

Повисла недолгая пауза. Затем Венье несколько более напряженно спросил:

– Защитит? Я не думал, что мое предложение будет воспринято как нападение, Кэт.

– Разумеется, я так не думаю, – слабо возразила она.

Вранье. Вранье. Еще как думает! Катриона из своего печального опыта воспринимает брак как долговременную осаду ее души. После десяти лет совместной жизни с Тьеном она относится к браку примерно так же, как Майлз – к иглогранатам. И это очень плохо для Венье. Но и для Майлза тоже. Плохо. Хорошо. Плохо. Хорошо. Плохо...

– Кэт, я... я не буду вам надоедать. Но хотя бы подумайте об этом, взвесьте все варианты, прежде чем сделаете что-то непоправимое. Я буду ждать.

Опять пугающая тишина. Затем:

– Я не хочу причинять боль вам, человеку, не сделавшему мне ничего плохого, но нельзя оставлять людей жить с несбыточной надеждой. – Потом послышался долгий вдох, будто она собиралась с силами, и... – Нет.

Да!!

– Но благодарю вас за заботу, – еле слышно добавила она.

Повисла пауза, затем Венье сказал:

– Я хотел помочь. Но теперь вижу, что сделал только хуже. Мне действительно пора идти. Еще нужно купить что-нибудь на ужин по дороге...

Да, и лопай его в одиночестве, кролик несчастный! Ха!

– Доброй ночи, госпожа Форсуассон.

– Я провожу вас. Еще раз спасибо, что принесли вещи Тьена. Надеюсь, вы получите его должность, Венье. И уверена, что отлично справитесь с работой. Уже пора снова ставить комаррцев на высшие административные должности...

Майлз медленно пошевелился, размышляя, как бы незаметно проскользнуть мимо нее. Если она пойдет посмотреть, как там Никки, что вполне возможно, тогда ему удастся незаметно прокрасться в ее кабинет и он сможет прикинуться, будто все это время был там...

Но Катриона вернулась на кухню. Послышался шорох, вздох, шорох стал громче, когда содержимое коробки, судя по всему, высыпали в мусоропровод. Задвинули или отодвинули стул. Майлз чуть наклонился, чтобы незаметно выглянуть из-за балконной двери. Катриона сидела, закрыв лицо руками. Плачет? Смеется? Она потерла лицо, вскинула голову и встала, повернувшись к балкону.

Майлз быстро отпрянул, огляделся и плюхнулся на ближайший стул. Вытянув ноги, он театрально откинул голову и закрыл глаза. Может, имеет смысл захрапеть, или это уже перебор?

Ее шаги замерли. Бог мой, что, если она закроет дверь и запрет его здесь, как бродячего кота? И что тогда? Стучать в стекло или торчать здесь всю ночь? Будут ли его искать? Может, ему удастся отсюда спуститься и войти через парадную дверь? От этой мысли его передернуло. В принципе следующего припадка быть еще не должно, но кто знает? В этом-то и вся прелесть его конвульсий, что они непредсказуемы...

Снова раздались шаги. Майлз расслабил лицевые мышцы, затем сел, моргая и бурча. Катриона удивленно смотрела на него, ее осунувшееся лицо освещал льющийся с кухни свет.

– О! Госпожа Форсуассон! Должно быть, я устал больше, чем думал...

– Вы спали?

Его «да» превратилось в слабое «м-м». Майлз вспомнил, что обещал никогда не лгать ей. Он потерял шею:

– В этой позе меня бы паралич разбил.

Ее брови поползли вверх, и она скрестила руки на груди.

– Лорд Форкосиган! Вот уж не думала, что Имперские Аудиторы могут так увлиивать от прямого ответа.

– Что? Так плохо? – Майлз сел нормально и вздохнул. – Извините. Я вышел сюда полюбоваться видом и ничего такого не думал, когда услышал, как вошел Венье. Потом подумал, что речь пойдет о коробке, ну а потом было уже поздно объявлять о себе, не поставив всех в неловкое положение. Такая же скверная история, как та выходка с вашим коммом. Простите. Чистая случайность – и то, и другое. Вообще-то я не такой, правда.

Она склонила голову набок, на губах мелькнула ехидная улыбка.

– Какой? Непреодолимо любопытный и не признающий никаких социальных запретов? Да, вы такой. И это вовсе не результат подготовки в Имперской службе безопасности. Вы такой от природы. Неудивительно, что вы так хорошо там работали.

Это что, комплимент или оскорбление? Майлз так и не понял толком. Хорошо, плохо, хорошо-плохо-хорошо?.. Он встал, улыбнулся, вежливо пожелал ей спокойной ночи и позорно сбежал.

Глава 17

На следующее утро Катриона уехала из дома пораньше, чтобы встретить прибывающую с Барраяра тетю. Катер, перевозящий пассажиров с Комарры на скачковую станцию, стартовал с орбиты около полудня по солстисскому времени. Катриона с довольным и немного виноватым вздохом устроилась в отдельном купе.

Очень похоже на дядю Фортица – обеспечить ей такой комфорт. Он никогда ничего не делает наполовину. «Никаких искусственных ограничений!» Катриона почти слышала его радостный бас, хотя обычно это высказывание касалось десерта. Ну и что с того, что она, если встанет в середине купе, сможет коснуться обеих стен? Она все равно счастлива, что не придется тереться плечами с другими пассажирами в экономическом классе, хотя весь перелет от Комарры до станции занимает каких-то восемь часов. В прошлый раз она сидела между Тьеном и Никки все семь суток полета от Барраяра, и трудно было сказать, кто из них больше устал, включая и ее самое.

Прими она предложение Венье, ей не пришлось бы повторять этот утомительный путь. Плюс в его пользу, о котором Венни даже и не догадывался. И все. Она подумала о его предложении, и ее губы скривились при воспоминании об испытанных ею неловкости, веселом изумлении и неожиданной мгновенной вспышке ярости. С чего это Венье решил, что она доступна? Катриона полагала, что, опасаясь вспышек ревности со стороны Тьена, она уже давно истребила в своей манере держаться все призывные сигналы. Или она действительно выглядела настолько жалко, что даже робкий Венни смог вообразить себя ее спасителем? Если так, то это уж точно не его вина. Ни предложения Венье, ни грандиозные планы Форкосигана относительно ее будущего образования и работы не казались ей малопривлекательными. На самом деле они полностью соответствовали ее чаяниям, и все же... Казалось, оба внушали: «Ты сможешь стать настоящим человеком, но только если будешь играть по нашим правилам».

Почему я не могу быть настоящей такая, какая я есть?

Тьфу на все это! Она не позволит буре эмоций испортить ей наслаждение от неожиданно подаренного краткого мига одиночества. Достав дисковод, она поправила множество подушек и с удовольствием растянулась на койке. В такие моменты Катриона всегда размышляла, почему это одиночное заключение считается суровым наказанием? Это же так здорово, когда никто не может до тебя добраться! Наслаждаясь, она пошевелила пальцами ног.

Ей было немного стыдно из-за Никки, безжалостно оставленного у одного из одноклассников под предлогом, что ему не следует пропускать занятия. Если – как ей иногда казалось – она ничего особенного не делала дни напролет, то почему, когда уехала, ее повседневные дела обременили так много народа? Что-то тут не стыкуется. Хотя госпожа Форторрен, чей муж служил помощником представителя Имперского советника в Серифозе, желала от всей души помочь молодой вдове. И вряд ли Никки для нее большая обуза – у нее у самой четверо детей, которых она умудряется кормить, одевать и воспитывать в атмосфере всеобщего хаоса, которая нисколько не тревожила ее добродушное легкомыслие. Дети госпожи Форторрен быстро научились сами о себе заботиться, и разве это плохо? Просьбы Никки взять его с собой были пресечены в корне напоминанием, что у пилотов пассажирского катера существуют суровые правила, запрещающие пассажирам заходить в кабину, к тому же это вовсе не скачковый корабль. На самом же деле Катрионе просто хотелось немного побыть одной, а потом спокойно поговорить с тетей о своей жизни с Тьеном. Мысли вихрем клубились у нее в голове.

Когда катер стартовал, она едва почувствовала ускорение. Катриона вставила в дисковод дискету, порекомендованную консультантом по имущественному праву, и устроилась поудобней. Консультант подтвердил предположение Форкосигана, что долги Тьена обязывают одного лишь Тьена, и взять больше, чем лежит на его счету, не может никто. Значит, после десяти

лет брака она осталась ни с чем, с пустыми руками, как в самом начале. Если не считать приобретенного опыта... Катриона усмехнулась. Подумав, она решила, что лучше оставаться с пустыми руками, но без Тьена.

Диск был невероятно скучен, но в компенсацию у нее имелся еще диск об эскобарских водных садах, за который она и принялась, покончив с домашним заданием. Это правда, что у нее практически нет денег. И такое положение дел тоже надо менять. Знание, может быть, и не сила, но невежество – совершенно определенно слабость, как и бедность, впрочем. Уже давно пора перестать считать себя ребенком, а всех остальных – взрослыми. Один раз меня побили. Но второго раза не будет.

Катриона дочитала одну книгу и половину другой, прекрасно поспала два часа кряду без всяких помех, проснулась и привела себя в порядок к тому времени, как катер начал маневрировать у доков. Упаковав вещи в дорожную сумку, она повесила ее на плечо и вышла посмотреть в иллюминатор на станцию и п-в-туннель.

Станцию построили около века назад, когда исследователи п-в-туннелей нырнули в него и заново открыли Барраяр. Потерянную колонию нашли в конце сложного многоскачкового маршрута, совершенно отличного от того, каким в свое время впервые попали на Барраяр колонисты. Во время цетагандийского вторжения станция претерпела ряд изменений и была увеличена в размере. Комарра даровала гем-лордам право прохода через нее в обмен на огромные торговые концессии по всей Цетагандийской империи и за долю предполагаемых завоеваний Барраяра. Сделка, которая вышла Комарре боком. Затем последовал довольно спокойный период, пока барраярцы, прошедшие суровую школу цетагандийского вторжения, в свою очередь не обрушились на Комарру.

Под новым управлением Барраярской империи станцию снова расширили, превратив в беспорядочное сооружение для пяти тысяч живущих здесь работников, их семей и непрерывного потока пассажиров, и обслуживающее несколько сотен кораблей, совершающих рейсы на расположенный в тупике Барраяр. Сейчас здесь строили новый длинный причал, отходящий в сторону, как блестящая палка. Барраярская военная станция виднелась вдали – сверкающая точка, блокирующая невидимый взору пятимерный проход. Катриона видела полдюжины разных судов, курсирующих между гражданской станцией и п-в-туннелем, маневрирующих на подходе к доку или на выходе от него. И парочку каботажных грузовиков, перевозящих груз от одного п-в-туннеля к другому. Затем катер нырнул в док, и огромная станция заслонила вид.

Тоскливые таможенные формальности были проделаны еще на Комарре перед отлетом, поэтому пассажиры катера свободно сошли на станцию. Катриона сверилась с голокартой, жизненно необходимой в этом вавилонском столпотворении, и пошла забронировать номер в гостинице для себя и тети, а заодно и бросить там вещи. Номер – маленький, но тихий – прекрасно подойдет бедной тете Фортиц, чтобы оправиться после скачков и собраться с силами для дороги на Комарру. Катриона пожалела, что в свое время у нее самой по пути не было такого убежища. Сообразив, что последнее, что пожелает видеть госпожа профессор, это еда, Катриона предусмотрительно перекусила в ближайшем кафе и направилась в зал дожидаться швартовки корабля с Барраяра.

Примостившись на кресле, откуда были хорошо виды двери шлюза, она слегка пожалела, что не захватила с собой что-нибудь почитать на случай, если высадка пассажиров задержится. Но сама станция и ее обитатели и без того были вполне достойным развлечением. Куда летят все эти люди и зачем? Наибольший интерес представляли жители отдаленных частей галактики. Они здесь транзитом по делам, с дипломатическими миссиями, в поисках убежища, просто отдыхают? Катриона за всю свою жизнь видела лишь два мира. Увидит ли она когда-нибудь

другие? Два, напомнила она себе, это ровно в два раза больше, чем большинство людей. Не жадничай.

А сколько повидал Форкосиган?..

Мысли, пройдя круг, вернулись к ее личной катастрофе – жертва потопа перебирает остатки своего добра после отступления вод. Может быть, традиционно форский идеал брака и семьи противоречит женской душе, или же источником ее крушения является сам Тьен? Вряд ли ответ на этот вопрос можно получить с первой попытки, а брак – совсем не тот опыт, который хочется повторить. И все же тетя – живое доказательство того, что счастье в браке возможно. Она добилась общественного признания – тетя историк, учитель, преподает на четырех языках. И у нее трое взрослых детей, и брак ее пережил пятидесятилетний юбилей. Шла ли она на скрытые компромиссы? У нее солидное положение на ее профессиональном поприще. Могла ли она подняться еще выше? У нее трое детей. Могла ли она иметь шестерых?

Нам предстоит гонка, госпожа Форсуассон. Вы предпочитаете бежать с отрубленной левой ногой или правой?

Я хочу бежать на обеих ногах.

Тетя Фортиц бежала на двух ногах, и с большим достоинством. Катриона когда-то жила у тети дома и сомневалась, что идеализирует ее. Но ведь она замужем за дядей Фортицем. Карьера человека зависит лишь от его собственных усилий, а брак – это лотерея, и ты тянешь жребий в юности или ранней молодости, то есть в момент максимальной глупости и растерянности. Может, так и оно должно быть. Если люди станут слишком разборчивыми, то человечество запросто вымрет. Эволюция благоприятствует размножению, а не счастью.

Так как же тебя угораздило оказаться вовсе ни с чем?

Катриона хмыкнула от отвращения к самой себе, но тут двери шлюза открылись и оттуда полился людской поток. Большая часть толпы уже прошла, когда Катриона углядела низенькую женщину, которая с трудом переставляла ноги, опираясь на руку корабельного стюарда. Он помог ей выйти из шлюза и вручил трос от летучей платформы с багажом. Катриона, улыбнувшись, устремилась навстречу женщине. Тетя выглядела несколько помятой, ее длинные седые волосы выбились из пучка и свисали на лицо, утратившее обычный румянец и приобретшее зеленовато-серый оттенок. Ее болеро и юбка до щиколоток измялись, а расшитые дорожные сапоги забавно торчали на куче багажа. На тетиных ногах красовались домашние тапочки.

Тетя Фортиц рухнула в объятия Катрионы:

– Ох! Как же я рада тебя видеть!

Катриона взглядела в ее лицо:

– Поездка была очень тяжелой?

– Пять скачков! – мрачно сообщила тетя Фортиц. – Да еще корабль попался такой пустой, что не успеваешь прийти в себя между скачками. Радуйся, что ты из числа счастливчиков.

– Меня тоже мутит, – утешила ее Катриона, исходя из теории, что несчастье любит компанию. – Это проходит примерно через полчаса. А вот Никки у нас счастливчик, на него это, судя по всему, вообще никакого воздействия не оказывает. – Тьен обычно скрывал свои симптомы под маской ворчливости. Боялся показать то, что он воспринимал как слабость. Может, ей следовало... Теперь это все не важно. Забудь. – Я поселилась в симпатичной маленькой комнате, где вы отдохнете. Там мы сможем попить чаю.

– Чудесно, дорогая.

– А что это ваш багаж летит, а вы идете пешком? – весело спросила Катриона, быстро переложив две сумки на платформе и выдвинув маленькое сиденье. – Садитесь, а я вас повезу.

– Если только это не укачивает. Помимо всего прочего, от этих скачков у меня отекают ноги.

Катриона помогла тете сесть, убедилась, что та устроилась надежно, и медленно пошла, ведя за собой платформу.

– Я приношу свои извинения за то, что дядя Фортиц потащил вас сюда из-за меня. Я ведь собираюсь здесь пробыть еще всего несколько недель.

– Я в любом случае собиралась приехать, если его расследование затянется. А оно, судя по всему, идет не так быстро, как он рассчитывал.

– Ну... да. Я расскажу вам все жуткие подробности в номере.

Коридоры станции были не самым подходящим местом для обсуждения государственных тайн.

– Хорошо, дорогая. А ты прекрасно выглядишь, очень по-комаррски.

Катриона глянула на свой пиджак и бежевые брюки.

– Я обнаружила, что комаррская одежда очень удобна, отчасти потому, что позволяет мне сливаться с толпой.

– Когда-нибудь я прослежу, чтобы ты оделась так, чтобы выделяться из толпы.

– Не сегодня, надеюсь.

– Нет, по всей вероятности, не сегодня. Ты собираешься выдерживать эту традиционную чушь насчет траура, когда вернешься домой?

– Да, мне кажется, что это очень даже неплохая традиция. Это избавит меня от... от необходимости решать массу проблем, с которыми я не хочу сейчас связываться.

– Понимаю. – Несмотря на морскую болезнь, тетя Фортиц с интересом оглядывалась по сторонам и уже начала рассказывать Катрионе о ее кузенах.

У тети уже внуки, думала Катриона, а она по-прежнему выглядит как женщина средних лет, вовсе не как старуха. В Период Изоляции барраярская женщина уже в сорок пять была старухой, ожидающей прихода смерти, – если вообще доживала до этого возраста. За последнее столетие продолжительность жизни женщин на Барраяре увеличилась вдвое и неуклонно приближалась к тройной порции, столь обычной для других, бетанцев, например. Может, ранняя смерть матери дает ей неверное представление о времени и своевременности? У меня по сравнению с моими предшественницами две жизни. Две жизни, чтобы осуществить двойную цель. Если бы их можно было растащить во времени, а не нагромождать одну на другую... А появление на Барраяре маточного репликатора тоже все изменило, и очень сильно. Зачем она потеряла целое десятилетие, пытаясь играть по древним правилам? Хотя десять лет для двадцатилетки – это не одно и то же, что десять лет для девяностолетнего человека. Надо об этом подумать как следует...

По мере того как они удалялись от шлюзов, толпа редела, пока наконец не рассосалась совсем. На станции ритм был не такой сумасшедший, как в доках, где все носилось как оглашенные, загружая и разгружая корабли со страшной скоростью, потому что время – деньги; корабли опаздывали, и все это вертелось не всегда в соответствии с временем по Солстисскому меридиану, которого придерживались в локальном пространстве Комарры.

Катриона свернула в узкий служебный коридор, обнаруженный ею ранее и сокращающий путь к гостинице. В одном из киосков пекли традиционный барраярский хлеб и специально выставляли противни в виде рекламы. Катриона чужла запах дрожжей, кардамона и горячего кленового сиропа. Это сочетание напоминало о Зимнепразднике, и ее вдруг захлестнула волна ностальгии.

По пустынному коридору к ним шел мужчина в неприметном комбинезоне докера. Светящийся логотип на кармане гласил: «Транспортная компания Южного порта». Он нес две большие сумки, наполненные коробочками с едой. Мужчина резко остановился и ошарашенно уставился на Катриону, а она – на него. Это был инженер отдела использования избыточного тепла, Ароцци.

К сожалению, он тоже ее мгновенно узнал.

– Госпожа Форсуассон! – И гораздо тише: – Вот уж не думал вас тут встретить! – Он затравленно огляделся. – Администратор с вами?

Катриона как раз обдумывала, не сказать ли «мне очень жаль, но я вас, кажется, не знаю», спокойно прошествовать мимо, уйти, не оглядываясь, свернуть за угол и помчаться к ближайшему коммуну экстренной связи. Но Ароцци бросил сумки и выхватил парализатор как раз в тот момент, когда она начала:

– Мне очень жаль...

– Мне тоже, – совершенно искренне ответил он и выстрелил.

Катриона открыла глаза и увидела перед собой потолок коридора. Все тело покалывало, и оно отказывалось двигаться. Язык, казалось, распух и с трудом помещался во рту.

– Не вынуждайте меня стрелять в вас, – умоляюще говорил кому-то Ароцци. – Потому что ведь выстрелю.

– Верю, – раздался тихий голос тети Фортиц прямо над ухом Катрионы.

Она поняла, что полулежит на платформе, опершись в тетину грудь, а ноги беспомощно болтаются на багаже. Рука тети сжимала ей плечо. Ароцци, нервно озираясь, положил сумки Катрионе на ноги, взял тросик платформы и поспешил по коридору со всей быстротой, на которую был способен. За ним, поскрипывая, скользила перегруженная летучая платформа.

Помогите! Мысленно кричала Катриона, когда они проходили мимо женщины в форме обслуживающего персонала. Меня похищает комаррский террорист. Но вместо крика у нее вырвался лишь стон. Женщина на них даже не посмотрела. Не было ничего необычного в том, что двух страдающих морской болезнью пассажиров доставляют на пересадку, или в гостиницу, или в пункт «скорой помощи». Или в морг... Сильный удар парализатора, как в свое время объяснили Катрионе, вырубает человека на несколько часов. Должно быть, в нее стреляли слабым зарядом. В виде одолжения? Она не чувствовала ни рук, ни ног, но ощущала, как тяжелыми ударами бьется сердце, подстегнутое страхом, ведущим бесполезную борьбу с ее отключенной периферической нервной системой.

Они куда-то сворачивали, спускались, снова поднимались. Интересно, голокарта еще у нее в кармане? Они покинули пассажирские отсеки и попали на служебные уровни, предназначенные для погрузки и ремонта кораблей. Наконец они подошли к двери с вывеской «Транспортная компания Южного порта», как и на комбинезоне Ароцци. Надпись красными буквами гласила «Вход только для персонала». Ароцци провез их еще через несколько дверей и потащил вниз на широкий загрузочный причал. Здесь было прохладно, пахло маслом, озоном и пластмассой. Похоже, они находились у внешней стены станции. Катриона вспомнила, что видела прежде логотип Южного порта. Одна из крошечных локальных грузовых компаний, подбирающих остатки за гигантскими фирмами комаррских олигархов.

Высокий крупный мужчина, тоже в рабочем комбинезоне, подбежал к ним. Его шаги эхом разносились по причалу. Это был доктор Судха.

– Наконец-то ужин, – начал он и тут увидел летучую платформу. – Кой черт... Роц, что это? Госпожа Форсуассон!

Он ошарашенно уставился на Катриону. Та посмотрела на него с мрачной ненавистью.

– Я налетел на нее, когда возвращался с ужином, – объяснил Ароцци, опуская платформу на землю. – Я ничего не мог поделать. Она узнала меня. Не мог же я дать ей сбежать и сообщить о нас. Так что я оглушил ее из парализатора и приволок сюда.

– Роц, ты идиот! Только заложников нам тут и не хватало! Ее наверняка начнут искать, и очень скоро!

– У меня не было выбора!

– А кто эта пожилая дама? – Судха вежливо поприветствовал госпожу Фортиц торопливым кивком.

– Элен Фортиц, – представилась она.

– Вы, часом, не жена ли лорда Аудитора Фортица?

– Да. – Голос тети Фортиц звучал холодно и ровно, но Катриона чувствовала, что та едва заметно дрожит.

Судха тихо выругался.

Катриона судорожно сглотнула, облизнула спекшиеся губы и попыталась сесть. Ароцци взял свои сумки, затем несколько запоздало снова достал парализатор. Из-за кучи оборудования появилась женщина, привлеченная громкими голосами. Средних лет, с кудрявыми светлыми волосами с проседью. На ней тоже был комбинезон транспортной компании. Катриона узнала Лену Фоскол, бухгалтера.

– Катриона, – прошелестела тетя Фортиц. – Кто это люди? Ты их знаешь?

– Это преступники, укравшие огромные деньги из бюджета Проекта Терраформирования и убившие Тьена, – громко, хоть и хрипло ответила Катриона.

– Что?! – изумленно воскликнула Фоскол. – Ничего подобного мы не делали! Он был жив-здоров, когда я его там оставила!

– Оставили прикованным к перилам с полупустым кислородным баллоном, который вам не пришлось в голову проверить! А потом они позвонили мне, чтобы я приехала за ним. На полтора часа позже, чем было нужно! – ядовито выплюнула Катриона. – Блестящая мизансцена, сударыня! Безумный император Ури высоко оценил бы такой артистизм.

– Ох! – выдохнула Фоскол. Она позеленела. – Это правда? Вы лжете! Никто не пойдет наружу с пустым баллоном!

– Вы знали Тьена, – отрезала Катриона. – Так как?

Фоскол умолкла.

Судха побледнел.

– Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Если это действительно произошло, то это случайность. Мы не собирались его убивать, совсем наоборот, клянусь.

Катриона сжала губы в ниточку и не произнесла ни слова. Теперь, когда она сидела, свесив ноги, она лучше видела грузовой причал. Тридцати метров шириной и двадцати глубиной, прочный, с металлическими поручнями и переходами и застекленной диспетчерской в противоположном конце. Вокруг какого-то огромного аппарата, стоявшего в центре помещения, валялось разнообразное оборудование. Главная часть аппарата походила на воронку, сделанную из какого-то темного полированного материала – металла? стекла? – установленную на платформе с толстыми подпорками. А к узкому концу присоединено множество кабелей и проводов. Диаметр этой штуки вдвое превышал рост Катрионы. То самое «секретное оружие», которое вычислил лорд Форкосиган?

Но как они протащили все это, да и себя самих через облаву, устроенную службой безопасности? СБ наверняка обшаривала каждый катер, покидающий поверхность планеты. Да, но только в последние несколько дней, сообразила Катриона. А эту штуку могли сюда притащить несколько недель назад, до облавы. И служба безопасности скорее всего сконцентрировала свое внимание на скачковых кораблях и их пассажирах, а не на фрахтовиках каботажных рейсов. У заговорщиков Судхи были годы, чтобы подготовить себе фальшивые документы. Ведут они себя так, будто это место им принадлежит. Возможно, так оно и есть.

Фоскол наконец заговорила. Ее губы были поджаты не меньше, чем у самой Катрионы.

– Мы не убийцы. В отличие от вас, барраярцев.

– Я в жизни никого не убила! А для не-убийц числящееся за вами количество трупов становится довольно впечатляющим, – огрызнулась Катриона. – Не знаю, что случилось с Радовашем и Трогир, но как насчет тех шестерых несчастных на отражателе и пилота рудовоза? И Тьена? Получается как минимум восемь. А может, и десять.

А может стать и двенадцать, если я не поостережусь.

– Я была студенткой Солстисского университета во время Восстания! – рявкнула Фоскол, явно выбитая из колеи известием о Тьене. – И видела, как моих друзей и однокашников рас-

стреливали на улицах во время волнений. И помню тотальную газовую атаку в куполе «Зеленый Парк». Как смеете вы, барраярка, сидеть тут и обвинять меня в убийстве!

– Во время Комаррского восстания мне было пять лет, – осторожно ответила Катриона. – И что я, по-вашему, могла сделать, а?

– А если вы хотите вдаваться в исторический экскурс, – сухо заметила тетя Фортиц, – то это именно вы, комаррцы, позволили цетагандийцам обрушиться на нас. Прежде чем погиб первый комаррец, погибло пять миллионов барраярцев. Так что в оплакивании павших комаррцам не выиграть никогда.

– Но это было давно, – несколько растерянно возразила Фоскол.

– А! Я поняла. Значит, разница между преступником и героем лишь в очередности, в какой их деяния были совершены, – с фальшивой сердечностью ответила госпожа профессор истории. – И им воздается в зависимости от даты. В таком случае вам лучше поторопиться. Вы же не хотите, чтобы ваш героизм пропал втуне?

Фоскол гордо выпрямилась.

– Мы не собираемся никого убивать. Все мы видели бесполезность такого рода героики еще двадцать пять лет назад.

– Значит, события развиваются не совсем по плану, а? – пробормотала Катриона, растирая лицо. Онемение постепенно начало проходить. Жаль, что то же самое нельзя сказать о ее мозгах. – Как я заметила, вы не отрицаете, что вы воры.

– Мы просто вернули кое-что из того, что нам принадлежит, – оскалилась Фоскол.

– От средств, вбухиваемых в терраформирование Комарры, прямой прибыли Барраяру нет. Вы обокрали ваших собственных правнуков.

– Все, что мы взяли, мы взяли для таких инвестиций Комарре, которые принесут неоценимую пользу нашим будущим поколениям, – не осталась в долгу Фоскол.

Неужели слова Катрионы ее задели? Все возможно. Судха выглядел так, будто о чем-то серьезно размышлял, поглядывая при этом на обеих барраярок.

Надо втянуть их в спор, подумала Катриона. Люди не могут одновременно думать и спорить. Ну, во всяком случае, большинство. Если ей удастся заставить их продолжать разговор, пока она хоть немного оправится от парализатора, она сможет... Что, собственно? На глаза буквально в десяти шагах от нее попала кнопка пожарной тревоги. Тревога, ложная тревога наверняка привлечет внимание администрации к Южной транспортной компании... Успеет Ароцци снова оглушить ее за те десять шагов, что ей надо преодолеть? Катриона откинулась на ноги тети, стараясь казаться как можно более слабой, и обвила рукой ее лодыжку, как бы в поисках поддержки. Новый агрегат таинственно возвышался в центре зала.

– Так что же вы намерены делать? – саркастически спросила она. – Перекрыть п-в-туннель и отрезать нас от остальной галактики? Или вы собираетесь... – Она осеклась, потому что после ее слов повисло гробовое молчание. Она уставилась на троих комаррцев, в ужасе глядевших на нее. Внезапно осевшим голосом Катриона произнесла: – Вы не можете этого сделать. Не так ли?

Существовали определенные военные способы временно закрыть п-в-туннели, взрывая корабль в центре прохода, жертвуя при этом и кораблем, и пилотом. Но довольно быстро туннель снова открывался. Нуль-переходы открываются и закрываются, это так, но они ведь образования вроде звезд, и до сих пор воздействие на них лежало за пределами человеческих возможностей.

– Вы не сможете этого сделать, – решительно повторила Катриона. – Какой бы дисбаланс вы там ни устроили, рано или поздно туннель снова станет проходным, и тогда прошлые неприятности покажутся вам цветочками.

Если только заговор Судхи не верхняя часть айсберга. А за всем этим стоит некий глобальный план, когда против Барраяра поднимется вся Комарра в новом Комаррском восстании.

Опять война, опять кровь под стеклом – может, купола Комарры и вызывают у нее клаустрофобию, но одна лишь мысль, что ее комаррские соседи погибнут в очередном раунде бесконечной войны, вызывал у нее приступ тошноты. Барраярам Восстание тоже принесло мало хорошего. Если военные действия начнутся и продлятся достаточно долго, то Никки успеет вырасти и его они тоже поглотят... – Вы не сможете держать его закрытым. Не здесь. Вы беззащитны.

– Сможем и сделаем, – решительно отрубил Судха.

Карие глаза Фоскол загорелись.

– Мы закроем п-в-туннель навсегда! И отделаемся от Барраяра навечно без единого выстрела. Совершенно бескровная революция, и они ничего не смогут с этим поделать.

Сердце Катрионы бешено колотилось. Сглотнув, она с усилием заговорила:

– Вы собираетесь закрыть п-в-туннель к Барраяру, когда Мясник Комарры и три четверти базирующегося в космосе барраярского военного флота находятся на этой стороне, и при этом серьезно полагаете, будто это будет бескровная революция? А как насчет людей на Зергияре? Вы идиоты!

– Изначальный план состоял в том, – напряженно заговорил Судха, – чтобы нанести удар во время императорской свадьбы, когда Мясник Комарры и три четверти барраярского флота были бы на орбите Барраяра.

– А также огромное количество ни в чем не повинных дипломатов со всей галактики. И между прочим, немало комаррцев!

– Не могу придумать лучшей судьбы для всех этих коллаборационистов, – желчно бросила Фоскол, – чем оказаться блокированными с их любимыми барраярскими друзьями. Старые фор-лорды не устают повторять, насколько было лучше в Период Изоляции. Так что мы лишь исполняем их желание.

Катриона сдвинула лодыжку тети и медленно встала. И покачнулась, пожалев, что ее неустойчивость действительно не уловка, чтобы ослабить настороженность комаррцев.

– В Период Изоляции, – заговорила она со жгучей ненавистью, – к сорока годам я была бы уже мертва. В Период Изоляции моей обязанностью было бы перерезать глотку мои детям-мутантам под наблюдением родственниц. Так что могу гарантировать, что как минимум половина населения Барраяра не согласна со старыми фор-лордами, и среди этих несогласных – почти все старые фор-леди. А вы собираетесь снова обречь нас на все это и при этом смеете называть это бескровным!

– Тогда считайте, что вам повезло, ежели вы на комаррской стороне туннеля, – холодно отрезал Судха. – Пошли, ребята, работа ждет. А времени остается все меньше. С этого момента сон отменяется. Лена, иди разбуди Каппеля. И еще нам надо придумать, куда упрятать этих дам.

Похоже, комаррцы уже не собираются дожидаться свадьбы императора. Как скоро смогут они запустить свой агрегат? Судя по всему, довольно скоро, раз даже появление двух нежеланных заложников их не остановило.

Тетя Фортиц попыталась сесть прямо. Ароцци перевел взгляд на сумки с едой, остывающей у его ног. Пора!

Отшвырнув в сторону Ароцци, Катриона ринулась вперед. Комаррец развернулся было, чтобы броситься за ней, но синий сапог, снайперски запущенный ему в висок тетей Фортиц, задержал атаку. Судха и Фоскол припустили за Катрионой, и все же она успела добежать до панели и, рванув рукоятку сигнала тревоги, повиснуть на ней прежде, чем луч парализатора Ароцци настиг ее. Руки Катрионы разжались, и она упала. Перед тем как отключиться, она еще успела услышать первые звуки сирены.

Катриона открыла глаза и увидела профиль тети. Она поняла, что лежит, опустив голову ей на колени. Моргнув, она попыталась облизнуть губы. Все тело колело и ломилось. Накатила

волна дурноты, и она попыталась отвернуть голову в сторону. Но после судорожных спазмов ее все же не вырвало. Сплюнув желчь, Катриона перекатилась обратно.

– Мы спасены? – промямлила она. Вообще-то на спасенных они с тетей как-то не походили. Судя по всему, они сидели на полу крошечной уборной, холодном и жестком.

– Нет, – с отвращением в голосе ответила госпожа профессор. Лицо ее было напряженным и усталым, красные ссадины украшали лицо и шею. Волосы растрепались. – Они сунули мне кляп и перетащили нас за ту штуковину. Пожарные прискакали как миленькие, но Судха отбрехался. Заявил, что Ароцци случайно упал и зацепился за рукоятку, и согласился заплатить штраф за ложную тревогу. Я пыталась шуметь, но без толку. А потом они заперли нас здесь.

– Ох! Тьфу! – высказалась Катриона. Может, она и чопорна, но более крепкие выражения казались несколько неуместны.

– Вот именно, дорогая. Хотя попытка была неплохой. Какое-то время я думала, что все получится, как и твои комаррцы, впрочем. Они очень расстроились.

– В следующий раз будет трудней.

– Скорее всего, – согласилась тетя. – Нам нужно хорошенько все обдумать. Вряд ли стоит рассчитывать, что представится и третий шанс. Жестокость им, по-моему, не очень свойственна, но сейчас они сильно нервничают. Не думаю, что они не представляют для нас опасности, хотя и знают тебя. Когда, по-твоему, нас начнут искать?

– Не очень скоро, – с сожалением ответила Катриона. – Я отправила послание дяде Фортицу сразу, как добралась до гостиницы. Не думаю, что он ждет следующего, и поиски начнутся не раньше, чем завтра, когда нас не окажется на рейсовом катере.

– И тогда кое-что случится, – заявила тетя. Но ее уверенный тон несколько увял, когда она добавила. – Наверняка.

Да, но что произойдет между сейчас и тогда?

– Да, – отозвалась Катриона. Она оглядела запертое помещение туалета. – Наверняка.

Глава 18

Затребованные профессором Фортицем эксперты должны были прибыть в Серифозу как раз тогда, когда Катриона улетела на станцию, так что Майлзу удалось присутствовать при том, что иначе было бы семейным прощанием. Вчерашний визит Венье Катриона с дядей обсуждать не стала, и Майлзу не представилась возможность уговорить ее не принимать брачных предложений от чужаков, пока она на Комарре. Профессор нагрузил Катриону словесным посланием жене и крепко обнял на прощание. Майлз стоял, спрятав руки в карманы, и лишь кивком пожелал ей счастливого пути.

Коммерческий рейс из Солстиса, который Майлз мысленно обозвал «Экспресс мудрецов», приземлился вскоре после отлета Катрионы. Эксперт по пятимерной математике, доктор Рива, оказалась стройной миловидной женщиной лет пятидесяти – смуглая, с блестящими черными глазами и очень улыбчивая. Сопровождавший ее полный юноша с пшеничного цвета шевелюрой, которого Майлз сначала принял за студента-выпускника, оказался профессором математики доктором Юэллом.

Мощный аэрокар службы безопасности доставил их прямиком на опытную станцию. По прибытии профессор отвел всех в свой кабинет, где за ночь, кажется, еще прибавилось коммов, распечаток и деталей на столах. Ко всеобщему – кроме Майлза – неудовольствию, майор Имперской безопасности Дэмори заставил обоих комаррских консультантов принести официальную присягу верности и неразглашения. Впрочем, Майлз полагал, что клятва верности несколько излишня, поскольку никто из них не смог бы занять нынешний академический пост, не присягнув сначала на верность. А что касается неразглашения... Майлз размышлял, заметил ли кто-то из комаррцев, что покинуть станцию можно только на флайерах службы безопасности?

Они впятером уселись, чтобы выслушать лекцию лорда Аудитора Фортица – нечто среднее между военной пятиминуткой и академическим семинаром с тенденцией сползания к последнему. Майлз не знал точно, в каком качестве присутствует майор Дэмори: как наблюдатель или как участник. Но ведь и сам Майлз мог мало что сказать, кроме как подтвердить по просьбе профессора некоторые результаты аутопсии. Майлз в очередной раз задумался, не принесет ли он больше пользы где-нибудь в другом месте, например, в обществе оперативников. Вряд ли там он сможет быть более бесполезен, чем здесь, мрачно размышлял он, слушая дикие математические выкладки. Когда вы, ребята, соберете в кучку все эти красивые картинки на комме, то покажите мне результат. Люблю книжки с картинками. Может, ему стоит на пару лет вернуться в школу освежить познания? Оставалось утешаться тем, что ему крайне редко удавалось оказываться в компании, где он чувствовал себя таким идиотом. Должен же быть хоть какой-то бальзам на душу...

– Энергия, которая попадает в – думаю, можно назвать это рогом двигателя Неклина, – переменная. Совершенно определенно переменная, – говорил Фортиц комаррцам. – Узконаправленная, высокочастотная и управляемая.

– Очень странно... – протянула доктор Рива. – Скачковые двигатели работают на постоянной энергии. Вообще-то их первоочередная задача – избежать нежелательных флуктуаций. Давайте попробуем поиграть с разными гипотезами...

Майлз встрепенулся и придвинулся ближе, когда разнообразные теории стали принимать на экране видимое трехмерное очертание. Профессор Фортиц задал граничные условия. Да, мудрецы и впрямь состряпали весьма недурственные картинки, но за исключением разницы в цветовой гамме никаких других отличий между ними Майлз не заметил.

– А что произойдет, если что-то окажется прямо на пути этих пятимерных пульсаций, которые генерирует эта штука? – спросил он наконец. – На разном расстоянии. Или если мимо пролетит рудовоз?

– Практически ничего, – ответила доктор Рива, глядя на вращающиеся перед ней картинки. – Не думаю, что на клеточном уровне для вас окажется полезным пребывание в непосредственной близости с генератором такой мощности, но ведь это, в конце концов, пятимерный импульс. Все трехмерные предметы в пучке несколько расфокусируются и, безусловно, получают гравитационный удар. Искусственная гравитация – это свертка по двум измерениям пятимерного энергетического импульса на трехмерный континуум. Ваши военные гравидеструкторы, к примеру, построены именно на таком принципе.

Дэмори заерзал. Но пытаться удержать в тайне от специалиста по пятимерной математике принцип действия гравидеструктора так же бесполезно, как пытаться утаить от крестьянина секреты погоды. Лучшее, на что могут рассчитывать военные, это на некоторое время удержать в секрете технические подробности.

– А может быть такое... я не знаю... что мы смотрим на половину этого оружия?

Рива пожала плечами – скорее заинтересованно, чем раздраженно, – и Майлз понадеялся, что вопрос может оказаться и не таким уж и глупым.

– А вы точно уверены, что это вообще оружие? – спросила она.

– В подтверждение тому у нас есть несколько ну очень мертвых людей, – сообщил Майлз.

– Для этого, увы, оружие совсем не обязательно, – вздохнул профессор Фортиц. – Неосторожность, глупость, поспешность и невежество имеют не менее разрушительную силу. Хотя вынужден признаться, что намеренное убийство мне особо претит. Очень... неконструктивно.

Доктор Рива улыбнулась.

– Итак, – продолжил Фортиц, – я хочу узнать, что произойдет, если нацелить его на п-в-туннель или, возможно, активировать его во время скачка. При этом необходимо учесть воздействие Неклиновского поля, внутри которого он будет двигаться.

– М-м-м, – протянула Рива. И они с пшеничноголовым юнцом перешли на математический сленг, выстраивая на экране какие-то новые картинки. Первый вариант был ими дружно отброшен с бормотанием «это неверно». Еще пару тоже отмели. Наконец Рива выпрямилась и взъерошила свои короткие волосы.

– Нет никакой возможности взять это домой и подумать?

– А! – воскликнул Фортиц. – Боюсь, что вчера по комму я несколько неточно выразился. Дело в том, что все это срочно. У нас есть повод подозревать, что времени практически не осталось. Так что будем сидеть здесь, пока не додумаемся. Никакие данные за пределы этого здания не выйдут.

– Как, а ужин на вершине купола «Серифоза»? – огорченно спросил Юэлл.

– Не сегодня, – извинился Фортиц. – Пока действительно не придумаем что-то путное. Еда и постель – за счет императора.

Рива оглядела комнату.

– Значит, снова гостиница а-ля Имперская безопасность? Спальные мешки и армейский паек?

Профессор смущенно улыбнулся:

– Боюсь, что так.

– Мне следовало об этом помнить с предыдущего раза... Что ж, это тоже своего рода стимул. Юэлл, хватит пока играть с коммом. Что-то не так. Мне нужно пройтись.

– Коридор в вашем распоряжении, – сердечно предложил ей профессор Фортиц. – Вы привезли свои кроссовки?

– Конечно. Это я с предыдущего раза запомнила. – Она вытянула ноги, продемонстрировав удобные мягкие кроссовки, и встала, собираясь выйти в коридор. Там она принялась ходить туда-сюда, что-то бормоча себе под нос.

– Рива говорит, что ей на ходу лучше думается, – объяснил Майлзу Фортиц. – Он считает, что так кровь лучше поступает в мозг. А по-моему, когда она так расхаживает, к ней просто никто не пристаёт и не отвлекает.

Родная душа, Бог ты мой!

– Можно мне посмотреть?

– Да, только, пожалуйста, не разговаривай с ней. Если, конечно, она сама с тобой не заговорит.

Фортиц с Юэллом вернулись к коммам. Профессор, судя по всему, пытался переделать гипотетический источник энергии агрегата. Майлз точно не понял, но Юэлл, кажется, играл в какую-то математическую видеоигру. Майлз откинулся на стуле и уставился в окно, предавшись размышлениям.

Допустим, я – комаррский заговорщик, у которого на руках новаторский агрегат размером с пару слонов, при этом у меня на хвосте висит служба безопасности. Куда бы я его спрятал?

Уж наверняка не в багаже. Майлз начал записывать возникающие идеи на распечатке, вычеркивая одну за другой. Дэмори поочередно наблюдал за работой профессора и просматривал модели.

Примерно через сорок пять минут Майлз осознал, что звук шагов в коридоре стих. Он встал и высунул голову в дверь. Доктор Рива сидела на подоконнике в конце коридора и задумчиво изучала комаррский ландшафт. Отсюда виднелась речушка, и пейзаж был не таким мрачным, как везде, поскольку здесь весело зеленела травка. Майлз осмелился подойти.

Она с улыбкой посмотрела на него. Майлз улыбнулся в ответ. Присев рядом, он проследил за ее взглядом в окно, затем принялся изучать профиль женщины.

– Итак, – нарушил он наконец молчание, – о чем вы думаете?

Ее губы искривились в смущенной улыбке.

– Я думаю... что не верю в вечный двигатель.

– А! – Ну что же, если бы это было просто или хотя бы средней степени сложности, профессор не призвал бы подмогу, решил Майлз. – Хм-м.

Она перевела взгляд с панорамы за окном на Майлза и чуть погодя спросила:

– Значит, вы действительно сын Мясника?

– Я сын Эйрела Форкосигана, – ровно ответил Майлз. – Да.

Ее вариант вечного вопроса не был случайным промахом, как у Тьена, не был он и специальной провокацией, как у Венье. Он казался более... научным. Так что она проверяет?

– Иногда частная жизнь могущественных людей не такая, как мы думаем.

– У людей странные иллюзии по поводу власти, – гордо вскинул голову Майлз. – В основном власть состоит из умения организовать парад и исхитриться встать во главе его. Как красноречие она состоит в том, чтобы убедить людей в том, во что они отчаянно хотят верить. Демагогия, полагаю, то же красноречие, только на более низком энергетическом уровне. – Он вяло улыбнулся, изучая взглядом носки сапог. – А толкать людей в гору чертовски более трудное занятие. Можно и сердце надорвать.

Причем буквально. Но Майлз не собирался посвящать комаррианку в подробности медицинской карты Мясника.

– Мне дали понять, что власть вас сожрала.

Видеть шрамы под его костюмом она точно не могла.

– О! – пожал плечами Майлз. – Пренатальные повреждения были лишь прологом. Остальное я сделал с собой сам.

– Если бы вы могли вернуться во времени и что-то изменить, вы бы изменили?

– Предотвратил бы солтоксировую атаку на мою мать? Если бы я мог изменить что-то... скорее всего нет.

– Почему? Потому что не хотели бы рисковать возможностью стать Аудитором в тридцать лет? – Ее псевдоиздевательский тон смягчала застенчивая улыбка. Кой черт ей нарасказывал о нем Фортиц? Однако она прекрасно знала, что такое власть Голоса императора.

– Я чуть было не прибыл к своему тридцатилетию в гробу. И никогда не стремился стать Аудитором. Это назначение – каприз Грегора. Я хотел стать адмиралом. Дело не в этом. – Помолчав, Майлз медленно продолжил: – Я за свою жизнь наделал множество серьезных ошибок, но... я не хотел бы ничего менять. Я боюсь сделать себя меньше.

Рива склонила голову, оглядывая его нескладную фигуру. Но смысл сказанного она поняла прекрасно.

– Самое честное определение удовлетворения, которое мне когда-либо доводилось слышать.

– Или потеря выдержки, – пожал плечами Майлз. Черт подери, он ведь пришел сюда прощупать ее мозги!

– Так что вы думаете об этом агрегате?

Она поморщилась и медленно потерла руки.

– Если вы не считаете, что его сделали, чтобы создать головную боль физикам, то я думаю... что пора перекусить.

– Это мы можем обеспечить, – ухмыльнулся Майлз.

Обед, как и предвидела доктор Рива, состоял из армейского пайка, хотя и высочайшего качества. Они расселись вокруг круглого стола в длинной комнате, отодвинув в сторону загромождавшие его детали, и раскрыли пайки. Комаррцы с сомнением смотрели на еду. Объяснения Майлза, насколько она могла быть хуже, вызвали смешок у Ривы. Разговор принял общий характер: о мужьях, женах, детях, пошел обмен анекдотами о бывших коллегах, и так далее, и тому подобное. Дэмори рассказал пару неплохих историй из старых дел Имперской безопасности. Майлз собрался было сразить всех наповал хохмами о кузене Айвене, но благородно удержался и рассказал, как сам когда-то умудрился утопить вездеход и себя самого в арктической грязи. Что привело к обсуждению вопроса, как развивается терраформирование Комарры, и постепенно беседа снова вернулась к насущным проблемам. Рива, как заметил Майлз, становилась все тише и тише.

Она хранила молчание и когда они вернулись после обеда к коммам. Выхаживать по коридору она больше не стала. Майлз исподтишка наблюдал за ней, потом стал наблюдать открыто. Доктор Рива еще раз просмотрела несколько моделей, но новых вариантов больше не предлагала. Майлз прекрасно знал, что нельзя торопиться. Такого рода решение проблемы больше походило на рыбалку, чем на охоту: терпеливо ждешь, причем в какой-то момент совершенно беспомощно, пока из глубин мозга не начнет что-то всплывать.

Майлз вспомнил свою последнюю рыбалку.

Он прикинул, сколько Риве может быть лет. Когда Барраяр завоевал Комарру, она была подростком. А на период ее юности пришлось Комаррское восстание. Она выжила, вынесла и стала сотрудничать с барраярцами. Годы ее жизни под имперским правлением были хорошими, включая и удачную профессиональную карьеру, и прочный брак. Она сравнивала своих детей с детьми Фортица и рассказала о скорой свадьбе старшей дочери. Рива точно не комаррская террористка.

Если бы вы могли вернуться во времени и что-то изменить...

Единственный момент, когда ты можешь что-то изменить, это сейчас, и это «сейчас» течет сквозь пальцы со скоростью мысли. Интересно, а не думает ли она тоже об этом «сейчас». Сейчас.

Сейчас барраярский корабль, на котором летит госпожа Фортиц, уже готов к последнему скачку. Сейчас катер Катрионы приближается к пересадочной станции. Сейчас Судха со своей командой преданных инженеров делает... Что? Где? Сейчас он сам сидит в комнате на Комарре и смотрит на очень умную комаррскую женщину, которая перестала думать.

Майлз встал и тронул майора Дэмори за затылок в зеленый мундир плечо.

– Майор, можно вас на пару слов?

Дэмори удивленно выключил комм, где проверял по поручению Фортица какие-то детали, и последовал за Майлзом в коридор.

– Майор, у вас есть здесь набор для допроса с суперпентоталом?

Брови майора поползли вверх.

– Могу уточнить, милорд.

– Давайте. Возьмите один и принесите мне.

– Слушаюсь, милорд.

Дэмори ушел. Майлз подошел к окну. Майор вернулся через двадцать минут со знакомым чемоданчиком в руке.

– Спасибо. – Майлз забрал у него чемоданчик. – А теперь возьмите доктора Юэлла прогуляться. Только уведите его незаметно. Я вам скажу, когда можно будет вернуться.

– Милорд... если речь идет о допросе с суперпентоталом, то я уверен, что СБ хотела бы, чтобы я присутствовал.

– Я знаю, что хочет служба безопасности. Можете быть уверены, что я потом расскажу им все, что им нужно знать. – Ха, для разнообразия пусть побывают в шкуре лейтенанта Форко-сигана, не раз присутствовавшего на всех этих совещаниях, где не сообщали жизненно важных вещей... Иногда жизнь просто чудесна. Майлз кисло улыбнулся. Дэмори благоразумно кивнул.

– Слушаюсь, милорд.

Майлз стоял в сторонке, когда Дэмори увел Юэлла. Зайдя в комнату, он запер за собой дверь. Профессор Фортиц с доктором Ривой озадаченно посмотрели на него.

– А это для чего? – спросила доктор Рива, когда Майлз поставил чемоданчик на стол и раскрыл его.

– Доктор Рива, я прошу и требую несколько более откровенного разговора, чем состоялся у нас с вами. – Он достал инъектор и отмерил дозу из расчета приблизительного веса женщины. Аллергический тест? Вряд ли он нужен, но это стандартная процедура. Если ему не придется гадать, то не придется и ошибаться. Он оторвал один пластырь и подошел к Риве. Сначала она была слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, когда Майлз взял ее руку, перевернул и прилепил пластырь к запястью, но тут же резко выдернула ладонь. Майлз отпустил.

– Майлз, – забеспокоился профессор Фортиц. – Что это такое? Ты не можешь использовать суперпентотал... Доктор Рива – моя гостья!

Еще чуть-чуть, и... В старые скверные времена дело дошло бы до дуэли. Майлз набрал в грудь побольше воздуха.

– Милорд Аудитор, доктор Рива. Во время этого расследования я дважды принял неверное решение. Если бы я не ошибся, то ваш зять был бы жив, мы бы поймали Судху прежде, чем он успел сбежать со всем оборудованием, и не сидели бы сейчас в глубокой тактической яме, решая головоломки. И оба раза ошибка была одна и та же. Во время нашего первого визита в Департамент Терраформирования я не настоял, чтобы Тьен отвез нас на опытную станцию, несмотря на то что мне хотелось ее посетить. А на следующую ночь я не настоял на допросе с суперпентоталом госпожи Радоваш, несмотря на то что хотел это сделать. Как специалист по анализу неполадок, профессор, скажите, я не прав?

– Прав... Но ты не мог этого знать, Майлз.

– О, но ведь мог и знать. В этом-то все и дело. Но я не сделал тогда то, что должен был, потому что не хотел, чтобы казалось, будто я злоупотребляю данной мне властью Импер-

ского Аудитора или использую ее как дубинку. Особенно здесь, на Комарре, где все с меня, сына Мясника, глаз не спускают, ожидая, что я стану делать. А кроме того, я большую часть жизни сопротивлялся власти и вдруг оказался сам этой самой властью. Вполне естественно, я несколько растерялся.

Рива прижала ладонь ко рту. Никаких покраснений на внутренней стороне запястья не оказалось. Отлично. Майлз вернулся к столу и взял инъектор.

– Лорд Форкосиган, я не даю на это согласия, – резко заявила Рива, когда он приблизился к ней.

– А я его и не прошу, доктор Рива. – Он прикрывал правую руку левой, как при драке на ножах. Инъектор коснулся кожи женщины, когда та, отвернувшись, начала вставать. – Чтобы не ставить перед жестокой дилеммой.

Рива осела на стуле, уставясь на него во все глаза. Рассержена, но не в отчаянии. Погружена в собственные мысли. Прекрасно. По крайней мере это избавило их от неловкой сцены, если бы ему пришлось гоняться за ней по всей комнате. Даже в ее возрасте она скорее всего легко убежала бы от него, если бы действительно хотела это сделать.

– Майлз, – с опасной ноткой в голосе начал профессор, – это может быть твоей привилегией как Аудитора, но лучше бы тебе объяснить.

– Вряд ли это привилегия. Скорее долг. – Майлз посмотрел в глаза Ривы, когда ее зрачки расширились и она полностью расслабилась. Он не стал прибегать к стандартному началу допроса, как обычно делается в ожидании, пока наркотик начнет действовать, а лишь наблюдал за ее губами. Сжатые в ниточку губы женщины медленно расплылись в обычной суперпен-тотальной улыбке. Но глаза ее оставались более сосредоточенными, чем у большинства оглушенных наркотиком людей. Майлз готов был биться об заклад, что при желании она запросто превратит допрос в затяжной бег по кругу. Так что ему придется попотеть, чтобы сделать этот бег как можно короче. А самый короткий путь по враждебному графству – три четверти периметра.

– Профессор Фортиц поставил перед вами очень интересную проблему, – заметил Майлз. – Это в некотором роде привилегия – принимать участие в ее решении.

– О да! – охотно согласилась доктор Рива. Затем улыбнулась, нахмурилась, руки ее нервно задержались, потом на лице снова появилась улыбка.

– За такую работу, если будет результат, можно получить премию и членство в академии.

– Даже лучше, – заверила она его. – Новые открытия в физике совершаются раз в жизни, и, как правило, тогда, когда ты либо слишком молод, либо слишком стар.

– Странно, но нечто подобное я слышал от военных. Но разве не Судха снимет все сливки?

– Сомневаюсь, что это идея Судхи. Готова поспорить, все сделал его математик, Каппель, или, возможно, бедолага Радоваш. Открытие должно носить имя Радоваша. Он за него отдал жизнь.

– Мне бы не хотелось, чтобы еще кто-нибудь за него отдал жизнь.

– Конечно, – охотно согласилась она.

– Повторите, пожалуйста, как, вы сказали, это называется, доктор Рива? – Майлз постарался задать вопрос с интонацией озадаченного студента. – Я не понял.

– Технология свертывания п-в-туннелей. Хотя должно найтись название получше. Наверняка ваш доктор Судха называет это как-то короче.

Лорд Аудитор Фортиц, до сего момента наблюдавший за ними со скрытым неодобрением, медленно выпрямился. Зрачки его расширились, губы безмолвно шевелились.

В последний раз Майлз испытывал такое неприятное чувство в желудке, когда десантировался в бой с небольшой высоты. *Технология свертывания п-в-туннелей? Неужели это означает то, о чем я думаю?*

– Технология свертывания п-в-туннелей, – ровным тоном повторил он в лучшем стиле ведения допроса с суперпентоталом. – П-в-туннели свертываются сами, но я сомневаюсь, что люди могут заставить их это сделать. Разве для этого не требуется колоссальная энергия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.